

**ЗАЧЕМ
БОТУ
ДЬЯВОЛ**

Л. Январев

Впервые опубликовано в журнале «Квир» в 2013 г.

<http://www.kvir.ru/>

© Л.Январёв voron373@gmail.com

Ночные птицы

Зачем богу дьявол?

Часть первая

Любые совпадения с реальностью являются случайными, в том числе географические названия, названия стран, названия организаций.

Хаос — это бесконечные вероятности самоорганизации бесчисленных и бесконечных миров. Хаос не имеет причины, потому что он причина всего. Абсолютная непредсказуемость, непреднамеренность, беспричинность — абсолютное условие самоорганизации бесчисленных, бесконечных и бесконечно сложных систем.

«Я начинаю эти записи не, потому что боюсь забыть. Я боюсь, что об этом некому будет написать. Для кого я пишу? Не знаю. Но чувствую, что должен написать.

Сколько людей осталось на планете Земля? Не известно. Сотни тысяч, миллион, десять миллионов... Не известно. Очевидно, что счёт уже не идёт на миллиарды. Нас осталось мало».

Дальше шли каракули, вероятно, графическое воплощение напряжённой работы мысли.

Николай усмехнулся и положил блокнот на стол. Утро набирало силу, Не произошло ничего такого, от чего солнце не должно было подняться.

Никита сладко спал и походил на милого подростка, который мил пока спит, но проснувшись, становится невыносим. Сколько ему? Говорит, что двадцать четыре, а ведёт себя иногда еле на пятнадцать. Разница в возрасте у них с Николаем небольшая, всего шесть лет, но часто это похоже на отношения молодого отца с капризным сыном.

Они долго выбирали место без тошнотворного трупного запаха. Разлагающиеся тела повсюду. Убирать их некому. Никита зажимал нос и обрызгивался дезодорантом, который захватил из дома: вот поистине неперемнная вещь в катастрофическом багаже!

— Брось! Ты ещё больше раздражаешь обонятельные рецепторы. — попытался объяснить Николай. — От этого только хуже. Притерпись.

— А ты всё знаешь! — огрызнулся Никита.

Но даже если и притерпеться, то ощущение запаха лишь слабеет, он стоит везде и пропитывает всё — одежду, тело, мысли, душу; отбивает аппетит и вгоняет в депрессию, больше, чем вид мёртвых тел. В полумраке трупы ше-

велятся. Это крысы. Их полчища. Запах бесхозной мертвечины возбуждает их как наркотик. Свежая, лакомая мёртвая плоть в необозримом количестве! Это настоящий крысиный пир. Мухи бояться темноты и урывают своё днём, без усталости откладывая личинки, любят трупы постарше, пожиже...

Отказался спать в машине Никита. Это была не истерика, но истерикой всё бы закончилось. Он заявил, что не может спать в машине, потому что это не сон, а черте что, потому что Николай храпит, потому что... Какая разница почему! Николай не стал спорить. В их распоряжении был весь город, весь мёртвый город, в который они заехали по дороге в неизвестность.

Ночь провели в несильно разграбленном магазине, так что нашлось, что постелить на пол. В машине было бы удобней.

Присев на импровизированную кровать, Николай осторожно положил руку на плечо спящего ангела во плоти и вполголоса произнёс:

— Подъем.

Никита не реагировал.

— Подъем! — это уже был командирский металл.

Никита смахнул с плеча досаждающую руку и буркнул:

— Отстань.

— Вставай, писатель. А то брошу тебя тут.

Издевательское «писатель» подействовало как пощёчина. Никита резко сел, но до конца не проснулся:

— Тебя учили, не копать в чужих вещах?

Проснувшийся ангел превратился в фурию. Никита смотрел зло и непонимающе. Почему он здесь? Кто этот парень? Что происходит? Но сладостное неведение исчезло стремительно. Никита обхватил голову руками:

— Блядь, лучше бы я во сне сдох!

— Глупости. — для порядку сказал Николай, хотя и сам был недалёк от подобных мыслей.

— И даже без утренней эрекции... — попробовал пошутить Никита, но получилось не смешно. Он с тоской смотрел на своего спасителя. Почему они не встретились в обычной жизни? Полусонные глупости промелькнули в голове и растворились в жуткой, разящей трупной воню, реальности. Подспела и утренняя эрекция.

— Бросит он меня! Размечтался! — буркнул Никита.

Ледяное спокойствие Николая иногда выводило Никиту из себя, хотя в теории должно успокаивать окружающих в нервной обстановке. Наверное, мало окружающих — один Никита. А может быть Николай равнодушен ко всему? Нет, на равнодушие не похоже. Ещё у него, странная манера разговаривать: без знаков препинания и не понятно то ли вопрос, то ли утверждение? А когда слушает, не понятно — слышит ли? На самом деле всё слышит, всё видит, всё замечает, даже когда погружается в свои мысли. Брутальная скала, а не человек!

Первые сообщения в новостных лентах о вспышках загадочной болезни по всему миру Никиту не впечатлили. Очередная атипичная пневмония, птичий или свиной грипп. Проходили! К тому же, если ты ВИЧ положительный, то судьба человечества тебя уже не так волнует, как здорового человека. Вероятно, любая смертельная болезнь превращает либо в святого, либо, как минимум, портит характер. До святости Никите не хватало святости, а с характером всегда были проблемы. Бабка по матери считала, что это от дурной наследственности по отцу, бабка по отцу считала наоборот. Семейка ещё та!

Никиту любили по обе стороны семейной баррикады и без меры баловали. Отец по пьянке в лепёшку разбился на шикарнейшей машине. Никаких воспоминаний о нём у Никиты не осталось, но в семье полагали, что это травмирующая душу ребёнка тема. Вроде бы в три годика он сильно переживал, так переживал, что мать угодила в психушку. Одна из бабушек сообщала время от времени по секрету про психушку, никак не связывая со смертью сына, другая, то же по секрету, уверяла, что его отец довёл мать до нервного срыва и в итоге сам дурно закончил. Сейчас Никита думал иначе. От нечаянного двойного счастья у мамы поехала крыша — погиб злодейский муж, да ещё и наследство привалило. Мать никогда не скрывала, что вышла замуж из-за денег за бандита. Она красавица. Да и отец, судя по фотографиям, был не дурен собой. Внешние данные родителей благополучно перешли к Никите.

После смерти отца дальше было как в песне: «Почему всё на свете так странно — папок много, а мамка одна?». По малолетству и неразумению Никита называл двух последовавших отчимов «папа». Но они потерялись в мамином жизненном водовороте и, когда появился третий, он стал просто Димой. Мужик оказался толковый, благородных кровей и с хорошим достатком. Тогда мама ещё была весьма разборчива и чувствительна к материальному положению своих избранников. Дима не набивался в отцы, всегда был занят то работой, то мамой, не жалел денег на две семьи — старую и новую. Никита

учился в дорогой школе, отдыхать ездили по престижным заграницам. Чаще всего он был предоставлен на попечение не менее занятых бабушек, одна из которых преподавала французский чуть ли не в разведшколе, а другая была профессором и заведовала кафедрой химии в университете. Поэтому на самом деле чаще всего Никита был предоставлен самому себе.

Первое настоящее сексуальное возбуждение Никита испытал в тринадцать лет, увидев иллюстрацию статуи микельанджеловского Давида. Он смотрел на прекрасное мужское тело и у него встал! Нет, с эрекцией проблем не было и раньше, но для этого нужно было потеревить, а тут вдруг обошлось без рукоблудства. Яркость испытанного чувства ошеломила его. Став старше Никита понял, что ничего исключительного, необыкновенного тогда не произошло. Интересно, сколько ещё мальчиков во всем мире в разные времена испытали подобное, глядя на прекрасного, вечного Давида? Никита лишь в их числе. Ханжи и лицемеры, запретите Давида! Он пробуждает в юных душах гомоэротическую чувственность. Фанатики собственной правильности, разбейте Давида!

Подростков мало волнуют социально-педагогические бури. А в борьбе за их нравственность дяденьки и тётеньки ломают полемические копыя, принимают законы, ужесточают, профилактируют, спекулируют на детях, передёргивают факты, зарабатывают политические дивиденды. В конце концов, даже искренние начинания воплощаются в абсурдные формы общественно-политической педофилии. Чрезмерная борьба всегда превращается в свою противоположность. И всё это происходит в Несчастной стране, где половина из детей, отбывающих своё детство в приютах, сироты при живых родителях. Туда не докатываются раскаты праведного законотворческого грома, поэтому нравы там незамысловаты: девочки бесперечь беременеют, старшие мальчики насилюют младших мальчиков, взрослые пользуются и девочками, и мальчиками. А где-то далеко родители лишеныцы в пьяном застолье вторят высоконравственным законодательным дяденькам и тётенькам, соглашаясь, что давно пора. В общем-то, им не важно, что пора — всё пора! А то кощуницы блядские святые храмы паскудят.

В детстве моралетворческое педагогическое насилие взрослых Никиту счастливо обошло стороной. Его тянуло к парням без малейшего внутреннего сопротивления типа мыслей о какой-то своей неправильности. Если бы кто-то вколачивал ему в голову обратное, то всё равно бы тянуло, только с мыслями о своей неправильности и всё равно бы их перетянуло.

Никите не было ещё и четырнадцати, когда старшеклассник, на которого он заглядывался, отвёл его в укромное место, поставил на колени и дал в рот. Первого парня звали Вова, и на следующую встречу он пригласил

двух своих друзей. Никита не возражал. Так продолжалось с полгода до их выпускного. Троица с удовольствием имела Никиту в рот. Обошлось без сплетен и пересудов. В престижной школе учатся умные детки. Лишние разговоры им не к чему. Лицемерие и ханжество, почитаемые как воспитанность, социальные ритуалы заменяющие нравственность — вот главная наука, которую должны были усвоить в первую очередь будущие светские львы.

Никита не остановился на достигнутом и спровоцировал тренера по плаванию на педофильскую связь. Тогда же он впервые отдался по-взрослому.

Анальный секс как пиво: попробовав его в первый раз трудно сразу понять, что хорошего в горьком как микстура напитке, нужно войти во вкус. И пиво, и настоящий трах Никита пригубил одновременно. Недоумение от того и другого продолжалось недолго, правда, большим любителем пива он так и не стал.

Потом был тренер по теннису, страстный парень, которого Никита с удовольствием подростковой жестокости мучил своими капризами. Ох, уж всякие разные душераздирающие истории о совращённых мальчиках, их сломанных судьбах. Никита не верил в подобные журналистские байки, но понимал плачущие в камеру мальчишеские головы с прикрытыми полоской глазами. Всплыви его похождения, то и он под давлением полицейских циников и безумных психиатров, наверное, сломался бы и ронял бы публичные слёзки на свою как бы глубокую душевную травму. Вот это точно сломало бы ему жизнь!

Интереса ради, Никита завёл подругу, как того требовали гетеросексуальные приличия. Было забавно целоваться с ней, изображать из себя галантного кавалера на радость родственникам и учителям, показывая свою нормальность в их понимании. Дальше поцелуйчиков обычно не доходило, но однажды... Никита пригласил подружку домой. Они долго, страстно целовались и это искренне возбуждало. Подружка не сопротивлялась. Никиты задрал ей юбку и стал стягивать трусики... То, что он увидел, отрезвило его на всю жизнь. Потом в каком-то похабном стихотворении Никита вычитал строчку: «Страшна как сумка у бандита...». Именно так! Эрекция исчезла, словно её и не было. Бисексуала из Никиты не получилось. Мальчишки! Пусть девочки сами снимают с себя трусики. Пока не станете взрослыми, берегитесь того, что можете увидеть.

Мама прожила с Димой больше, чем с прежними мужьями и даже с его помощью стала бизнесвумен. Вполне приличная, преуспевающая семья без особых потрясений, сор и склок. Правда, мать совершенно не знала, чем живёт её сын. Изредка устраивала разговоры по душам, Никита выдумывал

смешные истории из своей жизни и они вместе хохотали над ними. Конечно, её смущало, что у сына с некоторых пор нет девушки и многовато друзей, которые частенько остаются на ночь. Но и радовало, что эксцессы юношеской любви обходят семью стороной. Дима всё прекрасно понимал, но не вмешивался. С ним Никита был более откровенен, чем с матерью и ни разу о своей откровенности не пожалел. Дима то и дело без чрезмерных нотаций и педагогического насилия вытягивал пасынка из мелких подростковых передряг, может быть, поэтому не случилось крупных. Бывало и не раз, когда Никита останавливался у границы, за которой шалость могла разрастись до тяжёлого сумасбродства, не из страха наказания, а потому что искренне не хотел потерять доверие и финансовую поддержку отчима. Мама не жадная, но любопытная, чтобы получить от неё деньги, нужно было тысячу и один раз соврать, отвечая на тысячу и один её вопрос.

Семья развалилась без скандалов. Дима просто ушёл. Никита подозревал, что у мамы своеобразные представления о супружеской верности и вот она хватилась через край.

— Не прощаюсь. Всегда рад тебя видеть. Ты знаешь. — Дима хотел ещё что-то сказать, но передумал.

— Неправильно всё это. Неправильно! — ответил Никита. Прочный, надёжный как скала человек уходил, и вместе с ним уходила безмятежная юность: — Спасибо за всё. Прости, иногда я был таким козлом!

Никита помнил, что сказал именно так и даже может в этом поклясться, но в действительности он промолчал. Кто реже, кто чаще все мы придумываем своё прошлое.

А вскоре в доме появился альфонс по имени Толик, хотя лучше бы Тузик. На десять лет младше матери, щеголеватый, самоуверенный, без серьёзных занятий, с невнятным прошлым. Он забывал смывать за собой унитаз, разбрасывал свои вещи, шлёлся по квартире полуголый, дурно пах и набивался к Никите в друзья. Отношения с матерью испортились. Она так и не нашла в себе мужества хоть что-то объяснить сыну. Толик задавал чудовищно бестактные вопросы, комментировал друзей Никиты и заходил в его комнату без стука. Но хуже другое — его похотливый лапающий взгляд. В чём в чём, а уж в таких вещах Никита разбирался.

Нарыв отношений зрел быстро. Обычно дома Никита проходил сразу в свою комнату с демонстративно навешанным на двери амбарным замком и запирался изнутри не менее демонстративным засовом. Мать, когда увидела эти элементы интерьера впервые, устроила поперёчную истерику. Никита выслушал спокойно и чётко артикулируя, предъявил ультиматум: если

этот её сволоочь ещё раз переступит порог его комнаты, то Никита уйдёт из дома к отчиму. Удар ниже пояса. И не последний. Как-то в подпитии Толян улучил момент, когда Никита искал что-то в гостиной, где появлялся редко, подошёл сзади и обнял его. Пьяный вонючий шёпот полился бессвязным потоком:

— Ты цены себе не знаешь! Какой ты... Ты сказка. Я постоянно о тебе думаю. Я хочу тебя. Проси, что хочешь... Боже... Какой ты...

Толян попытался поцеловать Никиту в шею и в ответ получил от него резкий удар локтём в поддых. Очевидно, удар пришёлся от души, потому что закончился неотложкой. У Толяна что-то сдвинулось во внутренностях, спасибо, что не лопнуло.

Мать металась по квартире как старая ведьма взаперти. Что ей мог объяснить Никита? Она бы не поверила. Ни за что не поверила бы! Объяснять такое, значит ещё больше всё усложнить. И что она нашла в этом Тузике? Ради него она предала любящего и терпеливого мужа, теперь предаёт сына.

Созвали семейный совет. Одна бабушка звала к себе, другая — к себе, Дима — к себе. Какие унижительные предложения для матери, обеспокоенной агрессивностью сына!

— Ладно, хватит. Я думала, вы его вразумите... — мать с укором смотрела на родственников: — Я решила... Куплю ему квартиру. Он уже достаточно взрослый, пусть живёт сам, а пока поживёт в съёмной. Слава богу, не самые бедные.

Не сразу, но квартиру купили. Никите было лень заморачиваться ремонтом, обстановкой, нести бремя собственности, ругаясь с управляющими компаниями, оплачивать счета и ещё неизвестно что! Он свалил всё это на бабушек, а сам жил в съёмных квартирах, что оказалось вполне удобно. Маятник материнского сердца качнулся в другую сторону, как только Никита вышел за порог родительского дома. Все расходы Никиты оплачивались безропотно, а телефонная забота первое время была настоящей пыткой. Но всё устоялось и притерпелось.

В университет Никита поступил без особого интеллектуального напряжения, выбрав загадочную специальность — социальная психология. И что его торкнуло? Склонности к мазохизму Никита в себе не замечал, но иначе чем мазохизмом такой выбор назвать трудно. С психологией ещё как-то можно смириться, а вот слово «социальность» только что рвотный рефлекс не вызывало. Бабушки — в шоке. Та, что профессор, безапелляционно заявила — психология не наука, а шарлатанство, социальная психология — это шарлатанство вдвойне! Та, что французенка, предложила альтернативу — языковой

ВУЗ, ведь у ребёнка явная склонность к языкам. Может быть и так. От одной бабушки Никита получил сносный французский, от другой — твёрдый английский. Как же приятно быть единственным и любимым внуком! Пока они обсуждали его выбор, Никита чувствовал себя драгоценностью, для которой трудно найти достойное её обрамление. Главное, это дать им выговориться, а потом они сделают так, как решит он.

Тогда же разразилась первая любовь. Никита узнал как это, когда голова от счастья кружится. Действительно, где была его голова? На седьмом небе от счастья! Влюблённые не замечают своей банальности. Верят в исключительность своих чувств и в то, что всё у них будет иначе, чем у остального человечества. Любовный романтический бред искажает жизненное пространство. Возвращение в реальную жизнь — падение с седьмого неба. Думаешь, что всё вокруг летит кувырком, а на самом деле кувыркаешься только ты. Любовная ломка — это в основном не смертельно, но когда она в первый раз, кажется, что жизнь закончилась.

Никита не мог поверить, что брошен. Очередная ссора, сколько их было! Злость и обидные слова испарились быстро. Осталась высасывающая душу пустота. Бросился в вдогонку, а место уже оказалось занято очередным, боле тугим, чем у Никиты кошельком. Бедный, но красивый юноша с успехом продолжил конвертацию своей молодости в наличные. Никита — так, разминка, проба сил. Проституцией столько не заработаешь, сколько можно заработать на любви. Золотая клетка? Да! Лучше чем свобода в нищете. Кто нищеты не знал, не поймёт. Никакой свободы в нищете нет. В райском шалаше — лишь смрад примитивной жизни. В любви Никита оказался безбашенным, слепым и глупым.

Впав в хроническую истерику, Никита обречённо влачил себя по городу, пока, как слепая лошадь, добрел до французской бабушки. Вместо лица горестная маска, в душе — разбитое сердце, в голове — бардак. Бабушка ни о чём не спрашивала. А просто укрыла внука от остального мира своей любовью и заботой, не забыв при этом срочно вызвать другую бабушку. Полжизни они ссорились из-за детей, а потом, оказалось, что друг без дружки просто никак не могут обойтись. Бабушка профессор примчалась, как только смогла освободиться. Она застала близких за игрой в лото. Когда бабушки уединились на кухне, чтобы о нем пошептаться, Никиту снова накрыла волна жалости к себе.

Успокаивая внука, французская бабушка села с ним рядом на диван, обняла его и запела колыбельную по-французски, как в его детстве. Бабушка профессор готовила ужин. Они поели, и остаток вечера провели за игрой: одна бабушка задавала вопросы по-английски, другая по-французски, а Никита

должен был отвечать на обоих языках. Это тоже игра его детства. Потом бабушки о чём-то заспорили, без этого никогда не обходилось, а Никита, пригревшись на диване, уснул.

Утром, когда Никита проснулся, дома уже никого не было, только записка и остывший завтрак на столе. Прошёл в ванную и увидел себя в зеркале: на него смотрело чучело! Переживания не украшают, но чтобы до такой степени! Никита сделал изображению ручкой.

— Пошёл вон, урод! — ответило чучело.

Помаленьку Никита выкарабкался из любовной горести. Мать, как обычно, пропустила сложный период сына. Но однажды с опозданием на несколько лет всё же собралась серьёзно с ним объяснить: она боялась, что Никита не понимает и осуждает её.

— Пойми, в моем возрасте не приходится выбирать. — мать тяжело вздохнула, словно не поменяла одного мужика на другого, а бедная и несчастная облазила все помойки пока не нашла вариант: — Я прошу тебя, не называй его Тузик. Он обижается.

Никита пообещал звать Толика Толиком, но своё обещание выполнять не собирался.

— Да, если уж о семейном... — мать игриво повела головой: — Почему ты никогда не приходишь к нам со своей девушкой?

— Девушкой?! — изумился Никита, он был уверен, что в семье все уже о нём знают: — Мама, я гей!

— Кто? — не поняла сразу мать.

— Гей, я гей, трахаюсь с парнями — разъярил Никита.

— И давно это у тебя? — настала очередь матери удивляться: — Я бы заметила, как такое не заметить?

— Всегда. — Никиту позабавило слово «заметила»: — Например, ты помнишь моего тренера по теннису?

— О! — мать сказала это мечтательно: — Роскошный парень. Как же не помнить? Он у нас и дома бывал. Ах, была бы я по моложе ...

— Я с ним трахался, мама! Дома! — Никита дождался пока до маминого сознания дойдут его слова: — Это о твоей наблюдательности! И так далее и тому подобное.

— Но тебе тогда было... — мать не могла сообразить

— Около пятнадцати. — помог ей Никита.

— Значит, внуков мне не видать. — сокрушённо констатировала мать: — А может быть, ты как-нибудь постарайся? Не сейчас, разумеется, я вообще... Когда-нибудь. Я собственно, и об этом хотела поговорить. В будущем, может быть, это пройдёт, мало ли...

Никита обнял мать.

— Мамочка, я тебя люблю. И буду любить. Никакой Тузик мне не помешает.
— Никита чмокнул мать в щеку. — Но внуков тебе обещать не могу. И ничего не пройдёт. Это не насморк.

За время учёбы никаких судьбоносных поворотов в жизни Никиты не случилось. Он больше не влюблялся, любовников не содержал, вполне обходился интрижками, иногда затяжными. Никита считал, что управляет своими чувствами. На самом деле он не встретил человека, которого бы полюбил.

На Никиту часто западали малолетки, но ему с ними было не интересно. Кроме того, завести мальчика — просто, но избавиться от него — трудно. Кто знает, сколько таких брошенных отомстили своим старшим любовникам заявлениями об изнасиловании, мол, сколько раз к нему приходил, столько раз он меня и насиловал, а я всё приходил да приходил? Подростковая жестокость, недомыслие, меркантильность в сочетании с влюбчивостью — гремучая смесь. Мальчишек, желающих найти секс-спонсора во много, во много раз больше, чем охотников до мальчишеского тела.

Занимаясь социологией, Никита пришёл к выводу, что общество всегда является не тем, что оно о себе думает. Чем больше законов, регламентирующих человека в личной жизни, тем менее реалистично общество в оценке себя. Человек не поддаётся дрессировке вообще, он может только притвориться. За тысячелетия в сексуальном поведении человека ничего не изменилось, какие-бы времена ни стояли на дворе, какие бы законы ни принимались, разве что импотентов стало побольше. А борцы за нравственность всё не уймутся. Интересно, в каком обществе они живут?

У фарисейской кухни есть вечный рецепт. С чем бы вы ни боролись — гомосексуализм, курение, аборты или права человека — подмешайте в блюдо борьбу за родину, за священные идеалы, за традиционные ценности, за святые устои, не забудьте приправить напоминанием о предназначении стать центром духовного возрождения человечества. И пусть кто-нибудь

попробует отказаться от вашего ядовитого блюда! А тот, кому оно не по нутру, тот и явит свой истинный дьявольский лик перед народом.

Одно время Никиту занимал вопрос о сексуальном насилии во время войн. Толчком стал современный вооружённый этнический конфликт, во время которого один этнос поголовно изнасиловал другой этнос, причём оба этноса идентифицировали себя как мусульмане. В истории очень много свидетельств, что изнасилования неперенный спутник войн, при этом, чем строже сексуальные нормы в обычной жизни победителей, тем разнужданнее они ведут себя с побеждёнными. Это справедливо как для событий многовековой давности, так и для сегодняшнего дня. Не изменилось ничего. Материал, который собрал Никита, его научный руководитель не отнёс ни к социологии, ни к психологии, а назвал историческим эссе, разжигающим межнациональную рознь. Про рознь понятно — о войнах всё-таки, но при чём тут национальность? В чём-чём, а в насилии, все нации одинаково хороши, в том смысле, что плохи.

Дежурные фразы о кризисе морали и нравственности в современном обществе, вызывают наивные вопрос. Назовите общество в истории человечества, в котором хотя бы одну секунду было бы по другому? О времена, о нравы! Это вечная сентенция. Лучше или хуже не бывает, бывает в разной степени плохо. Университет проявил в Никите убеждение, которое, как ему кажется, подспудно было у него всегда, — нет участи более мрачной, чем прожить жизнь в Несчастной стране. Лишь по началу он с интересом школьника участвовал в различных социологических обследованиях. Самое первое эмоциональное впечатление — в стране преобладают клинические идиоты. Увы, это было бы благом по сравнению с действительностью. Всё как всегда гораздо сложнее. Общество Несчастной страны пропитано ядом исторической, социальной и религиозной лжи. Погоду и карьеру в нём делают социопаты различных мастей. Способности, талант, искренние убеждения — негативный набор качеств, который среди успешных людей можно встретить лишь в порядке исключения из общего правила. Для светлых голов предусмотрены ниши, из которых они не в состоянии влиять не общественные процессы.

Социология в Несчастной стране — уморительной занятие. Фига в кармане — национальная привычка даже если речь идёт о безобидном анонимном опросе — нашли дурака правду вам говорить! Особенно и в первую очередь это касается проявления лояльности к властям предержащим. Общественная поддержка власти, если такая вообще существует, — всегда как бы поддержка. Сегодня поддержка, завтра бунт — загадочна народная душа! Может статься она, как тот сфинкс, и в ней от века загадки нет и не было.

Народ несчастной страны — это природное и поэтому мало предсказуемое явление. Но чтобы он не натворил, всё равно его жалко.

Для себя Никита решил твёрдо, что Несчастливая страна — не его страна, он здесь временно.

Диплом подоспел даже как-то неожиданно. Никите предлагали остаться в аспирантуре, но бабушки, всё обсудив, решили, что образование лучше продолжить за границей. Это совпадало с намерением Никиты жить подальше от родины и наблюдать за ней со стороны с искренней печалью в сердце. Но не судьба! В перечне документов справка на ВИЧ.

Кровь Никита сдавал с обычным для любого молодого человека, ведущего рискованный образ жизни, волнением. А вдруг? И «вдруг» случилось. Жизнь моментально сузилась до узкого прямого туннеля, ведущего к неизбежному. Когда перед тобой много дорог, тропинок, и даже бездорожье как вариант, то жизнь кажется вечной. Одно дело — идти навстречу своей судьбе, и совсем другое — столкнуться с ней лоб в лоб! Сотрясение мозга, как минимум, обеспечено. А что за мысли лезут в голову?! В каких глубинах сознания они прячутся до поры? Подхваченные со дна штормом душевной смуты, они ставят под сомнение инстинкт самосохранения.

Мы регулярно сталкиваемся с хрупкостью жизни. Болезни, несчастные случаи, убийства, терроризм, война... Но стоит только захотеть лишиться себя жизни и оказывается, что это сложно практически. Если бы существовала такая кнопка — нажал, и тебя нет! — Никита нажал бы её, когда окончательно осознал новую реальность, в которой очутился. Но такой кнопки нет, а общество не даёт право такого выбора, не считая некоторых послаблений в исключительных случаях, но речь не о них. А напрасно! Почему нельзя заказать себе лёгкую смерть, если ты так решил, пусть даже твоё решение ошибочно, сиюминутно?

Почему общество вынуждает самоубийц вешаться, прыгать с крыш, топиться, травить себя? Нежелание жить всё равно находит свой ужасный выход. Никита перебрал в уме и в интернете, кажется, все возможные способы покончить с собой, но не один из них ему не понравился — больно, мучительно, страшно и часто ненадёжно. Разве что застрелиться? А может быть заказать себя? Интересно, сколько это будет стоить? И как найти исполнителя?

Можно не лечиться — это тоже форма самоубийства растянутого на годы. Подробный анализ показал минимальную вирусную нагрузку и большой запас прочности иммунной системы. Пока он лишь ВИЧ положительный, до

СПИДа, вероятно, ему ещё далеко, хотя, кто знает это наверняка? Врачи? Никита прочитал кучу всего про свою проблему, многое не понял, а из того что понял в голове образовалась информационная каша приправленная недоверием к медицине.

Когда он заразился? А какая теперь разница! Но всё же... Месяцев семь-восемь назад Никита ехал в троллейбусе. Народу было немного. Он сидел спиной к водителю, прямо напротив сели два парня — высокие, стройные, ошеломительно сексуальные. Никита не мог оторвать от них глаз и поверить, что такое вообще бывает, что это всё происходит в троллейбусе, а не в волшебной стране. Он не заметил, как пропустил свою остановку, он вообще не видел ничего вокруг кроме них. Появись эта парочка в геевской тусовке, тусовка бы взорвалась. Да и что такое геевская тусовка? Куча навоза!

Не заметить внимание Никиты было невозможно: парни могли ответить грубостью, или проигнорировать, но они понимающе переглянулись и пригласили его в гости. Чудо состоялось. Секс был сумасшедший. Словно все трое до этого сидели на голодном пайке, а тут дорвались до пищи. О защите они не думали.

Как потом выяснилось, обычно парни обслуживали богатых дам и их мужей одновременно: по переменке трахали обоих супругов. Хорошо зарабатывали. Иногда им платили «за посмотреть», как они занимаются сексом друг с другом, но ни любовниками, ни геями себя не считали. А вот мимо Никиты пройти не смогли. По их словам, такое у них случилось впервые.

Они из глубокой провинции, а чем глубже провинция, тем глубже жопа, в которой там всё находятся: постоянную работу найти трудно, в основном случайные заработки, зарплаты и на заплаты не хватает, не то, что на обновку, пьянство, криминал и безнадёжность жизни такая, что часто петля на шею, кажется лучшим выходом. Там их и нашёл Менеджер. Они его звали то так, то «наш прохвост». Он искал клиентов, договаривался, брал деньги и крысятничал, в чем не раз был уличён и один раз даже бит. Клиенты тоже не верили, в его честность и щедро давали парням чаевые. Развлечение не для бедных, так что цена — вопрос не критический, лишь бы толк был. Вот такая сексуальная шабашка.

Чёрненький — Сергей. Он был неразговорчив. Отсидел по малолетке. О себе не рассказывал.

Русый — Женя. Он любил поболтать. Дома остались жена и дочка. Когда показывал фотографию, целовал снимок и светился от радости, что они у него есть: жена и дочурка.

Увы, их тройственный союз не имел никакой перспективы. Встречались ещё несколько раз. Первая жадность друг друга прошла, но всё равно было классно. Никиту они звали — наш тортик. Потом внезапно пропали. С их работой с ними могло случиться всё что угодно. Никита после них долго не мог прийти в себя. Вскоре он почувствовал странное недомогание: простуда-непростуда, озноб, слабость, так промучился дня три, потом прошло.

Если бы Никита знал наверняка тогда, ещё в троллейбусе, чем всё обернётся, как бы он поступил? Отказался? Вёл бы себя разумней? Если бы, да кабы... Не корректные вопросы. Страстные воспоминания отодвинули актуальность суицида на второй план. В каком-то смысле акт самоубийства уже совершился, а застрелится никогда не поздно, чего торопиться?

Интернет сообщество, кажется, даёт ответы на все случаи жизни. Да вот только на поверку, семь вёрст до небес и всё лесом. Никита завёл анонимный аккаунт и вышел в свет себе подобных. Он не искал знакомства и секса. Тогда что он искал? Даже его профессиональные знания о социальном феномене виртуального мира оказались бесполезными для ответа на этот вопрос.

Регулярно на доске объявлений появлялись отчаянные объявления, смысл которых сводился к тому, что у меня обнаружили ВИЧ, не знаю, как жить дальше, не хочу жить. На один такой крик о помощи Никита ответил.

«1. Не паникуй.

2. Не спеши истерически оповестить всех окружающими тебя о своём новом статусе, а то потом, когда успокоишься (а ты обязательно успокоишься), очень пожалеешь об излишней откровенности.

3. Если есть человек, которому ты веришь и, который тебя не предаст, поговори с ним. Если такого человека нет... То теперь ты по настоящему поймёшь, как в жизни нужен такой человек. И, может быть, ещё долго и, скорее всего, не очень успешно будешь его искать.

4. Прочитай в интернет всё о ВИЧ — теперь это твоё чтение на долгие годы. Но не будь легковёрным. Интернет — это тоже своего рода диагноз. Думай, над тем, что читаешь.

5. Лечись! Сразу тебе терапия вряд ли потребуется, но это не значит, что можно обойтись без врача. Обращение к врачу первая стадия твоего лечения. Лечись! Заруби себе это на носу, в мозгах!

6. Критически относись к советам, которые получишь от таких анонимных друзей как я.

7. Живи. У тебя нет иного выхода, как принять свой ВИЧ статус. На это потребуется время. Сколько? У всех по-разному. Чем дольше ты будешь сопротивляться своему новому состоянию, тем разрушительней будет нагрузка на твою психику и, тем больше глупостей ты можешь наделать. Конечно, если ты полный идиот, то ты дашь жалости к себе сожрать твои мозги. Но тогда ничего другого ты и не стоишь».

Да, советы давать просто! И сам при этом приободряешься.

У ВИЧ положительного резко сужается выбор партнёра. Если раньше он трахался почём зря, то теперь трахается так, чтобы в случае чего, ему за это ничего не было. А это — тёмные комнаты, случайные контакты, экстрим... В легальном общении, не признавшись сразу, что у него ВИЧ, он, как правило, тем самым закрывает дорогу к дальнейшим отношениям. На что можно рассчитывать, сказав после того: «Извини, у меня...»? А признавшись до того, он, в абсолютном большинстве случаев, останется ни с чем. Как быть? Ответ на этот вопрос он начинает искать в интернет резервации своих... и попадает в террариум не единомышленников по несчастью. Там правят бал тактико-технические данные — возраст, рост, вес, размер и фотография. Какой-то переписхон может быть и случиться... Поневоле задумаешься о постоянстве и даже не секса ради, а иногда, чтобы просто поговорить по-человечески, а не прятаться за браваду и прочие глупости напряжённой ВИЧ-психики. А если к этому и секс сложится, то есть вероятность, что абстрактный «он» станет больше ценить отношения и меньше привередничать, мол, писька не та, попка не та...

Никита недолго разбирался с морально-этической головоломкой своего нового положения. Спасаться самоудовлетворением под порнографию — это не его путь. Пусть каждый сам отвечает за свои поступки. Хочешь предохраняться, предохраняйся, не хочешь предохраняться — то какая разница получишь ты это от меня, или кого-то другого? Вопрос времени. К такому выводу приходит большинство ВИЧ положительных, так решил Никита, проведя собственное соцрасследование, и встал на сторону большинства. Чаще всего диагноз никак не меняет сексуальное поведение, к тому же людей, которые не знают, что являются носителями вируса, вероятно, в несколько раз больше тех, кто узнал горькую правду о себе. А опросы показывают — почти половина геев и бисексуалов практикуют незащищенный секс, вряд ли от них отстают гетеросексуалы, давно перехватившие первенство у групп риска и стоящие в первых рядах пополняющих ВИЧ-сообщество. Распространение ВИЧ нельзя остановить профилактикой и увещанием. Нужно найти лекарство.

К тому времени, когда на свете появилась новая чума, Никита вполне от-рефлектировал свои ВИЧ-переживания. А новостные ленты становились всё тревожней, но казалось это где-то далеко. Да вот гром грянул близко!

За семь дней Никита потерял всех своих близких — мать, бабушек, Диму и даже Тузика! Уложить это в голове сразу было невозможно. Никита не чувствовал потери, боли и скорби, он ничего не чувствовал! Все они где-то есть, это недоразумение, была паника, всюду неразбериха... Он ждал, что с минуту на минуту, с часу на час, со дня на день, скоро зазвонит телефон и всё встанет на свои места.

Во всём мире, из того что посчитано, умерло 250 миллионов человек. Смерть не щадила никого, даже тех, кто находился на социальном вершине, наиболее предохранённом от всякого рода напастей. Вместе с рядовыми людьми умирали президенты, политики, бизнесмены. Такой катастрофы мировая история ещё не знала.

Учёные так и не смогли выявить вирус, вызывающий ураганную смертность. Болезнь начиналась с появления на теле полос чёрного и бурого цвета, лица больных походило на боевую раскраску индейцев. В течение трёх дней человек умирал. Внутренние органы словно переставали понимать друг друга и отключались. Болезнь пришла ни откуда и ушла в никуда. Смерти прекратились. Неделя оцепенения и ужаса закончилась. А началась она стремительно.

Больницы и морги быстро переполнились. Люди без крайней нужды не выходили из дома, улицы опустели. Кажется, все машины на дорогах стали машинами скорой помощи. Никита, не раздумывая пошёл в волонтеры, у него даже мелькнула мысль, что лучше умереть вот так, чем медленно гнить от блядской болезни. Матери соврал, что сидит дома. Работали круглые сутки, спали урывками. Умирали и врачи, и волонтеры... Умирали дети. Как страшно пережить своих детей! Никита увидел горе, много горя, так много, что в пору самому было свихнуться.

Трупы отвозили в специальные места и сжигали огнемётами, на всякий случай. Так что хоронить некого, и часто и некому. Уже на четвёртый день Никита не смог дозвониться до своих. Он сетовал на связь, она действительно сбоила, и надеялся, что мать и бабушки последовали его совету уехать за город.

Живое о живом. Страшные дни миновали. Будничная жизнь само настраивалась с трудом. Медики отметили всплеск самоубийств.

Долго обманывать себя можно, но — бесполезно. Начал было работать официальный федеральный сайт со списками умерших и почти сразу пал под напором запросов. В Минздраве Никите, как бывшему волонтеру, пошли навстречу и помогли выяснить, когда умерли его близкие и даже пообещали, что он вне очереди получит справки о смерти, необходимые для гражданских формальностей.

Никита плакал, орал, рычал, катался по полу, бил посуду и всё что попадётся по руку. Один дома он дал свободу своим эмоциям. С разбитыми руками, в крови, лёжа на полу в окружении бытового хаоса, он думал о том, как его любили, как с ним возились, как докучали своей заботой... А теперь он никому не нужен, даже сам себе.

Никогда Никита не думал о наследстве, то есть, само собой разумелось, что когда-нибудь он унаследует то, что останется от маминых альфонсов. И что об этом думать? Трагические события актуализировали тему наследства. Никита стал владельцем квартир, домов, бизнеса, немаленького капитала — это не считая всякой мелочи. Совершенно неожиданно оказалось, что Дима, бесспорно, в смысле возможных претензий каких-либо других наследников, оставил ему контрольный пакет акций огромной компании. И что прикажете с этим делать? Никита не находил в себе способности, а главное желания управлять семейным достоянием. В первый момент мелькнула мысль — а не прикупить ли какой-нибудь гей клуб? Но по здравому размышлению эта забава выглядела обременительно. Но что скрывать, быть богатым — это приятно!

То ли как пчелы на мёд, то ли как мухи на другое, сразу слетелись нотариусы, адвокаты и ещё не поймёшь кто. Никита снял роскошный номер в сверхзвёздочном отеле, чтобы встречаться со всей этой братией. На самом деле чистой воды выпендрёж, он это понимал, но не мог себе отказать в удовольствии почувствовать себя хотя бы микро олигархом.

Однажды без приглашения, без предварительной договорённости в номер к Никите зашёл пожилой мужчина. Одет он был дорого, но со вкусом. Это невольно обращало на себя внимание по контрасту: прохиндеи, которые теперь вертелись вокруг Никиты, в основном одевались дорого, безвкусно, претенциозно. Бабушка француженка понимала толк в одежде и внушила своё понимание внуку. А примером безвкусицы, как ни прискорбно это вспоминать, была мама. Странно, что при взгляде на незнакомца у Никиты мелькнули воспоминания о близких.

Мужчина скептически оглядел номер и, не представившись, не поздоровавшись, сказал коротко:

— Пошли отсюда!

И Никита пошёл в силу авантюрного настроения, которое не покидало его последнее время в наследственной круговерти. А ещё, приблизившись к незнакомцу, Никита почувствовал лёгкий аромат, будивший в душе что-то из детства.

Они уютно устроились в кафе напротив отеля.

— Я — Андрей Витальевич, ты — Никита. — констатировал незнакомец. — Я знал твоего отца, и я друг Димы. Твою маму с Димой познакомил я. Когда ты впервые его увидел, тебе было лет семь, и ты спросил: «Этого тоже папой называть?» Дима ответил: «Нет, просто — Дима». Ты сказал: «Дима — это лучше. Те папы такие козлы!»

— Я не помню. Так и сказал? — Никита улыбнулся: — Не помню. Отца тоже не помню. Совсем. Он действительно был бандитом?

— Тогда все были немного бандитами. Когда твой отец пришёл на мой день рождения с твоей мамой, на ней было жуткое платье в какой-то горошек. Но красавица! Ей бы ума побольше, а не красоты. Прости, что так говорю.

— Я знаю, чего уж...

— Смотрю на тебя и как будто их обоих вижу — молодых, счастливых... — Андрей Витальевич замолчал, принесли кофе, официантка отошла и он продолжил: — Твоего отца убили.

Никита от такого поворота разговора поперхнулся.

— Представляю, сколько у тебя сейчас в голове вопросов! — Андрей Витальевич замолчал, обдумывая, что сказать: — В целом история хотя и запутанная, но банальная — деньги, власть.

— Как его убили? — в голове Никиты действительно вертелась мозаика вопросов, разрозненных, несущественных.

— Удавка. Аварию инсценировали.— Андрей Витальевич сделал паузу: — Зачем я тебе это говорю? Чтобы ты не повторил судьбу своего отца. Всё должно было произойти не сейчас и не так.

— А как? — уже с раздражением спросил Никита. В последнее время у него появилось много доброжелателей и советчиков, а теперь оказывается, что кто-то ещё и планы на нём строил.

— Это уже не важно. — Андрей Витальевич сделал упреждающий жест раскрытой ладонью: — Не ерепенься! Сейчас ты во власти людей, для которых ты и помеха, и напоминание о прошлом.

— Если честно, я ничего не понимаю! — это вырвалось у Никиты как крик души: — Вдруг появляетесь вы, говорите... А я даже не знаю, как ко всему этому относиться! Какая-то параллельная реальность!

— Эпидемия. Она спутала все планы. — Андрей Витальевич напряжённо смотрел в глаза Никиты: — Пожалуйста, будь осторожен! Замечай всё, что происходит вокруг тебя. Доверяй своей интуиции, она у тебя есть.

— Ну, да... — согласился Никита, хотя считал, что с его интуицией даже на зелёный свет дорогу опасно переходить.

На левой руке Андрея Витальевича блеснул камень на кольце. Сразу Никита не обратил внимания: просто какое-то кольцо, ничего особенного, да и разговор пошёл так, что стало не до мелочей. Но стремительная искорка отбросила в прошлое.

В детстве Никита как сорока любил всё блестящее: бусы, кольца, брошки... Любил их на себя нацеплять. Однажды вывернул все закрома бабушки французенки. Бабушка не сильно ругалась, а про кольцо сказала: «Вырастишь большой, будешь его носить, но прежде перестанешь шалопайничать». На первый взгляд кольцо не примечательное, но если присмотреться: оно двойное и, кажется, что его можно разобрать, двойственность скреплена сине-зеленоватым камнем, который как-то особенно сверкает.

— А я вас помню... — Никита замялся: — Не вас... Запах!

— Я частенько возился тобой, и ты ездил у меня на спине. — Андрей Витальевич словно прислушивался к своему внутреннему голосу. Отчасти так — это голос в микронаушнике: «У вас осталось не более пяти минут. Они перекрывают возможные отходы»: — К сожалению, у нас больше нет времени.

— Я думал, мы только начали... — удивился Никита: — Неожиданно... Мне нужно собраться с мыслями. И вопросов много. И что делать?

— Выжить! — как отрезал Андрей Витальевич: — Вопросы, ответы — это всё потом. Чтобы я сейчас не сказал, ты не воспримешь. Тебя найдёт человек от меня. Он знает, что надо делать. Доверяй ему.

— Да? С какой стати? — изумился Никита.

— Может, ещё передумаешь. Я на это рассчитываю. — не стал спорить Андрей Витальевич: — Прощай!

Андрей Витальевич встал из-за стола, подошёл к стойке официантов, о чём-то поговорил с одним из них. Никита отвлёкся потушить сигарету, а когда поднял глаза, у стойки уже никого не было.

В окно кафе заглянул жираф. Странно. Кафе находилось на первом этаже здания, но было непохоже, чтобы животное изогнуло шею. Жираф большой, этажа на два, наверное.

Вернувшись в свои роскошные апартаменты, Никита попытался крепко задуматься, но ничего не получалось. Белиберда какая-то! И в тоже время не было сомнений, что этот Андрей связан с прошлым семьи. Интуиция подсказывала. Может быть, она ещё что-нибудь подскажет? Интуиция, ау! Где ты? Первое, что пришло в голову — его номер прослушивается, нет... проглядывается. Раз уж везде враги, значит и ловушки тоже. Паранойя хотя и не заразна, но заразительна. Интересно, сколько тут стоит видеокамер? Не номер, а рай для эксгибициониста! Эта мысль Никите понравилась, да и показать есть что. Он встал, спустил штаны, плавки и начал мастурбировать. Но хорошая эрекция не задалась, и мусолить вяло реагирующий член быстро надоело. Вероятно, под живыми взглядами было бы интересней.

Всё же мысль позабавится над наблюдающими, не отпускала. И Никита устроил вечеринку. Все приглашённые друг друга знали, между собой либо уже перетрахались, либо утратили сексуальный интерес друг к другу. Они просто пили, хабалили, хвастались своими по большей части выдуманными орально-анальными похождениями. Никита был в ударе и фонтанировал глупостями.

Этажом выше невысокий крепыш лет тридцати пяти наблюдал на мониторах происходящее в номере Никиты.

— Ну, дадут! — Крепыш, хотя и был далёк от подобных развлечений в жизни, это не мешало ему смотреть и слушать с неподдельным интересом, и даже комментировать отдельные истории: — Да пиздишь ты! У кого на такое чудище встанет!

Парочка уединилась в ванной комнате.

— Послушай, как в такой красотище не пососать?

— Подруга-а, ты сошла с ума!

— Роскошь меня так возбуждает... — Подруг встал на колени и принялся наглаживать другу ширинку: — Не ломайся... По-дружески. Я давно не пробовал твою сардельку...

Сарделька оказалась целой колбасиной. А уж как Подруг работал ртом! Крепыша от зрелища пробил пот, а в штанах началось сладкое шевеление. И он не выдержал, достал свою скромную сарделечку уже изнывающую от

стояка и так наяривал, как будто хотел её оторвать. Кончил за несколько секунд до условного стука в дверь. Попался! Крепыша ещё пробивала дрожь, а с переполненного спермой кулака капало. Он метнулся к кровати, обтёр руку об подушку и перевернул её другой стороной, капли у стола с мониторами затёр ногой. Стук повторился. Крепыш открыл дверь.

— Спишь, что ли? — это тон старшего по положению.

— Не грех.

Старший прошёл к мониторам. Его лицо на мгновение превратилось в неподвижную маску.

— Пидары развлекаются! — прокомментировал Крепыш.

— А наш... — Старший замялся: — что?

— Наш такое о себе несёт, что уши сворачиваются!

— Как таких мразей земля носит! — Старший брезгливо передёрнулся.

— Не говори! Надо сказать, чтоб за вредность нам доплачивали...

Большинство правительственных кабинетов Несчастной страны являли собой беспорядочное зрелище: в них срочно начали ремонт и так же срочно его остановили. В первые дни Эпидемии было принято решение обезопасить Президента и Правительство. Но как это сделать? Разве что переодеть всех в специальные костюмы: этот вариант тоже рассматривался, но где взять такое количество костюмов? Обезопасить помещения? От чего? Хотя бы герметизировать. Как можно герметизировать то, что герметизировать невозможно? Обеззараживающие установки? Специальные двери и окна? Что делать неизвестно, ничего не делать нельзя раз приказано. И делали — установки, двери, окна... Даже раздали противогазы.

Государственная дума осталась в неприкосновенности. Депутаты спасались собственными силами. Устраивать заседания в период Эпидемии они сочли нецелесообразным.

Президент опустил в супер-сверх бункер, к сожалению, его семья оказалась в тот момент разбросанной по разным уголкам мира, поэтому оставалось уповать только на божью милость, тем более что в бункере есть домовая церковь.

Первые несколько дней Президент проводил видео совещания, заслушивал отчёты о происходящем и давал распоряжения. Он выглядел молодцом, держал тон, подбадривал коллег. Но когда более-менее правдивая инфор-

мация достигла вершин власти, а смертность среди видеосовещенцев стала зияющей, заседания прекратились.

В бункере что-то произошло с собакой Президента, пёс всё время жалобно скулил. Отвезли к ветеринару. Уже больной врач вкатил смертельный укол президентской собачке.

В провинции толпа разграбила все вино-водочные запасы, бунты в исправительных колониях умирлялись массовыми расстрелами. Власть была бессильна навести порядок, более того обречённые люди часто своим последним делом жизни считали сведение счетов с властью. Полицейских взрывали, расстреливали, резали. Глав управ и мэров небольших городов преимущественно вешали. Огромные потери понёс судейский корпус страны — 80%. Можно ли это списать только на Эпидемию? Вряд ли.

В армии беспорядков не было. Заражённые люди не допускались на боевое дежурство. Заражённый человек, не взирая на звание и должность, автоматически лишался права отдавать приказы, а в случае сопротивления с его стороны, разрешалось открывать огонь на поражение. Беспорядков не было. Но инциденты были. Город Грязный ракетным ударом практически стёрт с лица земли и разгерметизирован пункт захоронения ядерных отходов — таким образом, большая часть территории Чучни стала непригодной для проживания.

Спецслужбы не сразу, но всё же спохватились и последовали примеру военных в отношении к заражённым. И, может быть, вовремя успели, так как в президентском бункере заболели сразу 30% обслуживающего персонала. Заражённых обезвредили до того, как они смогли бы умереть собственной смертью от болезни.

Бункер, практически идеальное убежище, не сработал. Президент основное время проводил в домово́й церкви. Он молился. Его истовость доводила его до изнеможения. Президент запретил входить к нему, и последние дни отказывался от еды. Когда всё закончилось, в бункер явилась депутация в числе трёх из, до Эпидемии пяти, особ приближенных. Президент подумал, что они пришли его убить. Постаревший, безумный, он упал перед ними на колени и молитвенно сложил руки. Президент не услышал слова о том, что всё закончилось, так как потерял сознание. Очнулся уже в больнице с диагнозом — нервное перенапряжение.

И всё же можно сказать, что никем не управляемая Несчастли́вая страна справилась с бедой: понесла большие, увы, неизбежные людские потери, но в целом сохранила свой экономический потенциал. В переводе с бюрократического, это означает — где были, там и остались — куда уж хуже!

Государственная Дума приступила к работе, почтив скорбной минутой молчания память всех преждевременно усопших, в том числе и депутатов. Правда, позднее выяснилось, что троих ошибочно записали в умершие, а пятеро продолжали голосовать прямо с того света, ещё трое покойников получили зарплату, но от голосования воздержались.

Первым делом обсудили закон об увековечении памяти жертв Эпидемии в местах массовых захоронений. Так же профильным комитетам было поручено подготовить проект закона об усилении санитарно-эпидемиологического контроля.

Заместитель директора СБФ Вениаминов выслушал доклад своего помощника и молчал, думая об услышанном, хотя думать особо было не о чем.

— Ты предлагаешь взять его в аэропорту? — Вениаминов не стал дожидаться ответа подчинённого: — Он должен был прилететь, благополучно пройти все формальности, выйти из аэропорта, приехать в город и... — Вениаминов ждал, когда помощник продолжит, но недолго ждал: — Исчезнуть! Исчезнуть прямо сюда! — Вениаминов указал пальцем на пол: — Ещё один такой прокол и я не возьму тебя в светлое будущее! Надеюсь, ты понимаешь, о чём я?

Помощник потупил глаза и стоял как нашкодивший младшеклассник перед учителем.

— Пусть улетает обратно в свою Женеву и неизвестно дальше куда. — подвёл черту Вениаминов: — Скандала нам сейчас только не хватает! Давай, что там?

Помощник протянул тонкую папку. Вениаминов открыл и вздрогнул.

— Вот с ним он встречался. Это... — Начал, было, помощник.

— Я знаю, кто это! — оборвал Вениаминов: — Нути-нути... Прямо машина времени какая-то!

Вениаминов смотрел на фотографию Никиты.

— Это херня! Что-то семейное. У них там черт ногу ломает, кто кому кем приходится... — Вениаминов отбросил фотографию: — Помощники у него были?

— Нет!

— Были! Они у него всегда есть! — Вениаминов смотрел презрительно: — Я предупреждал! Проверить всех сотрудников кафе. Думаю, найдётся, кто

устроился недавно и внезапно уволился сейчас. И по этой тропинке со всеми ответвлениями... Хоть из-под земли достань! Иди!

Вениаминов взял фотографию Никиты: мальчишка засветился с наследством. А теперь ещё и это. Чертовщина какая-то! Сколько лет прошло, а словно всё возвращается на круги свои.

Запись встречи Президента, Директора СБФ и Руководителя спец. Лаборатории СБФ

Президент: — Вернёмся назад, а то мы перепрыгнули некоторые подробности. Значит, вы не сомневаетесь, что будет вторая волна?

Руководитель спец. Лаборатории: — Третья волна. Первая была незначительной и, как я говорил, протекала немного иначе. Фатальный исход наступал через неделю, и симптомы заражения выглядели не так ярко выражено.

Президент: — Один академик очень убедительно доказал мне, что никакой новой волны не будет.

Руководитель спец. Лаборатории: — Мне бы его дар убеждать!

Директор СБФ: — Тогда бы вы тоже стали академиком.

Президент: — Кстати, почему бы и нет? Я устал от этих мудаков.

Руководитель спец. Лаборатории: — Не актуально. Нет времени на научные дискуссии.

Президент: — Хорошо. Вы считаете, что уберечься от этого вируса невозможно.

Руководитель спец. Лаборатории: — Это не вирус. «Вирус» — в моем докладе термин условный. Это информационное воздействие неизвестного науке свойства. Рассматривать проблему исключительно в медицинской плоскости, бесперспективно.

Президент: — Лучи смерти?

Руководитель спец. Лаборатории: — При облучении, как бы оно не происходило, картина выглядела бы иначе. Можно сколько угодно гадать на эту тему, но честный ответ — не знаю, не знаем и не узнаем. В нашей модели предполагается, что солнечная система входит в пространство с неизвестными нам свойствами, поэтому сначала планету задело краешком, потом мы прошли по семидневной хорде, а скоро войдём глубже. Как скоро? Не известно.

Президент: — Хорошо... Давайте поговорим об известном. Из вашего доклада следует, что выживут только ВИЧ положительные.

Руководитель спец. Лаборатории: — Из обследованных, 10% стали практически здоровы и, полагаю, в дальнейшем им ничего не угрожает, как и тем носителем ВИЧ, которые ещё подвергнутся воздействию.

Президент: — Какая чудовищная и несправедливая ирония!

Директор СБФ: — К сожалению...

Президент: — Кто ещё располагает этой информацией?

Руководитель спец. Лаборатории: — Сотни учёных по всему миру. Мы обратили внимание раньше. Они пока проверяют результаты.

Президент: — Значит, скоро об этом заговорят все!

Директор СБФ: — Пока у нас есть небольшая фора, мы должны её использовать, не откладывая, ни на минуту.

Президент: — Да, да... Я внимательно изучил вашу записку,... И план... Кто его готовил?

Директор СБФ: — Вениаминов.

Президент: — Толково. Только уж очень антиконституционно.

Руководитель спец. Лаборатории: — Не думаю, что за гранью добра и зла, найдётся место для конституции.

Президент: — А вы верующий?

Руководитель спец. Лаборатории: — Научный агностик.

Президент: — Жаль. Вера...

Директор взял с журнального столика диктофон и включил перемотку:

— Он полчаса читал лекцию о вере.

Рядом на диване сидел полноватый лысый мужчина. В нём чувствовалась упругость теннисного мяча, а округлость форм усиливала это впечатление. Друзья между собой звали его Колобок. Для прочих — Михаил Петрович Авсеенко-Рыков, олигарх из списка Форбс, один из самых влиятельных бизнесменов страны, который в период равно удалённости от трона таки сумел сохранить интимные отношения с властью.

— Как он вообще? — поинтересовался Колобок.

— Не стабилен. То ласков, то крут, то набожен, капризен... — Директор нашёл нужное место: — Немного осталось.

Продолжение записи.

Президент: — Вы гарантируете, что ваша... прививка подействует?

Руководитель спец. Лаборатории: — Если не подействует, тогда не с кого и некому будет спросить. Всё очень индивидуально, так же, вероятно, есть зависимость от срока прививки. Вполне возможно, при малом сроке, появление первичных симптомов поражения.

Президент: — Хорошо. Значит, операция «Ковчег»? Базы данных изъять. Сейчас в Думе готовят закон об ужесточении санитарно-эпидемиологического контроля. Ты через своих дай знать, что бы... Пусть что-нибудь придумают насчёт обязательных анализов. Готовь списки. Обслуга, армия, производственный персонал...

Директор СБФ: — Ясно. По плану.

Президент: — И про священнослужителей не забудь. А то в плане я этого не заметил.

Директор СБФ: — Ваша канцелярия?

Президент: — Не уверен. Об этом поговорим.

Директор выключил диктофон. Операция «Ковчег» началась. Имя операции и само просилось на язык, и Президент любит библейские мотивы. Пусть чувствует себя Ноем. Ключом к решительности, часто склонного тянуть с решениями Президента стал его духовник. Святой отец давно утратил активность в сексе, но не жалел об этом, так как пассивная роль его даже больше устраивала. А помогал ему в удовлетворении низменной похоти ближайший сподвижник святейшего и давний информатор Директора. Карьера обоих находилась под пристальным и благожелательным вниманием спецслужбы, но к тому, что Провидение сыграло злую шутку с выбором Президента, Директор не имел никакого отношения. В оперативных сводках духовник Президента фигурировал под именем Девиант. Впрочем, унижаться до грязного шантажа не пришлось: дюжий и духом, и умом священнослужитель понимал, с кем имеет дело и благословил план «Ковчег», не вникая в детали.

Президент не требовал от своего окружения показной набожности, достаточно и учтивости к вопросам веры. В представление об учтивости не попадали атеизм и сионизм. Лояльность к проблемам и нуждам института церкви разумелась неукоснительно. В молодости Президент начинал свою карьеру в окружении безбожников и в тайне от всех носил на груди крестик. Теперь он рассказывал об этом с гордостью, считая за доблесть прошлую службу родине с фигой в кармане. Времена изменились. Кто-то

в тайне от всех не носит на груди крестик. Стоит ли это считать доблестью по президентской логике? Нет, Президент не требовал показной набожности, потому что набожность должна быть искренней, а людей, не верящих в бога, считал духовнобольными.

К встречам своего духовника с Директором Президент относился благосклонно: церкви полезна забота о ней могущественной спецслужбы, а главе этой спецслужбы полезно иногда напомнить о божественном единоначалии, а то в его словах нет-нет да и проскакивают атеистические нотки.

— Набожный наш! Про Думу это дело. — Колобок усмехнулся: — Чем больше сейчас спидоносцев выявим, тем лучше. Как думаешь, сколько удастся сохранить?

— Если всё пойдёт по плану, наша оценка — около 10 миллионов. — ответил Директор: — Трудно привыкнуть, что мы такое обсуждаем.

— Привыкай. Артистов, артисточек, певцов, певичек — всех к черту! — Колобок энергично взмахнул рукой: — Интеллигентскую помойку — то же. Нам рабы нужны будут, а не пиздаболы. Дума?

— Полная и безоговорочная ликвидация. — Директор сопроводил ответ жестом «под корень».

Будущее Думы даже не обсуждалось. Оно очевидно. В государственном ковчеге для неё места нет. Последнее десятилетие Дума была послушным инструментом в руках исполнительной власти, послушным до полной ничьёмности. А в своём желании угодить власти забегала так далеко вперёд, что глупее некуда: холуйская радикальность думцев в купе с вопиющей бессовестностью последних выборов — это компрометировало власть и вредило больше, чем гадила внесистемная оппозиция. Заставь дурака молиться...

В головах иных депутатов удивительным образом сочеталось понимание своей не легитимности и полной зависимости от реальной власти с представлением о себе, как о выразителях интересов народа. Лицемерие или шизофрения? Суверенные демократы! Директор не лицемерно считал депутатский мандат заслуженным билетом в ад. За шиворот в Думу их никто не тянул, вот пусть и отвечают за свой выбор. К тому же, ближайшее время будет не до псевдodemократических побрякушек, а кормление ненасытной депутатской своры — дорогое удовольствие.

— Трупов много будет. — Эта проблема беспокоили Директора больше, чем судьба Думы: — Надо ещё живых вывозить как можно дальше, или где-то накапливать.

— Установка и фасовочные линии готовы, можете принимать в эксплуатацию. — Колобок усмехнулся: — Он думает, мы с кровью и больничками возиться будем?

Директор кивнул головой.

— Это пусть старушка Европа канителится, посмотрим, что от них останется. — Колобок хмыкнул: — Рожки да ножки останутся!

— Пусть пока так думает. Потом перед фактом поставим. — Директор смотрел строго: — А пока кровь и больничка! Мясорубка — это крайний случай. Бог даст, без этого обойдёмся!

— Уже дал! — лицо Колобка стало хмурым: — Так дал... Я теперь его не беспокою. Не за кого просить.

— У меня тоже не без потерь, как ты знаешь... Интересно, что американцы придумают? — Директор не стал продолжать тему потери близких: — А?

— Придумают какую-нибудь лотерею. Приз — жизнь!

— Голливуд!

— Они и есть жертвы имени Голливуда! Мусульманам каюк. Тут к бабке не ходи. Китай? — Колобок задумался: — Их так много! За Китай не угадаешь! Африка? У них судьба такая, миру рабов поставлять. Там народец останется, но дикий.

— Как ты с миром разделался!

— А я бы ещё под шумок Париж, Берлин, Лондон бомбанул — Колобок потряс кулаком: — Никакого у вас геополитического мышления!

— Иди ка ты... Делом займись. Ко мне сейчас Вениаминов придёт на озадачивание.

Колобок! Такое безобидное прозвище и такая кровожадность! Михаил Петрович Авсеенко-Рыков своих воззрений не скрывал, а обвинения в кровожадности и техно-фашизме считал глупостью глупых. Он не сомневался, что современные технологии рано или поздно окончательно разделят мир на тех, кто может себе позволить новое качество жизни и на человеческий материал. Это уже происходит. Если завтра президенту потребуется новое сердце, разве оно не найдётся в ту же минуту, даже если его придётся вынуть из живого человека? Гуманизм, демократия — хлам для помойки истории. Цивилизованное, откровенное, законодательно оформленное рабство для сотен миллионов людей — вот путь в эру Нового порядка. Будущее за технократическими монархиями.

Когда появился Вениаминов, Колобка уже не было. Директор пил виски со льдом.

В недалёком прошлом, до невосполнимых кадровых потерь, заместители Директора всегда были ставленниками различных групп влияния на Президента. И каждый из них не то что метил на его место, а каждому из них его место было обещано, при определённых условиях, разумеется. Совместная работа протекала в атмосфере тошнотворной официальности. О каждой ошибке, о каждом опрометчивом слове Директора докладывалось в Канцелярию Президента. Доносы? Исполнение служебного и гражданского долга!

Президент Несчастной страны слывёт порядочным человеком, словно порядочность столь редкое качество, что наблюдается только у коронованных персон. Факты официально биографии подтверждают склонность Президента к порядочности в отношениях с людьми. И в действительности это справедливо, если речь идёт «о своих», но своих становится всё меньше, и всё больше прочих и разных, с которыми можно не церемониться.

Добрый, справедливый, демократичный Президент-император, как и всякий человек, имеет свой шкафчик со скелетами, но скучно перечислять, что это — обычное для политика со стажем барахло. И никаких ужасных пороков! Комплекс коротышки во власти — не в счёт. Это так естественно. Вот если бы он его не имел, будучи коротышкой, тогда в пору было бы говорить о неординарности личности.

Во власти маленькая серая мышка выросла в большую страшную крысу. Один, теперь уже бывший олигарх, в подпитии да ещё и в неудачной компании прошёлся по внешнему крысиноподобному облику Президента. Так он стал бывшим олигархом. Исполнители гражданского долга не дремлют! Но это может быть и поделом, за гораздо меньшие вольности в личный адрес патологически мелочно злопамятного Президента, можно было поплатиться карьерой и бизнесом, оказавшись в числе прочих и разных.

Демократическая общественность упрекает Президента за репрессии против оппозиции. Неприязнь, преследования, в редких, в очень редких случаях тюремное заключение с соблюдением всех судебно-правовых и процессуальных норм — это репрессии? Забывать историю стали, господа хорошие! Причём, никогда, никогда Президент не тыкнул пальчиком ни в одного оппозиционера с криком ату его, ату! Бывало, что публично грозил пальчиком врагам страны, так на то он и Президент. Остальное делали государевы слуги. Невмешательство в их ретивость по укреплению государственности и безопасности страны — то же, что одобрительный кивок Президента, потому что обычно Президент вмешивается во всё, что считает неправильным

и вредным. Такая опека утомляет истеблишмент, но чего только не сделаешь ради процветания родины! Терпят, хотя надоел он хуже горькой редьки. При этом они воображают себя аристократией. Воображают потому что аристократизм — это пожалуй из немногих, что нельзя украсть. И среди аристократов есть воры, кто же спорит, но среди воров аристократов нет. Нет их и среди самозванных столпов общества.

Несчастливая страна уже целую вечность с маниакальным упорством и до мракобесия, морочит себя мыслями о богоизбранности и о своей великой миссии в мире. Мировой обыватель независимо от социального положения, религиозной конфессии и цвета кожи смеётся над странностями Несчастной страны, ставшей притчей во языцех. А её неигрушечный ядерный потенциал вызывает у мировой общественности беспокойство, которое можно ошибочно принять за уважение. Мировой капитал откровенно рассуждает о том, что бог по ошибке наделил Несчастную страну богатейшими природными ресурсами, которыми она не может эффективно распорядиться.

«Народ наш тёмный, но талантлив» — говорил Президент в узком кругу своих. И это сущая правда, в том смысле, что голь на выдумки хитра. В остальном неизменно соблюдалось знаменитое соотношение: наверху — тьма власти, внизу — власть тьмы. Несущественная прослойка малоимущей интеллигенции металась между Тьмой и Тьмой нигде не находя поддержки и понимания. Много имущие, но числящие себя в рядах интеллигенции, мудро рассудили — всякая власть от бога!

Никто не знает что такое демократия, хотя говорят о ней все, кому не лень. И так с самого момента, когда в цивилизационной глубине это явление зародилось, и уже тогда было заподозрено, что это не что иное, как порочное заблуждением разума не имеющее объяснения. Современному западному обществу, как ему кажется, удалось найти компромисс между иррациональным индивидуалистическим Я и коллективистской реальностью. Процедурное оформление этого компромисса собственно и есть так называемая демократия. Но в Несчастной стране демократия — самодовлеющий фетиш для одних, и пугало — для других. А для всех вместе, такой безусловный атрибут демократии, как парламент, гордо названный Государственной Думой — это презируемая ветвь власти, плодящая расколы и раздоры в обществе. Демократические фетишисты грешат на фальсификацию выборов. Скептики тоже за честные выборы, но считают, что всеобщее избирательное право — это власть черни и не верят в мудрость неимущего электората. А Дума ведёт себя как коллективный идиот. Враги демократии ей рукоплещут: лучшего союзника нельзя и вообразить!

Директор — убеждённый и стойкий государственный. Демократия — форма политического бардака; демократические принципы — уловки политических интриганов. В практической деятельности Директор руководствовался надёжным правилом: для того чтобы владеть душой человека, нужно крепко держать его за яйца! Банальная, грубая, но эффективная стратегия. Правые, левые, зелёные, голубые и прочие — все одним миром запачканы! Тактически неважно, в чём проявляется слабость — секс, деньги, семья или безобидное коллекционирование почтовых марок, или высокомерное словоблудие. Был бы человек, а человеческое в нём найдётся.

Абсолютное табу — личная жизнь Президента, в которой задвинутые в неупоминание постаревшая жена и молодая спортсменка любовница. Всего то! Да, он просто святой! В сравнении, разумеется. Настоящий мужик! Кстати, гомофоб в силу своих религиозных убеждений. Грех гомосексуальности Президент на дух не переносил и считал, что такого в его окружении нет. Директор знал иначе. Эта и другие Президентские фобии были очень полезны для конструктивной работы с властной элитой. Само по себе ничто ни хорошо, ни плохо. Неважно, какие у Президента фобии, важно чтобы они были. Система их ловит как чуткий локатор, а Директору остаётся держать руку, можно сказать, как на пульсе системы, так и на её яйцах.

Вениаминов — крупный специалист по грязному белью, редко случалось, что при необходимости он не мог найти бочку дёгтя на ложку мёда. С недавних пор из помощников Директора он стал заместителем. До печальных событий такое было бы невозможно. Велик и могуч был список людей, готовых разорвать его в клочья. Иных уж нет, а те далече... У Директора впервые заместитель, который не метит в его кресло, которому этого кресла не видать никогда.

А не поспешил ли он с назначением? Эта мысль пришла Директору, когда спало ошеломление от предложения Вениаминова: ни больше, ни меньше, как убить Президента! По сути, так, а по исполнению... Вениаминов предложил сделать президенту «пустую» прививку. Директор оборвал разговор и запретил даже думать об этом. Но мысль нового заместителя уже выстрелила и попала в голову, но не в сердце.

Может быть удача Несчастной страны, что у руля стоит столь невыдающийся человек, то и дело сводящий свои мелочные счёты с кем попало, человек, которого попы убедили в богоизбранности, а религиозные мистики, объявили нелюбовь Президента принимать принципиальные решения, высшей мудростью: позволь развернуться процессу самому, сложную ситуацию предоставь самой себе и она сама собой разрешиться. Да, уж! И обязательно в худшую сторону. Но всё же это лучше, чем какой-нибудь

сумасшедший на троне! Золотая середина — не про нас. Как-то в сердцах Директор подумал, что идеальным президентом Несчастной страны была бы собака Президента! Да и ту отравили.

Личные отношения Директора с Президентом сложились ровно. К счастью, дружескими их назвать нельзя. Быть другом царя куда опасней, чем с зажжённой свечей сидеть на бочке с порохом. Директору грех жаловаться на отношения к нему Президента, а своим положением и завидной несменяемостью на посту он обязан ему.

Директор смотрел на Вениаминова и думал, какой злонамеренный ум!

— Налей себе чего-нибудь. — предложил Директор: — И расскажи, как там твой неуловимый Андре поживает.

Вениаминов от выпивки отказался.

— Вы сами знаете, это целая шпионская сеть. — неопределённо ответил Вениаминов на вопрос шефа.

— Понятно. — усмехнулся Директор: — Опять упустили сектанта.

— Берите выше! Духовное братство и шпионская сеть. — зацепился за последнее слово Вениаминов, чтобы не оправдываться по существу дела.

— А по мне, так ты личные счёты сводишь. — Директор глотнул виски: — Бросай ты этих иллюминатов! Пока не до них. Президент добро дал. Работы невпроворот. И насчёт пустышек...

Идея Вениаминова прививать «пустышки» населению, чтобы избежать волнений и бунтов, связанных с распределением вакцины, — гениальна! Что делать, когда на всех всё равно не хватит? Проведению угодно, чтобы абсолютное зло свершалась во имя будущего и добра, руками человека, не различающего добра и зла. Иногда Директору казалось, что он недостоин такого помощника. Вениаминову больше подошёл бы товарищ Сталин, или Иван Грозный. Они бы не держали на цепи злодейский талант своего слуги.

— Насчёт пустышек... — после паузы продолжил Директор: — Колобок просит в первую очередь на свои нужды самое надёжное.

— Тысячи три доз наберу — ответил Вениаминов, не понимая, куда клонит Директор: — Работа идёт...

— Не торопись. — Директор отхлебнул виски: — Потом выдашь Колобку как настоящую вакцину. Вопросы есть?

— Дальновидно! — искренне восхитился Вениаминов: — Ой, как дальновидно!

Империя Колобка уже государство в государстве, он только что денег со своим профилем не чеканит. А это не правильно. Разбираться с ним всё равно придётся, если не сейчас, так потом. Лучше сейчас — между делом.

Наш девиз: «Каждому Колобку по своей Лисе!». Зачем богу дьявол, когда есть человек!

Руководитель спец. Лаборатории СБФ генерал Левашов добрался до Дабны, после встречи с Президентом, глубоко за полночь. Генеральское звание он получил несколько дней назад. Открылось много вакансий, к тому же тесное общение с самым высоким начальством, как ему объяснили, обязывало. Ерунда, всё ерунда и всяческая ерунда!

Левашов поехал не домой, а в Лабораторию, где его ждал Николай.

За решительное участие в судьбе этого молодого человека Левашов мог поплатиться не только должностью, но и попасть под статью. О таком исходе поначалу мыслей не было: дело выглядело пустяшным, а броня заслуг и научный авторитет казались надёжной защитой. Наивно! Левашов словно забыл, что в системе, которой отдал свой талант, его достоинства и достижения — всего лишь строчки для характеристики в личном деле смягчающие вину.

Началось всё с идиотского звонка в три часа ночи старинного друга Левашова.

— Лёвушка... Привет! Просыпайся!

Друг служил в медицинской строевой части на границе горячих кавказских территорий. Он сообщил, что отправляет к Левашову комиссованного офицера. Геня! Не больше, не меньше!

— Витя, ты пьян или спятил! — полусонно ответил Левашов: — Как только до полковника дослужился!

— Трезв как стёклышко! Вот генералом стану, тогда и запью, есть с чего. — в голосе друга исчезли ёрнические нотки: — Я тебя знаю, ты разберёшься.

— Очередной твой... — Левашов замялся: — Любимчик?

— Какая же ты сволочь! Даже если и так! Кстати, когда я обращался к тебе с такой просьбой последний раз?

— Никогда. — вынужден был признать Левашов.

— Вот именно! Не сможешь парню, приеду и морально расстреляю три раза. Или четыре...

— А ночью то почему? — уже примирительно спросил Левашов, чувствуя, что допустил бестактность.

— Так... Осенило. Вспомнил, что давно не общались.

Время шло, а от Виктора никого не было. Левашов в силу своей добросовестности хотел перезвонить сам, но передумал. Ерунда какая-то!

Через месяц на проходной появился Николай. Левашов встретился с ним не в Лаборатории, а в общем холе. Формально никакой спец. Лаборатории не существовало: всего лишь скромный научно исследовательский центр по тра-та-та для тра-та-та. Таких в этом городе полно.

Николай был в гражданском. Об армейском прошлом напоминал рюкзак и пока — выправка: на гражданке она быстро пропадёт.

— Ну-с... Я слушаю? — Левашов вопросительно смотрел на посетителя.

— Прибыл в ваше распоряжение, как приказано. — ответил Николай.

— Круто! — усмехнулся Левашов: — Тогда доложите по форме!

— Я уже не военный, а вы не солдафон. — Николай смотрел, словно в себя, а не вокруг: — Я просто обещал, что зайду к вам обязательно.

На просителя не похож. Встречи с распростёртыми объятиями тоже не ждал. Мизансцена дурацкая! Левашов молчал. Для продолжения разговора он готов был принять любые объяснения, даже если они о марсианских хрониках, ведь, в свою очередь, Левашов, хотя и нечего не обещал, не отказывался помочь, чем сможет. Парень либо тяжёлый интроверт, либо это что-то от военного синдрома.

— Разрешите идти? — прервал молчание Николай, напомнив об игре в солдатики.

— Идите! — а что ещё мог ответить Левашов? Бросится на шею гению? Ерунда, какая ерунда!

Николай ушёл, а у Левашова после их встречи остался горький осадок от своей неправоты. Не смотря на экстравагантность и склонность к выпивке, Виктор никогда не стал бы просить ни с того, ни с сего за первого встречного. Но и протезе тоже хорош! Нескладно получилось.

Через неделю они случайно встретились на одном из овощных рынков, разбросанных по городу. Николай разгружал газель доверху набитую дарами

южной природы. Левашов остановился напротив него. Николай поздоровался, не прерывая работу, и больше не обращал внимания на Левашова.

— Пошли отсюда! — скомандовал Левашов, неожиданно для себя. Желание исправить ошибку сработало автоматически.

— Не могу. — ответил Николай, но на этот раз не объяснить было бы грубо, а объяснять... Он опустил очередной мешок на землю: — Тогда ночевать останусь на улице. Я хоть и столичная штучка, а возвращаться мне некуда.

— Эй! Братан! — из ларька выглянул торговец с характерной восточной внешностью: — Что ты разговоры разговариваешь! Работай!

На этом же месте Левашов застал Николая через два дня. Он протянул ему свою визитку, с написанным от руки на обратной стороне адресом.

— Это общежитие. От кого, там написано. Как устроишься, позвони! А утром ко мне. — Левашов стоял с протянутой визиткой.

Николай медлил. Ещё чуть и Левашов бы взорвался возмущения. Договорится о приюте для уволенного в запас офицера, особого труда не составило, но некоммуникабельность подопечного снова ставила под угрозу благие намерения Левашова.

— Спасибо! — Николай вполне добродушно улыбнулся: — Мобильного у меня нет... Что-нибудь придумаю.

— Не хоромы, рабочее общежитие. — предупредил Левашов.

Николай кивнул в ответ и пошёл в подсобку торговой палатки. Левашов не собирался дожидаться, но то, что последовало, его остановило.

Из палатки раздался крик:

— Мы так не договаривались! Э... (далее реплика не по-русски и уверенно не ласковая). Какие вещи! Нет у тебя никаких вещей! Убирайся!

Затем в подсобке что-то сильно упало, потом упало ещё раз. Наступила тишина. Из вагончика рядом выскочил человек с рюкзаком. На пороге подсобки появился Николай. Он за шкирку выволок окровавленного, задыхающегося торговца с мобильным телефоном в руке и бросил на землю.

— Не двигайся. Убью. — Николай был спокоен. Взял рюкзак, проверил на месте ли документы. Стали сбегаться с виду решительно настроенные соплеменники торговца: — Кто-то хочет попробовать? Не советую. — Николай говорил бесстрастно. Смельчаков не нашлось.

«Обижать его не стоит! — подумал Левашов: — Своеобразная коммуникабельность!» Агрессивность? Как посмотреть. При всей своей интеллигент-

ности, Левашов не мог не признать, как это ни прискорбно, что в конкретной ситуации Николай справедливо устранил возникшую проблему самым эффективным образом. Редко кому по плечу такая решительность.

Николай между тем, не оборачиваясь, обычным шагом уходил с рынка.

Количество инструкций, с которыми Левашову необходимо сверяться в практической работе, превышало способность человеческого мозга их обозреть. И регулярно добавлялись новые. Поэтому, сколько инструкций Левашов нарушил, взяв Николая на работу... уборщиком производственных помещений, известно только высшему разуму. Посуетится, пришлось немного. Заодно встретился с коллегами друзьями, которых давно уже не видел, так что не без приятности. В секретной части, как водится, повыпендривались, но армейское прошлое Николая располагало к благожелательности. Хорошо, что не потребовалось помолиться в церкви за то, чтобы должность уборщика производственных помещений не подорвала безопасность страны. В таком случае, Левашов, вероятно бы, спасовал, как непримиримый борец с религией. Шутки шутками, но не до шуток, когда шутки начинают материализоваться. Какая-то мелкая кадровичка позвонила Левашову и елейным голоском посетовала, что в анкете нет пункта о вероисповедовании, поэтому она вынуждена побеспокоить, чтобы спросить, какого вероисповедования их новый сотрудник?

— Язычник! — рявкнул в ответ Левашов: — У меня работают только язычники и сатанисты!

Реакция не заставила себя долго ждать:

— Ты что не знаешь, под кем мы ходим? — начальственный голос в трубке, кажется, даже трубку заставлял раздражённо вибрировать: — Или тебе напомнить? Я бы сказал своими словами, да не могу себе это позволить. А ты себе позволяешь, и не впервые. Поверь, у меня яду накопилось больше твоего, да молчу. И тебе советую в последний раз.

Правда, последний раз уже был: тогда Левашов поинтересовался у секретчиков, регулярно ли они исповедуются? Посоветовал выпустить инструкцию о тайне исповеди для носителей государственной тайны.

Можно ли очароваться микроскопом, томографом или другим каким-нибудь прибором? Самое большое — удивиться, или порадоваться новинке. Наблюдая первое впечатление Николая от Лаборатории, Левашов видел очарованность. Куда делся человек с холодной кровью и взглядом терминатора? Исчез! Глаза, улыбка... Это глаза счастья и улыбка блаженства! А жесты! Жесты, словно в хрустальном дворце, который может разрушиться от грубого прикосновения. Походка. Это не походка! Это танец! Конечно,

никаких па Николай не выделявал, но по контрасту с тем, что раньше видел Левашов — это танец. И вдруг стало видно, что Николай человек, а вовсе не тот монстр, который сказал торговцу «убью» и убил бы. Но самое, самое удивительное, что оборудование Лаборатории словно обрадовалось! Как стояло на месте, так и осталось стоять и в то же время сорвалось со своих мест и кружилось вокруг Николая, приветствуя... своего господина! И старая микроволновка туда же!

К счастью галлюциногенный шабаш быстро закончился: оборудование утратило одушевлённость и перестало витать в воздухе. Способность Николая спонтанно транслировать своё эмоциональное состояние на других людей вплоть до галлюцинирования, это, безусловно, очень большая редкость, но не проблема, а повод для размышления о тайнах человеческой природы. К тому же ещё на рынке Левашов увидел паралич воли противников Николая и сам испытал оторопь. В архивных закромах его Лаборатории, как и любой подобной структуры других спецслужб по всему миру, всегда найдутся примеры более впечатляющие, перед которыми современная наука бессильна. Проблема в другом — заканчивается одинаково: чудовищная разбалансированность психики приводит к эмоциональному взрыву, после которого душа человека распадается на пазлы и собрать их обратно в личность уже невозможно.

Совершенно очевидно, что представление о норме, как о средней температуре по палате, не годится даже для обывательских рассуждений. Разумеется, есть показатели, по наличию или отсутствию которых, можно заведомо судить о последствиях справедливых для каждого человека. Но это уровень физиологии. В науке принято говорить впереди о причине и уже потом о следствии. Физиология — это причина или следствие? В каких-то случаях — причина, в каких-то — следствие, в зависимости от представлений и научной школы исследователя. Кто-то считает, что человек видит благодаря глазу, кто-то считает, что глаз видит благодаря человеку. Кто прав? Есть евклидова геометрия, есть неевклидова геометрия. В психическом мире человека своя геометрия, свои законы пространства и времени и как они соотносятся с реальностью — неизвестно. Одним из парадоксов не физического мира, по мнению Левашова, является равенство причины и следствия. Иные коллеги называли это заблуждением, а про себя думали — какая глупость! Иные называли ересью, таким образом, изыскано намекая, что наука тоже своего рода религия.

Психологическая норма это не наше равенство перед физиологией, или соблюдением заповедей. Она баланс, образно, «ада» и «рая». Составляющие части на чашах весов могут быть совершенно фантастические, и у каждого человека по своему, но их равновесие удерживает нас в состоянии, которое

можно условно называть нормой. Между этим состоянием и социальной нормированностью нет знака равенства. В этом корень многих, если не всех, личностно-общественных проблем.

О мозге, главном управителе эмоций, мы знаем столько же, как о дремучем лесе: где что растёт, какие звери водятся, знаем карту, но на уикенд, отправившись за грибами, рискуем смертельно заблудиться. Феномен мышления размышлением о нём не объяснишь: невозможно быть и хирургом, и оперируемым одновременно, или не считать какие-то примитивные случаи.

Что вообще может узнать винтик машины о машине? Не многое. Нельзя сказать, что Левашов полностью разделял представление о фатальной непознаваемости мира, но допускал, что, вероятно, так оно и есть. Впоследствии они с Николаем часто говорили об этом и спорили. Левашова спасал жизненный и научный опыт, авторитетность, эрудиция, а вот свежесть мысли всегда была на стороне Николая. Понимание важнее знания, знание это то, что нуждается в понимании. Шимпанзе знает комбинацию кнопок для получения банана, но никогда не поймёт, как это происходит. Да её это и не волнует в отличие от человека, который сплошь и рядом оказывается в сравнимом положении.

Николай слишком полагался на развитие технологий. Фантазий на этот счёт у него много, да к счастью на всё вдруг сил не хватит. Природа не любит прямые линии и квадратные помидоры, а человек любит выстраивать природу по струнке. Чья возьмёт? Думая об этом, и человека жалко, и за природу обидно.

От первого знакомства до научных споров путь выдался тернистым.

Несмотря на мизерную зарплату, Николай трудился от души и безотказно, выполнял любую работу и в основном молча. Раскрутить его на разговор никому не удавалось, женская часть коллектива была заинтригована, мужская — покровительствовала. Случались попытки над ним подтрунивать иногда и зло подшучивать. Что поделаешь, его роль — «подай, принеси, пошёл на хуй!». Но Николай не реагировал, словно это и не о нём. Эксперименты с его терпением закончились после одного случая.

Торговец с рынка жаждал мести за своё унижение. Николая выследили и напали на него втроём. Нападавшие оказались в больнице в проблемном состоянии, потенциальная жертва — в полиции. Рядовые полицейские с удовольствием отпустили бы Николая, да кто-то наверху, можно догадаться по какой причине, решил иначе. И посадили бы. Левашов опе-

ративно вмешался. Тяжёлую артиллерию привлечь не пришлось. Даже тени СБФ оказалось достаточно, что бы «кто-то» наверху поменял своё мнение, а уголовное дело дематериализовалось. Пострадавшие злоумышленники долечиваться срочно отбыли на родину предков.

Оттаивал Николай месяца три. Левашов общался с ним мало и сдержанно. Какие могут быть общие дела у руководителя и уборщика производственных помещений? Однажды Левашов встретил Николая в городе с явно неслучайной девушкой. Это обрадовало и вообще, и в частности. Некая дама по служебным обязанностям частенько навещала Лабораторию. За глаза её называли Контактёршей. Внеземная сущность тут не причём: она работала у смежников и курировала совместные исследования. Левашов подозревал, что это дородная ещё в соку женщина между делом поимела, не сходя с рабочего места чуть не всю мужскую часть коллектива. Обойти стороной Николая Контактёрша, конечно же, не смогла. Но ничего из этого не получилось. И она по своему пожаловалась Левашову.

— Мне кажется... — низкий голос Контактёрши отдавал бархатом: — Я так чувствую. Он гомик!

— Да что вы! — вступился Левашов, на самом деле ничего не имея против геев, как, например, и против рыжих. Думать по-другому он считал непрофессиональным: — У него есть девушка. — Левашов не знал наверняка, но соврал в угоду обывательщине и дабы избежать необоснованных сплетен.

— Так бы и сказал! — даже не заметив, что с головой выдала свои домогательства, пророкотала Контактёрша.

— Он такой говорун, заслушаешься! — съязвил Левашов.

— Да... Уважаю! Славный, славный... — продолжила Контактёрша: — Мужская верность, чем не тема для исследования? Вероятно, это какая-то мозговая аномалия. Ха-ха. — Контактёрша изобразила смех. Ей шутка понравилась.

Прибегнув к уловкам, под безобидными предложениями Левашов обследовал Николая. В Лаборатории частенько испытывали различные приборы на себе, ничего особенного в этом не было. Правда, перед первой процедурой Николай произнёс странную фразу: «Доктор, я доверяю вам». Доктором Левашова никто не называл.

Томограф, бинауральные ритмы, тесты... И всё не как у людей! То есть как бы, похоже, но не так! Чуть-чуть не хватало до вывода, что Николай никогда не спит, видит с закрытыми глазами, а его мозг постоянно работает в режиме

микроволновки. Долго любоваться на загадочные картинки не пришлось, они исчезли: и бумажные носители, и с компьютера испарились. Доверяй, но проверяй! Кроме Николая некому и незачем было воровать то, что, к слову сказать, и плохо лежало. Пропажа в сверхсекретной лаборатории неважно чего — не просто ЧП, а как утрата знамени со всеми вытекающими последствиями вплоть до расформирования. Было над чем задуматься!

Николай вёл себя как обычно. Левашов хотел спросить напрямую, но отложил разговор: если бы Николай соврал, это бы сделало неизбежным его доскональную проверку с максимальной тщательностью, которой славится служба. Левашов решил сначала сам провести небольшое расследование. Для этого не нужно было восстанавливать утраченное. Что-то подобное, хотя и не такое, а лишь сравнимое по спутанности и невозможности интерпретации он уже видел. В результате испытания некоего устройства типа психотронного ружья, пострадали и мишень, и стрелок. Но беднягам было не до работы, спортзала и девушек: они так и не пришли в сознание, и после нечитательной спонтанной мозговой активности, в какой-то момент снова стали читабельны, но уже как овощи.

Покопавшись в архиве, освежив события многолетней давности, поговорив с коллегами смежниками о неисповедимых путях теории мозга, Левашов узнал о нескольких несчастливых попытках найти бога в голове. Речь шла о внешнем воздействии на мозг самыми современными, изоцрѐнными средствами. Во всех случаях результаты фатальные. А нечитательность результатов — вопрос грамотности: буквами знакомого алфавита написано на незнакомом языке. Ничего нечеловеческого! Просто учёные крайне редко сталкиваются с таким аварийным языком мозга и поэтому плохо его понимают. Заодно Левашова познакомили, разумеется, с совершенно секретными экспериментами американцев на крысах. Фантастика! Того и гляди не только на свою голову выведут грызунов, которые заменят человека как вид. Но к расследованию это уже отношения не имело.

Очевидно, что Николай подвергся внешнему, целенаправленному воздействию. Первый вопрос — о целепологании. С какой целью? И лишь во вторую очередь, — какие технические или медикаментозные средства использовались? То, что у Николая, невозможно получить от солнечного удара на пляже, или в другой экстремальной ситуации, включая войну. Николай жив и здоровее многих живых — это исключение? Что на другой чаше весов, не улавливаемое приборами, уравнивает и стабилизирует его состояние? Ответ нужно искать в Министерстве обороны. Там бардак, но не до такой степени, чтобы презреть ведомственные барьеры.

Левашов с большой осторожностью попробовал проследить армейский путь Николая. Результат не имел отношения к ожиданиям. У закоренелого атеиста вырвалось: «О, господи...». Левашов не стал пороть горячку. Хуже, чем есть, всё равно уже не будет. Поздно пить баржом, а война план покажет. Интуиция, которая говорила, что никакой опасности Николай не представляет, взяла верх над чувством долга. Но непорядок — это факт!

Нагрянуло долгожданное событие — доставили на тестирование чудо новейших технологий, в котором материализовался и скромный вклад возглавляемой Левашовым Лаборатории. Это целый комплекс для исследования ДНК. Желание поработать с собственной наследственностью высказали все, кроме Николая. Он отмолчался.

Николай нередко задерживался после работы, но вдруг это стало происходить регулярно под предлогом, что днём наводить порядок бесполезно, потому что к вечеру снова бардак. Левашов засомневался в правдивости этой версии и не ошибся. Он застукал Николая за проведением анализов на новом комплексе. Это занятие требовало куда более значительной профессиональной подготовки, чем она может быть у уборщика производственных помещений! Левашов уже перестал удивляться. Рембо и Ломоносов в одном флаконе! Только бы ещё не Джемс Бонд туда же!

Николай не испугался, не удивился, спокойно посмотрел на Левашова и продолжил свои занятия.

— ДНК то у тебя хотя бы человеческая? — иронически спросил Левашов.

— Вроде... — Николай закончил какую-то операцию и смотрел на Левашова. Вопрос не столько о ДНК, сколько обо всём. Николай это понимал: — Вы разбрасывали, где попало, оставили в прямом доступе на компьютере. Я сказал, что доверяю вам. А вы... Любой ваш сотрудник... — Николай безнадежно махнул рукой.

Один камень благополучно с души свалился! На стороне Николая, правда железобетонная!

— Но воровать то зачем? — не очень возмутился Левашов.

— Воровать... — в своей отстранённой манере, когда не поймёшь, то ли он спрашивает, то ли утверждает, то ли с собой разговаривает, ответил Николай: — Воровать плохо. Посмотрите в сейфе внизу под бумагами, там и флешка. Я со склада взял, на вас её записал.

— В сейфе?! — изумился Левашов, от неожиданности ещё не успев вознегодовать.

— По инструкции вы, когда должны были код сменить... — Николай по-прежнему был бесстрастен.

— Да, ты... — вот теперь Левашов вознегодовал: — По инструкции тебя сейчас здесь не должно быть! Тебя вообще не должно здесь быть! По инструкции!

— Знаю. Меня таким вообще не должно быть. — Николай на мгновение ушёл в себя: — А я есть. Это проблема не только для меня.

— Сворачивайся и пошли! — переругиваться смысла не имело, а последние слова Николая пристыдили: Левашов своей безалаберностью и мнительностью загнал их обоих в угол.

— Расстреляете. — в голосе Николая прорезалась ирония.

— Да! Но после ужина. Накипело. Пора объясниться.

Дочек дома не было. Галина Ивановна, жена Левашова, гостям всегда рада. Ужин прошёл бы в дружеской обстановке, да на душе Левашова остались ещё... валуны! Это ему мешало. А Николай не так чтобы разговорился, но отвечал на расспросы Галины Ивановны без аутистских шуточек и даже улыбался. А Левашов был хмур и углублён в себя.

Не довольная таким поведением мужа, Галина Ивановна по-своему его наказала.

— Дорогой... — сказала душевно Галина Ивановна: — Пожалуйста, никогда больше при мне не называй этого молодого человека аутистом.

Уела! Левашов действительно иногда разговаривал с женой о сотрудниках, но не о работе. Мудрая Галина Ивановна как фонарик в потёмках человеческих душ. Левашову руководителю порой приходилось несладко: интеллигентский индивидуализм, себялюбие и амбициозность высокообразованных сотрудников, то и дело давали о себе знать, приводя к дрызгам в коллективе. Вот Левашов и советовался с женой, и отводил душу в язвительных характеристиках.

После ужина перешли в кабинет. Левашов думал с чего начать. Николай не торопил.

— Как всегда, объяснений я не дождусь. — констатировал Левашов.

Николай согласно кивнул головой.

— Ладно! — Левашов решил начать с самого содержательно простого, но болезненного для его самолюбия: — Извини, я был неправ, хотя ты мог бы сразу сказать. — Всё же не удержался от самовыгораживания! Левашов понимал, что если бы сам не начал игру в молчанку, то нечего бы этого не было: — Надеюсь и остальное разъяснится благополучно. Ты знаешь, что некоторые параметры твоего организма несовместимы с жизнью?

— Совместимы. — уверенно ответил Николай: — Раз я перед вами, значит совместимы.

— Допустим! — согласился Левашов и продолжил: — Откуда у тебя такие профессиональные навыки? Я про сегодняшнее.

— Да, нехорошо получилось. — Николай пожал плечами: — Наверное, я сообразительный.

— Какое совпадение! Я тоже сообразительный. — Левашов достал из стола фотографию и показал Николаю: — Это Николай Окоёмов. А кто тогда ты? Кстати, он и не столичная штучка, а провинция-матушка.

Николай смотрел словно сквозь Левашова, который вдруг почувствовал свою внезапную бестелесность, через мгновение сменившуюся невыносимой болью, перекашивающей лицо. Вкус крови во рту, запах горящей человеческой кожи...

— Доктор, доктор... — Николай отвёл глаза: — Не лезьте во всё это. Не копайте.

Жизнь Левашова складывалась без особых невзгод и лишений и ему не понять, что выпало на долю этого парня.

— То, что я сейчас разговариваю с тобой здесь, а не ты со следователем, уже ставит на мне крест. — Левашов говорил примирительно: — Конечно, жить буду, не пропаду и на кусок хлеба с маслом хватит. Уже дело не во мне. Объясняться тебе всё равно придётся. Ты офицер, сам должен понимать, что не в бирюльки играем.

— Вы правы. — такого оборота событий Николай не ожидал, хотя следовало бы ожидать: — Колян мой друг. Нас перевели в соседнюю часть. Во время переезда автомобиль подорвался на фугасе. Он погиб. Я поменялся с ним документами. Точнее, тем, что от его документов осталось. Сейчас считаю, что решение импульсивное и неправильное, да назад не вернёшь. Попал в госпиталь. Там выяснилось, что у меня ещё и ВИЧ. Виктор, ваш корешь, помог. Меня быстро комиссовали.

Тема ВИЧ неожиданно опускала с высоты тайны на землю.

— ВИЧ — это не так уж... — решил успокоить Левашов.

— Это смешно. — отмахнулся Николай: — На фоне прочего ВИЧ — это насморк. Вас интересует почему я скрываюсь и от кого? Поверьте на слово, это длинная история и она никак не может вам повредить. Вам ещё спасибо скажут за то, что вы вернули меня клетку для подопытных животных.

— Помилуйте... — Левашов растерялся и засомневался в своей безусловной правоте: — Если я докопался, то... Как иначе?

— Докопаются до уборщика производственных помещений, который к тому же вольнонаёмный? — Николай отрицательно покачал головой: — Мне нужно закончить начатое. В вашей Лаборатории это возможно, если только вы временно прекратите своё следствие. Для меня это вопрос жизни и смерти. Я никуда не сбегу, слово офицера. А потом поступайте, как считаете нужным.

Перед Левашовым сидел человек-загадка. Как с этим смирится? Остаётся надеяться, что в дальнейшем всё прояснится. Самообман! Человек с такой изломанной судьбой — крепкий орешек. Но и что греха таить, Левашов хотел, чтобы Николай остался. Случай уникальный. Это вам не американские крысы, по круче будет! Так всё же, сострадание или научное любопытство двигало тогда Левашовым? Теперь уже и не разберёшь.

— У меня есть условие. Я буду тебя наблюдать. — Левашов хотел поймать реакцию Николая, но как в основном всегда — стенка!

— Если осторожно. — согласился Николай: — Кстати ваш новый комплекс по ДНК — барахло. — от неожиданности брови Левашова устремились вверх, а Николай невозмутимо продолжил: — Сами придёте к такому выводу.

— А ты экстерном разобрался? — не удержался от иронии Левашов

— Нет. Я с ним поговорил, он сам жалуется, от него требуют то, чего он не может — серьёзно ответил Николай

Подобные заявления «о поговорил с оборудованием» потом Левашов слышал не раз и даже с ними смирился. Так начался их бесконечный диалог. Своё расследование Левашов прекратил, но не сразу. Некоторую ясность внёс разговор с Виктором. Да, действительно, в госпиталь привезли двух офицеров, но выжил только Николай. Фамилию погибшего он хорошо помнит. Шум до министерства был, видать не простой офицер. Приезжали даже опознавать, но что там опознавать — месиво, а не тело.

Николай сказал правду. Если учесть, что он не из пугливых, но пошёл на отчаянный поступок с подменой документов, чтобы его считали умершим, значит для этого есть очень серьёзные причины. Не трудно догадаться какие. Ай да, вояки, красавцы! В наше то время, да эксперименты над людьми — это большой скандал. Так что нежелание Николая говорить на эту тему вполне объяснимо, как и его дальнейшая судьба, если обман раскроется.

Чтобы избежать излишнего внимания к новым отношениям руководителя с уборщиком производственных помещений, Левашов изменил график работы Николая. Теперь тот приходил после обеда и трудился до позднего вечера. Ночевать в Лаборатории Левашов запретил, а то шло к тому.

Иногда, чтобы высвободить нужное ему оборудование, Николай через Левашова беспардонно вмешивался в работу Лаборатории — то не так, это не так, здесь нужно вот так — и предлагал свой вариант. Результаты сказаться не замедлили. Про Левашова стали говорить, что у старика открылось второе дыхание. Возмутительно, что «старик», а про «второе дыхание» — стыд, да и только!

Наблюдение за Николаем выявило периоды «штормов» и затишья. В поведении проблемное состояние усугубляло замкнутость. Что происходило у него в душе — оставалось только гадать. Периоды затишья сокращались. Однажды Левашов застал Николая без сознания лежащим на полу подсобки. Вероятно, это состояние продолжалось недолго и после минимальной помощи, он пришёл в себя.

— Тебя нужно в больницу! — определил Левашов: — Немедленно!

— Нужно. Но не в больницу. — Николай ушёл в себя, его взгляд ничего не выражал: — Если вы хотите помочь... — снова длинная пауза: — Сделайте, как я скажу.

И он сказал! Но это Левашова не устраивало.

— Я что, помощник самоубийцы? — Левашов отрицательно мотнул головой: — Есть более простые способы!

— Я умираю вместе с Ним и однажды Он всё равно меня убьёт. Я устал от Его смертей: — взгляд Николая стал «сквозным», как это случалось, когда он хотел поделиться своими эмоциями.

Левашов не запомнил того, что увидел, но ужас, который он при этом испытал, как эхо разлился по телу — пот, дрожь, слабость...

— Его можно обмануть. — продолжил Николай: — Моя смерть. Клиническая смерть, если вы сделаете, как я сказал. Я откладывал этот разговор с вами, но раз уж так получилось...

— Концентрация, время действия препаратов... — в голосе Левашова не было сомнения: — В идеальном случае выйдешь в кому.

— Нет. Мой мозг уже не такой как у вас. А лёгкой смертью Его не обмануть. — Николай видел, что не убедил, взял с полки какую-то коробку: — Ладно. Я в процедурном, если вас это интересует.

Левашов пошёл следом и думал, как остановить Николая. Ударить чем-нибудь? А дальше что?

Приготовив место, где ляжет, Николай разделся догола: — Вы же знаете... Не стирку же потом устраивать.

— Это не реанимация! — «потом» вывело Левашова из состояния бездействия: — Посмотри! Здесь ничего нет. Или у тебя галлюцинации?

— И не надо. — равнодушно ответил Николай: — Я всё рассчитал и приготовил. А момент сам себя выбрал. — Николай достал из коробки, которую взял с собой, шприц наполненный жидкостью изумрудного цвета: — Это главное. — Николай кивнул на мобильный, который предварительно положил на стол: — Я его сейчас настрою. У вас не больше трёх секунд после звонка будильника.

— Укол в мёртвое тело! Как просто! — Левашов никак не мог поверить, что это произойдёт: — Вы плохо учились, молодой человек.

— Это наники. Они и мёртвого сплясать заставят. — Николай аккуратно положил шприц: — Можете просто уйти. Сумасшедший лаборант проводил на себе эксперименты. Замнут. У вас выбор есть, у меня нет. Или он, или я.

«Он» — вероятно, какая-то навязчивая идея. Левашов не знал, как остановить Николая, но и уходить не собирался. Какая дикая мысль уйти, бросить... Остаться и смотреть как человек, который явно не в себе, убивает себя? Это хорошая мысль?

— Тебе нужна помощь, но не такая — Левашов ещё раз попробовал остановить Николая: — Я не знаю, кто «он», давай об этом поговорим.

— Он — это ужас, что такое. А вы не психоаналитик. Да и не в этом дело. Он, или Они — это паразитные связи с внешней средой. Я пытался их контролировать, но не получилось. А чем дальше, тем хуже. — Николай готовил шприцы и препараты: — Есть две проблемы — стабилизация и адаптация к внешней среде. Так вы уходите или остаётесь.

Ответа Николай ждать не стал и сделал себе первый укол и настроил мобильный телефон.

Левашов бессильно опустил на стул.

— Плохо, если я упаду на пол. — Николай сделал себе ещё один укол: — До звонка у вас есть время подумать. Если надумаете, не спешите меня спасать. Потом придётся всё повторять сначала. Только после звонка. Ожидание покажется долгим.

Николай лёг и потерял сознание. Агония была мощной, организм бешено сопротивлялся. Последний крик тела закончился самопроизвольным испражнением. Николай умер. Левашов проверил пульс... Отступить было некуда. Думал Левашов только о времени. Первые две минуты... Телефон молчал. Четыре минуты! Телефон молчал. Ждать больше нельзя! Левашов взял шприц. Удивительно, что время может быть таким медленным. А вдруг телефон сломался? Да мало ли что... Рука со шприцем потянулась к шее Николая. Пять минут! Проклятый телефон! Проклятый мальчишка со своими проклятыми тайнами! Шесть минут... Всё! Это конец!

Мёртвое тело не может быть красивым. И красивой смерти не бывает. Она всегда безобразна.

Когда мобильный телефон ожил и голосом Николая сообщил: «Пора, доктор! Пора.»; а потом заиграла весёленькая музыка, Левашов уже потерял счёт времени. Прошло девять минут! Он сделал укол.

Секунд через пятнадцать по телу Николая прокатилась лёгкая дрожь, её сменила дрожь сильнее и так до тех пор, пока тело не начало сотрясаться, словно от мощных электрических ударов.

Пульс! Дыхание! «Не кома, не кома...» — мысленно твердил Левашов, повторял и повторял. Николай в сознание не приходил. Время для этого вышло.

— Я просто не могу открыть глаза — вдруг произнёс Николай.

Левашов вздрогнул. Мобильник?

— И тела не чувствую. — голос Николая был слаб, слова давались ему с трудом, хромала дикция: — Переборщил с чем-то. Там в коробке есть...

Левашов достал препараты и сделал несколько уколов.

— Ты же всё рассчитал! — проворчал Левашов.

— Как вы говорите, ерунда. — Николай перевёл дыхание: — Разве можно всё рассчитать. Даже я не могу.

На лице Николая появилась улыбка. Улыбка дебила. Лицевые мышцы ещё плохо слушались.

— А запах. — Николай открыл глаза: — Прикройте меня, а то неловко и озноб.

Левашов прикрыл Николая чистой простыней и готов был расплакаться. Нервы! Такой стресс в его возрасте!

— Девять минут! — возмутился Левашов: — Девять!

— А я думал, на семь поставил. — Николай попробовал приподняться, это получилось с трудом: — Шучу.

— Сейчас лучше? — спросил Левашов.

— Лучше, кажется. — Николай прислушался к себе: — Я Его не чувствую. Он может прийти. А может, нет. Я не знаю. — Николай содрогнулся: — Наники разрядились. — Николай поднялся и сделал несколько неуверенных шагов: — Терпимо. Я помоюсь.

Пока Николай мылся, Левашов делал уборку. С души отлегло, уже не верилось, что это всё произошло. Риск? Нет. Безумие! То, что у парня другие мозги — факт! И причём, мозги без тормозов.

Прикрываясь простыней, Николай вышел из душевой: — Полотенец нет. Галка говорила, а я забыл... — Николай увидел Левашова, прибирающего следы чуть не состоявшегося смертоубийства: — Что вы! Я бы сам... Спасибо!

— Не за что! — буркнул в ответ Левашов.

— Да, нет. За всё спасибо! — Николай добрался до своей одежды: — Предусмотрительность.

— Как... — Левашов кивнул головой вверх: — Как там.

— Ничего нового. — Николай прислушался к себе, эта манера у него никуда не делась: — Не первый раз. Больно. Затем легко.

Трудно сказать что, но что-то в Николае изменилось. Результат стресса, действие взбадривающих уколов? Пережил смерть, а словно важнее — полотенца! Глаза. Левашов всматривался в Николая. В глазах пропала тяжесть. Шок пройдёт, ломка будет. Ещё какая! Такое никому легко не даётся, с любимыми мозгами.

Левашов не ошибся. Следующие три дня Николай на работу не вышел. Он с трудом поднимался с постели, его рвало и поносило, ночью мучили пробивающие до пота кошмары. Участковый врач поставила диагноз для

больничного — пищевое отравление. И то, три дня, что за срок! Не меньше месяца — решил Левашов. Будет не одно, так другое, пока все внутренние органы не перехандрят, пока организм не избавится от следов смерти. Но он ошибся. Николай быстро, очень быстро шёл на поправку, во всяком случае, внешне.

А то же время одна из сотрудниц спохватилась, что в процедурной не хватает простыней: — Трахается он здесь что ли? Ну, Колька...

Нельзя сказать, что Николай переменялся совсем, но и прежним он не остался. Замкнутость, порой переходящая в нелюбимость, отступила. Говорун из него по всякому бы не получился, а вот разговорчивости прибавилось. Глаза ожили, стал чаще улыбаться, с лица спала почти каменная маска. А с тела словно спали цепи — походка и движения стали пластичными. И раньше было видно, что он строен и хорошо сложен, а теперь это бросалось в глаза. Всего по чуть-чуть и парень стал ярче. Трудно сказать стремился ли раньше Николай к незаметности: сознательно — вряд ли. То, что Левашов называл в нём «отрешённостью от внешнего мира», никуда не делось, разве что смягчилось и вдруг стало выглядеть пикантной особенностью. Женская часть коллектива пришла к выводу — Николай влюбился. Женщинам хочется думать, что именно они и только они облагораживают мир и заодно превращают мужчин в людей. Мужская часть коллектива задумалась — а не записаться ли в спортзал? Ох уж эти ранние пивные животики, спасательные пояса вокруг талии... Их легко приобрести, да попробуй потом от них избавиться!

Выздоровление? Если под выздоровлением понимать исчезновение «штормов» на электроэнцефалограмме, то — да. В остальном та же абракадабра, что и прежде. А на томограф лучше и не смотреть — лучше предположить, что аппарат сломался!

На различного рода научных мероприятиях, Левашов скромно представлял самого себя со всеми своими научными званиями и регалиями. На одном таком узкоспециализированном собрании он показал ЭЭГ Николая своему старому знакомому.

— Э... Либо это эпилепсия... — импозантный седовласый профессор задумался: — Этак в квадрате, или даже в кубе, либо вы меня разыгрываете.

— Меня самого разыграли. — нашёл Левашов, хотя домашняя заготовка ответа была иной, но «розыгрыш» то же неплохо. Эпилепсия! По началу

и Левашов так думал. Действительно, это первое, что бросается в глаза. Продолжить разговор не получилось.

Неожиданно к Профессору подошёл невысокий лысоватый мужчина, очень стандартной незапоминающейся наружности. Какого легко принять за клерка или мелкого чиновника. Левашов знал кто это, хотя лично знакомы они не были — академик Мамонтов. Не раз слушал его доклады на симпозиумах. Серьёзный учёный. Премного извинившись перед Левашовым, мельком взглянув на ЭЭГ, которую Левашов не успел убрать или хотя бы прикрыть, потому что такого рода поспешные действия выглядели бы глупо по заговорщески, Мамонтов увёл Профессора, сославшись на срочное дело.

Нечаянная встреча получила своё развитие в тот же день.

— Наслышан, слышан. — Мамонтов дружески тряс руку Левашова, не ограничившись стандартным рукопожатием: — У нас много общих друзей, а вот мы незнакомы. Вы уж ещё раз извините, что я сегодня так бесцеремонно поступил.

Какие извинения, что вы, что вы... И тому подобная светская чепуха от Левашова в ответ.

— Не буду лукавить, и ходить вокруг, да около. — Мамонтов хитро прищурился: — Первая проблема — стабилизация. Вторая проблема — адаптация.

У Левашова заняло под ложечкой. Так облажаться! Портрет в интерьере — Мамонтов и военно-промышленный комплекс, а уж Министерство обороны — дом родной. Об этом Левашов знал. Не сомневался, что и Мамонтов навёл о нём справки.

— Прямотой на прямоту. — Левашов как мог изобразил улыбку: — До адаптации дело так и не дошло. Увы...

— Вероятно. — Мамонтов как бы поверил: — Иначе бы вы не стали показывать Профессору... А как вы насчёт ланча?

Отказаться было бы и опрометчиво, и грубо. От своего основного интереса Мамонтов не отступится, а ланч — чистая формальность.

Во время лёгкого застолья они обменялись пониманием положения друг друга, посетовали на ведомственную разобщённость. Обсудили в общих чертах сложность проблемы внешнего воздействия на отдельные части мозга и её несомненную перспективность.

— Ну-с... Если вернутся к нашим баранам... — Мамонтов понял, что ничего конкретного от Левашова не добьётся и решил первым сделать шаг на

встречу: — Уже дело прошлое... Один мой сотрудник, молодой, но очень, очень талантливый, поставил на себе не санкционированный эксперимент. Молодость, сами понимаете... Результаты впечатлили. И стабилизировать процессы удалось. Адаптация... Человек военный, логично, что его среда воинское подразделение. Направили его в часть. Первое время всё шло хорошо, даже отлично и вдруг... Стабилизация — к черту! Проблема с адекватностью. Тут уж не до адаптации. Плюс, Восток — дело тонкое. Парень погиб — подорвался на фугасе. Печально.

Левашов вопросительно смотрел на Мамонтова.

— Зачем я это рассказал, ведь вы не спрашивали? — Мамонтов понимающе кивнул головой: — Нет, на ответную откровенность я не рассчитываю. С вашей... конторой... не забалуешь. И всё же у меня есть предложение. Хотя наш эксперимент закончился неудачно, накоплен богатый материал. Я готов поделиться в обмен на совместную работу. В конце концов, и я, и вы трудимся, на благо, так сказать...

— Маловероятно. — твёрдо ответил Левашов: — Тема уж очень щекотливая.

— Понимаю. — Мамонтов криво улыбнулся: — Люди не крысы для экспериментов, больничные идиоты, не тот контингент. А отчаянных гениев у меня нет.

— Полагаете, у нас они есть? — Левашову следовало бы оскорбиться для виду, но актёрство всегда ему удавалось плохо.

— Мы оба понимаем, о чём речь. — Мамонтов показал на папку Левашова: — То, что есть у меня, и есть у вас — это уже за границами морально-этических норм.

— Да. — подвёл итог Левашов: — Но я лишь в том смысле, что наш разговор зашёл дальше, чем я могу себе позволить.

Расставались вежливо, поблагодарили друг друга за интересную беседу. Левашов пришёл к выводу, что Мамонтов пока не угроза.

То, что у академика нелады с морально-этическими нормами — очевидно и не удивительно: где они, безгрешные? Но в отличие от банальных случаев, вероятно, грехи покруче, такие, что уже и не замолить. А мокрый воды не боится. Дай волю Мамонтову, он, не моргнув глазом, станет использовать людей как подопытных крыс. Нацистский доктор Менгеле — составляющая, чёрная часть души многих учёных, при этом они могут ходить в непорочных белых одеждах, рассуждая о прогрессе и благе для человечества. То, что Мамонтов думает, будто в структуре спецслужб «черным докторам»

живётся вольготней — это не без оснований, к сожалению. Но и, к счастью, не до такой степени, как он думает.

У Левашова осталось от Мамонтова впечатление, что бодливой корове бог рог не дал. Вероятно, работодатели побаиваются авантюристичного академика. И без того скандалы регулярно сотрясают военное ведомство.

Что касается себя, то Левашов не питал иллюзий — он не образец добродетели и неукоснительного следования гуманистическим принципам. Но само по себе не что не хорошо, не плохо. Даже то, что как ни крути, и Мамонтов, и Левашов — всё же одного поля ягоды, хотя и разного сорта.

Наводить тень на плетень Левашов не стал и выложил всё Николаю как на духу.

— Доктор, доктор. — Николай тяжело вздохнул: — Неймётся вам!

— Пойми, — Левашов говорил искренне, а не для того чтобы оправдаться: — то, что ты сейчас как бы здоров, это не так. Всё может, закончится внезапно! Раскрой глаза. От твоих последних анализов до кладбища рукой подать. А у тебя ещё и ВИЧ. И твой мозг работает в режиме эпилептического припадка. Кое-что мы здесь подлечим, но это же не больница. И я, между прочим, не доктор.

— Мамонтов. — Николай думал о своём: — Мамонтов. Значит это я сам... — Николай придвинулся к Левашову: — Я похож на идиота?

— Иногда, да. — подтвердил Левашов и по-своему успокоил: — Но это свойственно всем гениям.

Левашов не удивился, что дальнейший рассказ Николая отличался от версии Мамонтова.

Это был своего рода прогон спектакля перед премьерой. Николай одел на голову аппарат, который он называл «шлём». Устройство действительно напоминало шлём, только не старинный, а футуристически навороченный в духе звёздных войн. Налогоплательщикам эти навороты обошлись дорого. Произведение научного искусства не отличалось красотой форм, а вид его начинки ничего не говорил о стоимости материалов, из которых она состояла. Но так и бывает с научным оборудованием. Николай, всякий раз глядя на «шлём», думал: «Он прекрасен до последнего проводка!». Красоту для посвящённых дополняли по-своему элегантные очки, отрезающие мозг человека от реального мира. Они сообщали глазным нервам информацию

от «шлёма». Суета мира не могла прорваться и через слух. Наушники «шлёма» мягко обволакивали ушную раковину.

Внешний компьютер вводил код активации и карту воздействия. На этом его роль заканчивалась. «Шлём» сам по себе компьютер. Были предусмотрены альтернативные варианты активации. Код и карта проверяли друг друга на соответствие, после чего говорили «шлёму» — да!

Чтобы всякий раз не вводить код, Николай написал простенький исполняемый файл, который брал то, что нужно. В данном случае тестовый код и тестовую карту. В таком режиме «шлём» был опасен не более, чем компьютерная игра. Основную Карту воздействия ещё предстояло разбить на десятки, а может быть сотни этапов и так мелкими шажками двигаться вперёд. Это программа на ближайший год. Мамонтов торопил, просил сократить срок. Николай категорически отказался. Подвергать здоровых людей неоправданному риску — это преступление. Его с трудом уговорили проверить некоторые предположения на пациентах психушек.

Главное — это Карта воздействия. Без неё «шлём» — дорогое железо. Но она не компьютерная программа. Написать карту может специалист, если он осилил современную науку о мозге, если он знает условный, принятый только для данного случая порядок нумерации зон воздействия и коды потенциалов. Но это — всего лишь знание семи нот. Карта — это симфония, которая разыгрывается для мозга, мозг отвечает на неё вибрацией тончайших струн, вибрацией, которую никакими приборами воспроизвести невозможно. В этом смысле, Николай, без ложной скромности, был Моцартом. «Шлёму» предшествовали блестящие эксперименты с шимпанзе, опыты с ограниченным воздействием. Результаты настолько впечатляли, что сразу попали под гриф наивысшей секретности, а на дальнейшие исследования нашлись деньги, о которых раньше Мамонтов и не мечтал.

Отношения Николая с Мамонтовым складывались архисложно. Всего и не перечислишь. Вспоминать об этом к месту для пущей злости, если хочешь кому-то морду набить. Николай нажал клавишу «энтер», надел очки. У него есть ещё 10 секунд подумать о чём-нибудь хорошем, например, о... Надо же, ничего приличного в голову не приходит, одна похабщина!

Очнулся Николай в реанимации. Он пережил клиническую смерть и несколько дней находился в коме. Обошлось. Но что произошло? Формальное объяснение было. Якобы Николай либо по ошибке, либо сознательно запустил основную Карту воздействия. Такое объяснение его не устраивало, но пришлось смириться.

На самом деле кто-то переписал «bat»-файл. Это стало неоспоримым доказательством несанкционированного эксперимента. Что ж, с учёными такое случаются — проверяют на себе. А как переживал Мамонтов! В больнице дежурил! Такого от него никто не ожидал. Узел из ниточек противоречий.

Сомнений у Николая не было — это Мамонтов. Разумеется, он не хотел убить курицу, несущую золотые яйца. Основная Карта воздействия много раз обсуждалась, правилась. Мамонтов крепкий учёный с огромным опытом. Он не верил, что «эта балалайка», как он называл Карту, может причинить вред. В худшем случае — временное расстройство сознания. Поэтому, конечно, он переживал случившееся. Это объяснение? Нет. Или очень поверхностное. Вдаваться глубже Николаю не хотелось. Не всё сразу.

Превратиться из исследователя в объект исследования — приятного мало. Николая не обрадовали перемены, которые в нём стали происходить. Может кому-то и кажется, что неординарные способности — подарок судьбы. Николаю вполне хватало и того, что было прежде, но прежний Николай умер.

В суматохе и переживаниях Мамонтов совершил ошибку: он не сразу закрыл доступ к материалам по «шлёму». Николай успел изменить основную Карту воздействия: немного там, немного сям и симфония превратилась в бессвязный набор звуков. В таком виде ничего кроме головной боли она не принесёт. Мозг не любит какофонии, он гармоничен. Николай не хотел оставлять в руках Мамонтова свою работу, а повторить её Мамонтов не сможет. Даже ошибок найти не сможет. Он не слышит эту музыку.

В быту Николай стал раздражительным: вокруг глупость, пустые разговоры, сплошное дерьмо. Разругался с друзьями. Выгнал свою девушку: оказалось, что кроме секса их ничего не связывает, да и то, если до секса часок не помолчит, то и секса уже не хочется. Николай замкнулся: наедине с собой ему казалось комфортно. Он запросто отключал внешний мир, рассыпал его на пазлы, или превращал в калейдоскоп из цветных стёкол. Николай не сразу понял, что это и есть проблема адаптации. Взглянув на себя глазами исследователя, он увидел: это цветочки, ягодки впереди и как бы не пришлось собирать их на цементном полу какой-нибудь психушки в компании с Наполеоном. Ведь однажды он не вернётся, а во внешнем мире оставит вместо себя лишь свою телесную куклу.

Если с личной жизнью ещё можно было как-то разобраться, то отношения с Мамонтовым окончательно зашли в тупик. Во имя работы Николай готов был, поступится гордыней, и терпеть неприятного академика, но отстранение от программы «шлём» убрало препятствие на пути к конфликту.

Для каждого человека есть «правильные» и «неправильные» для него люди. Если рядом находится «правильный» человек, то это делает сильнее, даже если «правильный» просто бьёт баклуши. Если рядом находится «неправильный» человек, то, за какое дело не возьмись, усилия утекают как вода в песок, даже если «неправильный» старается из-всех сил помочь. Мамонтов для Николая был более чем «неправильный» человек: Николай рядом с ним разрушался.

Чтобы не доводить до греха прилюдных словесных стычек, или ещё чего похуже, Николай предложил продолжить свою адаптацию в войсках. Если не влиять перед своей научной совестью, то нужно признать, что проект в целом затевался не для роста поголовья гениев, а для штамповки программируемых солдатиков. Очевидно, что проще превратить человека в биоробота, чем создать биоробота. На худой конец, можно пока ограничиться подразделением огениаленных шимпанзе и макак, а Николай будет ими командовать.

Если отбросить язвительность, то можно сказать: мальчик прозрел! Мамонтов тоже за словами в карман не лез. Действительно, пора бы уже перестать изображать из себя святую наивность. А если Николай собрался в войска, то гонор следует поубавить.

Образно говоря, Николай вырос на задворках армейских госпиталей: его родители военные медики. Они погибли в мирной авиакатастрофе, возвращаясь с отдыха. Николая с собой не взяли из-за учёбы: не положено кадету в разгар занятий по курортам ездить. Так он остался на попечении дяди. После кадетства — военно-медицинская академия. Способности Николая говорили за себя, а у родителей было много друзей, которые считали, что обязаны проследить за судьбой парня. Когда Николай выбрал науку, а не врачевание вдруг, откуда не возьмись, появился Мамонтов. Всё складывалось словно само собой.

Под каким предлогом, в это Николай не вникал, его медицинское образование не стало помехой для продолжения службы в строевой части командиром взвода. К врачеванию он призвания не чувствовал. Всё устроил Мамонтов. Привыкал Николай не долго. Самоконтролю помогали занятия спортом. Сошёлся с десанниками, многому у них научился. Они в свою очередь не могли надивиться скоростью его реакции, его двигательной памятью. Много что их в Николае удивляло, но в десантной среде его физическая неординарность была к месту. Звали к себе, но командование решило иначе: по небу летать интересно, да вот на земле некому работать.

Желание отгородиться от внешнего мира бронированной стеной, постепенно потеряло остроту, перестало быть довлеющим, заняло своё место в ряду

прочих желаний и фобий. Но появилось новая проблема, которую Николай назвал «Он». Никакой системы в ней не было. Николай пытался сопоставить Его появление с наличием или отсутствием различных внешних раздражителей, но безуспешно: закономерностей не обнаружил. Это не было расстройством идентичности, или шизофренической галлюцинацией. Это был бред и кошмарные сны человека, который находился где-то во вне, но Николай чувствовал его состояние, пересказать которое также трудно, как пересказать собственные кошмарные сны, когда они случаются. Чаще всего незнакомец тонул, или задыхался, испытывая ужас, иногда возникали образы чужой реальности в причудливом преломлении, как в кривых зеркалах. Возможно, это были разные люди.

Командир части знал, что Николай — не простой случай, его об этом предупредили и попросили не удивляться командировкам по требованию Министерства обороны. Это настораживало. Засланный казачок? Кому это нужно, если недремлющее око особого отдела на месте бдит как рентген! Бездельники! Только и могут сплетни собирать. Но с особистом Командир всё же переговорил, попросил проверить новенького на шивость. Не тут то было! Выяснилось, что в этом смысле, особисту запретили приближаться к Николаю: никаких вопросов, никаких профилактических бесед, никакой дополнительной информации — что есть в личном деле, то и есть! Приглядывать — да, но не более. Вот так-так! Что же это за фрукт на их овощной грядке? Какому командиру такое понравиться? А, может быть, его сослали... как Лермонтова! Может и ссылка, только за что? Жопу начальнику не подставил? Подставляют, ещё как подставляют молодые и красивые. Штаб округа, что дом моделей! Командир не был моралистом, но карьерный секс не ободрял.

Новенький оказался толковым офицером, но это не компенсировало странности с ним связанные. Вот и будем двигать — решил Командир. Повышение самый благопристойный приём избавится от опасного человека. Повышения бывают разные, иные хуже проклятия. Чуть было не сбаврил Николая в десант, да не тут-то было — в штабе округа не одобрили разбазаривание сухопутных кадров. Подписывая очередную командировку своему спец. подчинённому Командир думал, что, может быть, Николай и сам не вернётся.

Надежды на то, что Мамонтов разберётся, у Николая не было. Он надеялся на «шлём», но к «шлёму» его не подпустили. Мамонтов предложил лекарства и методы, которые Николай посчитал допотопными. На этом командировки прекратились, а наваждение продолжалось.

Кошмар боялся, кажется, лишь одного человека — Коляна. Замечательно, что можно было отмалчиваться. Говорил в основном Колян: что-то рассказывал,

придумывал, если задавал вопросы, то сам на них и отвечал. По своей воле Николай бы его от себя не отпускал, но служба! В какой-то момент в душу Николая закрались сомнения: так ли уж невинен их интерес друг к другу?

К сексу Николай относился без фетишизма. Сполна отдал дань подростковому онанизму. Девочкам он нравился, и пора рукоблудия у Николая закончилась раньше, чем у многих его ровесников. Острого интереса к сексу он не испытывал. Лет в семнадцать оказалось, что нравиться не только девочкам. Юношеское экспериментаторство взяло верх, и Николай попробовал мужчину в кровати. После этого осталось чувство, что совершил что-то постыдное и гнусное. Но эксперименты не прекратил, как в присказке: один раз — не пидарас, два — не считается, три — по новой начинается. В курортную бытность познакомился с молодой семейной парой. Секс втроём продолжался с полгода. Николай не стал сопротивляться здравому смыслу и принял свою бисексуальность, считал, что больше склонен к женщинам, а к парням — для разнообразия. А вообще, если припрёт, мог и козу на возу...

Может быть, у них с Коляном больше, чем дружба? Может быть, это отпугивает незваного внутреннего визитёра? Николай не испытывал плотских позывов к Колян, но на секс с ним пошёл бы легко, если это Колян нужно. Но никаких поползновений на интим у друга так и не проявилось. Это к лучшему, решил Николай, секс только всё усложняет.

Отношения Коляна к сексу между мужчинами прояснилось окончательно, когда он поймал двоих солдатиков из своего взвода за нехорошим занятием и не знал, как поступить. Сразу шум поднимать не стал, но считал, что оставлять это без реакции нельзя. Сомнениями поделился с другом и, между прочим, изложил свою теорию. Колян был твёрдо уверен, что в своеобразных отношениях между мужчинами, один из пары представляет себе, что он с женщиной, а другой представляет себя женщиной. Святая простота! Если бы это было так, то и гомосексуализма бы не было. Николай посоветовал оставить солдатиков в покое: сами разберутся, если по доброй воле. А вдруг это любовь?

— Тебе шутки, а если они завтра все перетрахаются? — возразил Колян.

— Ты бы о другом волновался. — предупредил Николай: — Будь, по-твоему, все бы уже и перетрахались. Так не бывает. Это не грипп. Предупреди, чтобы не трахались, где попало. Они, небось, сейчас думают, в карауле застрелится на пару, или в казарме повесится?

Последний аргумент убил Коляна очевидными последствиями такого развития событий. Он предупредил солдатиков:

— Ещё раз поймаю, яйца отрежу!

Свою сексуальную нужду Николай справлял с подружками медсестричками из поселковой больницы. Сексом они занимались втроем. Лесбийский подтекст отношений подружек удерживал их от драки за мужика, хотя соперничество иногда и случалось. Когда в постели две девушки и один парень — подтекст всегда лесбийский. Когда в постели два парня и одна девушка — подтекст всегда гомосексуальный.

Николай не отдавал предпочтение ни одной из подружек, избегал серьёзных отношений, групповая связь его вполне устраивала. Ещё бы, нет! Есть ли мужчины, которые от этого откажутся? Другое дело, что не у всякого сил хватит. Сексуальным гигантом Николай не был, но имел терпение, которого хватало на обеих. А заканчивал обычно в зад одной из своих сексуальных игрушек. Они ему не отказывали, хотя удовольствия при этом не испытывали. Анальный секс — не для женщин, но любой сексуально активный мужчина мечтает трахнуть свою подружку в задницу, хотя не все в этом признаются. Импотенты и моралисты — не в счёт.

Неожиданно в части появился Мамонтов. Он не хотел, чтобы это выглядело, будто он приехал на поклон, но именно так это и выглядело, и было так, по сути. Программа «шлём» застопорилась. Написать сколько-нибудь серьёзную Карту воздействия не получалось. Получались гаммы, иногда даже песенки, но не более. Когда Мамонтов решил рискнуть и запустить ещё раз основную Карту, оказалось что у него не козырный туз в рукаве, а фига в кармане. Но академик приехал не разборки устраивать, а для того, чтобы прийти к компромиссу. Он сообщил, что руководство приняло решение вернуть Николая в программу «Шлём». Посетовал, как непросто было этого добиться после всего, что случилось. Расчёт точный: проблемное состояние Николая и его уверенность, что ключ к разгадке — это «шлём». Но не сработало.

— Да, я переписал карту. — Николай отбросил игру в «не называй вещи своими именами»: — Сейчас вы предлагаете мне вернуться и снова написать её для вас, а в обмен я получу шанс преодолеть трудности, что тоже вам на руку, и поможет избежать ошибок в дальнейшем.

— Я предлагаю тебе дело, которое ты любишь. Заметь, — Мамонтов погрозил пальцем: — я тебя ни в чём не упрекаю. Я не собираюсь копаться в мотивах твоего поступка. И не советую тебе гадать о мотивах моего поведения. Есть то, что называется «мотивы для всех», на этом уровне следует остановиться. Так поступают благоразумные люди, которые хотят в жизни чего-то добиться. Я не торговаться приехал, хотя мы прекрасно понимаем, что за

всё приходится платить. Надеюсь, на твоё благоразумие и рассчитываю на корректность.

— Сладко говорите. Если подумать... — Николай сделал вид, что задумался: — Шанса вы мне не дадите. Вы уже лишили меня всего, чем я жил, о чём мечтал, что планировал.

— Стоп! — Мамонтов перебил Николая: — Всему есть предел. Ты меня не услышал. Думаешь это сделка? Не договоримся — разойдёмся? Ошибаешься. Не ставь и себя и меня в безвыходное положение.

— Пугаете. Интересно. — Николай что-то представил себе и усмехнулся: — Дырки в голове сверлить будете.

— Если ничего другого не останется, то буду! — Мамонтов снова погрозил пальцем: — Надо же как-то тебя лечить? Друзей в беде не бросают. Все всё поймут правильно.

Николай смотрел спокойно, внимательно, но сквозь Мамонтова. Академик почувствовал что-то постороннее на своём теле — это оказались отвратительные на вид насекомые. Они ползли и гадили. Мамонтов инстинктивно попытался отряхнуться и вдруг увидел со стороны своё лицо, покрытое гнойными волдырями... Это продолжалось мгновение. Когда видение исчезло, Мамонтов всё ещё стряхивал с себя пауков, а губы его тряслись.

— Убирайся, ублюдок. — презрительно сказал Николай: — Если ещё раз попадёшься мне — убью.

Пока игра не закончена, она не проиграна. Свою игру Николай проиграл. Нужно было согласиться на продолжение шахматной партии — неизвестно, чья бы взяла. А что теперь? Бежать? Дезертирство! Ждать, что возьмут под белы ручки и упакуют с санитарный спец. рейс? Нужно было соглашаться, но здравый смысл, прагматизм уступили место эмоциям.

Мамонтов сбросил Николая в ад. Никакого рационального объяснения этому нет. Николай попробовал представить его в детстве. Невзрачный, некрасивый заморыш. Интересно, какое у него было прозвище? Наверняка, какое-нибудь унижительное, например, Заморыш. Смотрит этот Заморыш на ровесников, которые гоняют футбольный мяч, зубоскалят, матерятся и уже всю гуляют с девушками, и завидует. Пацаны его в свою компанию не берут, словно брезгают, девушки смотрят на него как на скользкую жабу в пупырышках. Заморыш завидует и ненавидит. Зависть рождает ненависть, а ненависть придаёт силы. Он ещё им покажет кузькину мать! Став старше, Заморыш нашёл спасение в учёбе, в науке и преуспел, благодаря своему

усердию и жажде мести. В сказке гадкий утёнок превращается в прекрасного лебедя. В жизни гадкий Заморыш превратился в гадкого Мамонтова.

Если в дружеской компании заходил разговор о странностях любви, Николай обычно отделялся стандартно — на каждый товар свой покупатель. Но что за правило без исключений? Представить, что на товар «Мамонтов» найдётся покупатель, было невозможно. Это первое впечатление Николая от встречи с академиком, причём, не к месту, ни к обстоятельствам оно никак не подходило: не на вечеринку пришёл телку снимать, а на собеседование. Таково было свойство анти обаяния Мамонтова. Николай понял это позднее, когда уже работал в лаборатории. Однажды он очень зло прошёлся по шефу, сказав, что если представить себе Мамонтова занимающимся сексом, то можно заработать стойкое отвращение к сексу вообще. Не без добрых людей, конечно же, донесли.

Всё бы это чепуха, но к ней следует прибавить много мелочей, которые Николай гнал от себя, не желал о них думать, не хотел их замечать. Увы, шеф неровно дышал в его сторону и не от отеческих чувств. Особенно это проявилось, когда Николай лежал в больнице. Именно тогда все мысли на заданную тему собрались вместе и ударили как обухом по голове! А дальнейшее лабораторное обследование превратилось в пытку. Мамонтов никого не подпускал к Николаю, всё делал сам. Иногда требовался искусственный сон, что бы посмотреть, как в это время работает мозг. Просыпаясь, Николай с ужасом думал, а не лапал ли его Мамонтов во время сна?

В душе Мамонтова, как змеи в клубке, переплелись любовь, зависть, ненависть. Николай олицетворял, всё чего не было в молодости у академика. Кроме того, недоступен как царство небесное, язвителен, талантлив. Нет, отпустить его Мамонтов не может, скорее убьёт, если не добьётся власти над ним каким-нибудь другим способом.

Или всё же это плод больного воображения Николая? Почему то, например, на счёт Левашова ничего такое и не причудится. Мысли о Левашове выудили из памяти забавный случай. Они опробовали жалкое подобие «шлёма». Устройство, собранное из подручных материалов работало соответственно. Ничего не получалось, как вдруг у Николая встал!

— Не дёргайся! — рявкнул Левашов: — Не барышня... Интересно... — последнее относилось к показаниям приборов, так что при чём «барышня» Николай не понял, а Левашов продолжал: — Если будет семьяизвержение, создадим прибор имени тебя для онанистов. Кучу денег заработаем!

После финального разговора с Мамонтовым, Николай решил — чему бы вать, того не миновать, а будет ли это хуже того что есть, время покажет.

Но жизнь распорядилась по-своему. Из штаба округа Командира попросили поделиться кадрами с соседней частью. Есть!

Первого кандидата долго искать не надо — Николай. Пусть потом попробуют упрекнуть, что отдал самых завалящих. Последней каплей стало явление титулованного академика аж с самых министерских высот в гости к скромному командиру взвода. Встретили как дорогого гостя. А в итоге академик даже не попрощался! В придачу к справному офицеру, Командир сплавил Коляна, которого считал непригодным для воинской службы, но характеристику ему дал отличную. Так что, друзья не разлей вода, в путь-дорогу!

В рассказе для Левашова, более лаконичном, Николай опустил некоторые подробности, лирику и совсем не касался производственно-сексуальной темы.

— М-да... Мамонтов... Есть в нем что-то... — Левашов затруднился и так и не смог подобрать нужного слова, но вышел из положения: — Как ему бабы дают?

Событийная картина прошлого Николая перестала зиять белым пятном, но практического толка от этого мало. Жить как-то получается, хотя и не до радости, а будущее — темно и в клиническом аспекте, и в совокупности проблем. Куда ни кинь, всюду клин. Вроде не дезертир, но раз под чужой фамилией, то дезертир, плюс враги страшнее пистолета, и всё это под носом СБФ на секретном объекте. Да, влип парень!

Рассматривая наброски схемы «шлёма», сделанные Николаем, Левашов то и дело издавал звуки напоминающие кряканье, которые, вероятно, означали: вот уж действительно, мир не злонамерен, он изощрён, и неизвестно, что хуже.

— Это называется — как поставить мозги набекрень! А вот эти штучки, — Левашов ткнул пальцем в одно из условных обозначений: — Каждая штучка — дороже, чем годовой бюджет нашей Лаборатории, и всё же не дороже денег. А вот идея и решение... Это искусство.

— У искусства и мозга один язык — образный. — об этом Николай мог говорить сколько угодно, было бы с кем: — Язык компьютера — циферки, поэтому он никогда не станет мыслящим, что к нему не приделывай, так и останется куском полезного железа.

— М-да... Всё это так. Ты знаешь чего я боюсь? — Левашов отложил листы: — Боюсь, что ты получишь Нобелевскую премию ... в должности

уборщика производственных помещений. А не повисить ли мне тебя до лаборанта? Надо подумать! Такой карьерный рост может вскружить тебе голову. Давай-ка опустимся на землю и пройдем по грешной босыми ножками. Дам я тебе почитать про американских крысок. Разберёшься. Чувствую, что-то там есть нам полезное, главное — можно обойтись собственными силами, без дополнительного финансирования.

Большие проблемы начинаются с мелочей. Некий Петя Котов, сотрудник среднего достоинства, но с высокой самооценкой, нечаянно услышал, к счастью, конец разговора Левашова с Николаем: весь разговор поверг бы его в смятение недоступной ему профессиональностью. Но к несчастью, в конце разговора Николай очень нелицеприятно упомянул работу Котова матерным словом.

Стычки между сотрудниками случались, но так чтобы прилюдно — это трудно припомнить. Петя Котов не мог получить нужный ему результат, потому что такой результат нельзя получить в принципе, но громко, чтобы все слышали, винил в этом оборудование. И Николай заступился за безответное железо, мол, не мучайте вы прибор, он ни в чём не виноват. В ответ Петя разразился праведным гневом, указав уборщику на его место несколько раз, словно заевшая грампластинка, всякий раз выбирая слова по гаже и с видом, который, вероятно, казался ему видом абсолютного интеллектуального превосходства. Будь это спектакль, а Петя — на сцене, то уверенно сорвал бы аплодисменты. То, что в театре сходит за искусство, перенесённое в жизнь — воспринимается как истерика.

— Петюся, у тебя что месячные? — съязвила острая на язык Контактёрша, прибывшая незадолго с очередным визитом: — Тампон дать?

— А ты его в морду, в морду за то, что он уборщик, а ты доктор наук! — посоветовал кто-то из мужчин: — Полежишь потом в больничке, а мы отдохнём о тебя. Апельсины будем носить.

Симпатии коллектива были и остались на стороне Николая. Когда Левашов узнал об инциденте, то сразу вызвал к себе Петю и пристыдил. Котов отмолчался, но сдаваться не собирался. Левашов не стал требовать от доктора наук извиниться перед уборщиком: понял, извиняться тот не станет, а давление руководителя приведёт только к усилению конфликта. Положение Николая обязывало Левашова смириться.

Не секрет, что непосредственное начальство было строго с Левашовым только на словах. Жаловаться по команде не имело смысла. По сути, донос, а по форме рапорт лёг на стол заместителя Директора СБФ Малахова очень кстати, стал последней каплей, которой так недоставало и вонючим штрихом

в общей картине преступной халатности, царящей в ведомстве. Хватит уже примеряться к креслу директора, пора взять бразды правления в свои руки. Да и в Канцелярии Президента так считают. Перечитав рапорт, Малахов подумал, что если хорошо раскрутить дело, то оно потянет на большой скандал: понятно, почему секретная информация утекает — в такие-то щели, как не утечь? В шпионство Левашова, он, разумеется, не верил, как и в то, что будет вменено Директору СБФ в вину. Была бы политическая воля, а факты найдутся. В политическую волю Канцелярии Президента Левашов верил и чувствовал её за своей спиной.

А Петя Котов всего лишь жаждал увольнения ненавистного уборщика и сожалел, что при этом пострадает Левашов: самое большое — получит выговор, увы, с должности его вряд ли снимут.

Демонстративный арест Николая на рабочем месте вызвал сначала шок, а затем поверг в ступор свидетелей задержания. На то и был расчёт: а если Левашов действительно шпион и с перепугу скроется? Как это было бы на руку! Но видать ступор помешал. А жаль. Через несколько часов Николай уже давал показания в следственном изоляторе, вероятно телепатически, не проронив ни слова с момента ареста: не отвечал даже на очевидные вопросы о паспортных данных. Партизан, да и только! Профессиональная выучка?

Посмотреть на новенького сбежались местные привидения.

— Хорошенький! — умилилась поэтесса-диссидентка Оскания при жизни не пропускавшая мимо своей постели ни одного мало-мальски стоящего мужчину.

— Бяддва! — презрительно одёрнул её прожжённый большевик Тимофей с отбитыми яйцами и атрофировавшимся членом. В проклятые времена его допрашивал садист с маленькой пискливой, поэтому работу с подследственными он начинал с уничтожения их мужского достоинства.

— Наш человек! — определил анархо-синдикалист Павел: — Не ваша коммунистическая шваль!

— Цыц! — рявкнул на них Следователь. Совсем распоясались! В строгие времена по камерам сидели, а как демократизацию почувствовали, так и повылезали — только что митинги ещё не устраивают! Брала бы пример с большевиков-ленинцев: они душу на партсобраниях отводят, организовано, с чувством исполненного демократического централизма. Резолюции,

правда, поганые: клеймят нынешнее руководство страны почём зря. Да что с них уже взять! Мертвечина! Тут о живом нужно подумать.

Следователь не считал себя совсем уж маленьким человеком, а интуиция ему подсказывала: находится между молотом и наковальней — это значит, находится в неправильное время в неправильном месте. Он сразу сообщил Вениаминову — личному чёрному мастеру Директора и поставил в известность, какое задание ему дал Малахов и каких показаний ждёт от задержанного. Арестованный оказался не из робкого десятка — молчит.

Какому следователю нравится игра подследственного в молчанку? Никому! Но в конкретном случае Следователь в душе был благодарен странноватому парню: он, Следователь, проявляет максимальное рвение и не сойдёт с рабочего места, пока не добьётся заданного начальством результата, да вот орешек крепкий! Видать хорошо их «там» готовят. Не всё ж только у нас одни герои! Так и сидели молча: со стороны действительно можно подумать, что общаются телепатически.

А в это время в кабинете Директора Вениаминов проводил своего рода рекогносцировку на материалах по Малахову. В какой-то момент Директор хохотнул, мол, глупость какая!

— Было бы правдой — не дай бог! — вполне серьёзно ответил Вениаминов.

Может быть, кто-то думает, что интриги и разборки внутри власти сродни сложным шахматным партиям. Ничуть не бывало! Сказать, что в ходу простота и прямолинейность — это тоже ошибка. Простых и прямолинейных людей во власти нет. Примитивность — это подходящее слово. Любая ложь и лесть — вот проверенное и вечное оружие придворных интриганов, приводимое в движение личной заинтересованностью. Объяснители власти, интеллектуальные комментаторы, расскажут любопытной публике о глубинных течениях общественно-политической жизни. Они не дурачки и не лишены совести, их никто не понуждает к глубокомысленности на мелководье — дворцовые интриги их хлеб, не будь их, они бы их выдумали, что тоже случается. Политика значительно примитивней жизни, иногда настолько примитивней, что публично сказать об этом правду язык не поворачивается.

Человек познаётся в слабостях: это его истинная цена, какими бы достоинствами он не обладал. Что считать «слабостью», а что «достоинством» — вопрос риторический. Всё в зависимости от обстоятельств, даже чёрное и белое.

Злополучный Малахов любил посидеть в хорошем ресторане в компании молодых и, разумеется, красивых женщин. До плотских утех дело обычно не доходило. Только изредка у Малахова набиралось мужской силы достаточно, чтобы побаловать себя настоящим сексом. Но даже если бы он вёл себя как секс машина — это не компромат. Ловить на девочках и мальчиках — дурной тон для такого уровня.

Выбор места обычно предоставлялся даме или дамам. А по дамам Вениаминов был большим специалистом. Поэтому сам того не ведая, Малахов оказывался в местах, где в то же время отдыхали личности разрабатываемые по линии контрразведки. Раз — случайность, два — совпадение. Три? Иногда Малахов удивлялся изощрённости своих спутниц: один раз пришлось отужинать чуть ли не в рабочей столовой. Бриллиантом коллекции был обед с резидентом ЦРУ, не в одной компании, разумеется, что, кстати, ещё больше наводило на разные мысли. Фотографический отчёт случайных пересечений во время обеда, заставлял крепко задуматься.

Ещё одной шалостью Малахова была порнография. Но где такому человеку её брать? Скачивать в интернете, покупать на рынках? Случалось, что и на рынке покупал, но всё это не то... Порнографию из-за границы между делом привозил Малахову доверенный человек и передавал на флешках или мини-сиди, разумеется, не в кабинете. Как выглядели на видео их встречи — пальчики оближешь! «Прикрутить» доверенного особого труда не составило: вот на таком уровне всё сгодится, а уж когда человек склонен к разнообразной сексуальной извращённости, то это просто рутинная работа. Вставить в фото и видео файлы скрытую информацию — сейчас доступно даже не очень продвинутому пользователю компьютером. Сколько же зашифрованных инструкций хранит электронный помощник онаниста? С этим ещё предстоит разобраться!

Далее следуют грешки помельче, а замыкает цепь преступных деяний Малахова — попытка разгромить секретную и очень успешную лабораторию. На этом терпенье лопнуло и, хотя не все связи предателя вскрыты, пришлось его брать!

— Надо поторопиться. — подвёл итог Вениаминов: — Если парня сломают, потом лишний грех на душу брать.

— Где, ты говоришь, эта лаборатория? — спросил Директор.

— Вы туда завтра едите на встречу с горе учёными — ответил Вениаминов.

— Замечательно! Я возьму с собой этого... — Директор даже не хотел называть имени Малахова, только пренебрежительно взмахнул рукой: — Он

говорливый. Не мне же от учёных отбиваться? Пусть последний раз покра-суется.

Уже месяц научная общественность как бы бурлила, хотя больше это было похоже на побулькивание на малом огне. Причина тому — арест средней руки учёного по обвинению в шпионаже. Журналисты взахлёб комментиро-вали дело, обвиняя спецслужбы в тупой ретивости, в охоте на ведьм, в фаль-сификации доказательств. Широкая общественность особо не возбужда-лась — учёные ей мало интересны. Простым людям учёные не интересны вообще, пусть их хоть всех пересажают.

И всё же дело считалось резонансным. В печати опубликовали открытое письмо коллектива учёных крупного научного центра на имя Президента, подписанное известными и уважаемыми людьми. Письмо как письмо — журналистские штампы, призывы к справедливости, забота о будущем страны. Почему бы не отреагировать? Не дожидаясь кивка от Президента, Директор дал добро на встречу с учёными. Почему бы и не поговорить? Заодно хорошая демонстрация открытости спецслужб для общественного мнения.

Во время встречи Директор говорил мало. В основном ораторствовал Мала-хов, прекрасное настроение которого выплёскивалось в пламенные ответы на глупые вопросы и необоснованные обвинения. А Директор, глядя на на-учную публику, мысленно сокрушался. И что они о себе возомнили? Какое будущее страны?! Вы, будущее? Вы все остались в прошлом веке. Единицы из вас чего-то стоят, но почему их нет сейчас среди вас? Потому что они давно состоялись как учёные, а вы так и останетесь в дерьме собственных интриг. Хотелось бы здесь увидеть крепкий средний научный слой, да все, у кого есть голова на плечах и маломальская талантливость, перебрались за границу. Ваши обвинения, претензии, амбиции смешны и нелепы. Дай вам волю, так вы разбазарите и то немного, что ещё осталось! Страх потеря-ли, господа хорошие, страх и уважение к власти. Вообще-то, Директор был склонен смягчить обвинения в адрес продавца государственных секретов, но после такой встречи это исключено. На полную катушку! Так чтоб другим неповадно было. А там, как суд даст!

После встречи Директор неожиданно для Малахова изменил дальнейшую программу, под предлогом, мол, возмись с этими люмпенами, а о своих лю-дях забываем. Кортёж машин направился в Лабораторию Левашова.

Приезд высокого начальства случился как бы неожиданно. Левашова пред-упредили — всем быть на месте, правда, ничего не объяснив. Охрану на-

чистили до блеска, облака над Лабораторией разогнали, а небо покрасили голубым.

Из вежливости и по протоколу Директор рассеяно осмотрел научное хозяйство, отметил про себя — скромно, скромнее, чем часом раньше видел у научных горлопанов, надо бы заняться этим вопросом. Директор поблагодарил немногочисленный коллектив за отличную работу и от собственного имени объявил всем благодарность. Благодарность Директора означала очень щедрую премию.

Малахов недоумевал. Он не сразу понял, что это именно Та Лаборатория. А когда понял, ему стало не по себе.

Для коллектива события последних дней были из серии очевидное-невероятное. Ждали полного разгрома, а дождались манны небесной. Когда Директор о чём-то разговаривал с Левашовым, на пороге появился Николай. Реакция, непроизвольно всколыхнувшая лица сотрудников, будь здесь художник, наверняка вдохновила бы его на монументальное полотно в стиле нью-реализма — явление Христа народу. Николай вошёл, как ни в чём не бывало, словно выходил на минуту в другую комнату, увидел собрание и встал в сторонке.

Театральный эффект получился случайно. Вениаминов приказал выпустить лаборанта. Он считал Николая лаборантом. Следователь мог бы просто выставить парня за ворота, но вступился. Парень и себя в обиду не дал, и никого не обидел. Иные раскисают в подобной ситуации так, что смотреть противно. Следователь посетовал, что задержанный лишь в халате на голое тело, без денег.

— Тогда везите, откуда взяли! — недовольно отреагировал Вениаминов: вот ещё только этим ему не хватало заниматься! Пусть радуется что выпустили. Другой бы голышом побежал, только бы побыстрее, да подальше.

Ни Директор, ни Малахов, ни Вениаминов не знали в лицо Николая, поэтому не заметили его появления. Для них он был даже не пешка, а пылинка на шахматной доске — какой-то лаборант. Так судьба свела людей, которым предстоит встретиться в новом, изменившемся до неузнаваемости мире и совсем в других обстоятельствах. Вениаминов ещё пожалеет, что не взял лишний грех на душу. Не хватало лишь одного действующего лица, но с ним и Николай пока не знаком.

Между тем Директор, кажется говоривший с Левашовым только из ритуальной вежливости, неожиданно предложил встретиться на выходные здесь недалеко в угодьях ведовства. Так начались их приятельские отношения,

которые сделали Левашова недосягаемым для злопыхателей, а заодно и для непосредственного начальства.

Свита вышла из лабораторного комплекса и направилась по машинам, Малахов тоже. Директор его остановил.

— Вам не туда. — Директор показал на машину, и это была не машина Малахова: — Права зачитать?

Малахов похолодел, внутри всё оборвалось, и он впал в ступор. Ну что ж, не вводи в ступор других, может быть, и сам тогда не введён будешь.

Приглашение Директора в ведомственные уголья лишь слегка коснулось сознания Левашова, он автоматически поблагодарил и согласился, тем более что хорошо знает эти места. Мысли были заняты явлением Николая народу. Левашов с трудом дождался, пока все разойдутся и сам зашёл в подсобку к Николаю. Обычные колкости на язык не шли.

Николай почувствовал — время сентиментальной сцены. Он уже получил от остальных такую порцию охов и ахов, какой и не припомнит, чтобы его награждали когда-нибудь. Оказалось, что его за что-то любят, хотя дружбы ни с кем он не водил. И действительно, Левашов молча обнял его.

— Доктор, доктор... — пробурчал Николай.

Покончив с обниманием, Левашов ждал объяснения: что это было? Николай этого сам не знал.

— Оттуда очень запросто уйти. Мне бы это ничего не стоило. — надо было что-то сказать, Николай сказал, о чём думал: — Не ожидал.

— В другой раз так и сделаешь! — вернулся в своё привычное состояние Левашов: — На это много ума не надо. А сейчас собирайся, всё моё семейство тебя дожидается. Поужинаем.

Хотелось просто отдохнуть от изолятора и от эмоциональности вокруг тоже. Да, сегодня не его день, в том смысле, что всё внимание направлено на него из лучших чувств, но никто не спрашивает нужно ли ему это? Это нужно им: так они показывают ему себя добрыми, сопереживающими и думают о себе — какие мы молодцы! Один — он чувствует себя сильным. Привязанности делают слабым и уязвимым.

Николай покорно последовал за Левашовым.

Когда Николай ужинал, на его месте в изоляторе сидел Малахов. Он извергал лавину слов: грозил, просил, предлагал, снова грозил, требовал. Пред-

упреждал, что Президент разберётся, а Канцелярия Президента уже его ищет. Когда Малахов пошёл на третий круг словоизвержения, следовательно не выдержал.

— Послушайте, я тоже устал и хочу домой — сказал равнодушно Следователь: — Сейчас у нас формальная встреча. Пока мне не сообщили, какие показания вы должны будете дать. А там дело техники... Вам ли объяснять? А мне всё равно, агент вы масада или космических пришельцев. Как наверху скажут, так и будет. Успокойтесь! Начнём сначала. Фамилия, имя, отчество...

В кабинете у Президента Руководитель Канцелярии и Директор СБФ.

Первым свою версию и точку зрения на арест Малахова изложил Руководитель Канцелярии. Он был предельно корректен, хотя сама по себе суть претензий к Директору выглядела жёстко и нелицеприятно. Недоставало фактического материала, его подменяла риторика иногда удачно и справедливо. Чувствовалось, что специалисты слова и меча потрудились на славу. Но... Если текст слегка переодеть, одну специфику деятельности заменить на другую, ничего не меняя в обличительной части, то ровно те же претензии можно предъявить, например, Президенту. Лингвистические приёмы... Зачем так усложнять? При множестве дел без вины не останешься. А главное — Малахов тут причём?

На днях пассия Президента, прихорашиваясь перед зеркалом, как бы, между прочим, сказала:

— Этот гад Малахов считает меня толстой! Ты представляешь? А про тебя сказал, что ты шибзик и рядом со мной выглядишь как ручная мартышка. Как же тебе с ними трудно! Приходится терпеть.

Сказал так Малахов, или не сказал, может быть подумал, а, может быть, не так сказал? Скорее всего, вообще ничего такого близко не говорил. Не пристало Президенту с этим разбираться. Мало ли что мамзелям причудится. У них одна правда — между ног. Всё остальное — уловки и ужимки. Но вот здесь-то Малахов хотя бы «причём»!

А дело шпионское? Срам! Президент вспомнил формулировку: «под видом продукции порнографического содержания...». Идиотизм! То же перебор. Кто только не пытался скovyрнуть Директора! Так дайте же что-нибудь вразумительное! А то он щелкает вас по носу как подростков... порнографического содержания. Юмор у него такой.

Когда наступила очередь Директора изложить свою версию, он говорил коротко и определённо. Материалы по Малахову предварительно были переданы Президенту и Руководителю Канцелярии. Оснований для возбуждения уголовного дела больше чем достаточно. Далее — следствие покажет, а суд решит. Что тут можно добавить? Только одно — нельзя допустить предвзятости в деле Малахова. Ни чего личного!

Президент думал недолго.

— Я считаю, что с Директором СБФ нужно согласиться, иначе какой он Директор? — принял решение Президент.

Упали на чашу весов слова президентской пассии, или нет? Кто ж знает! Сам Президент об этом не знает. Зато Директор знает где, когда, а главное, почему пассия Президента услышала о себе гадость. Ох, уж эти как бы случайности! Случайного на верху власти мало, но если даже и бывают случайности, то кто-нибудь обязательно ими воспользуется.

Хмурое лицо Руководителя Канцелярии говорило больше его слов. В этот раз он проиграл. «Дело» Малахова бес сомнения фальсификация, причём грубая, издевательская, ей и ходу то не дашь. Но Малахов, каков дурак! Правду сказать, искали не очень умного. Умного посади, так потом не сгонишь.

— Скандал, опять скандал! — Президент выглядел расстроенным.

— Прийти к компромиссу ещё не поздно. Если... — Директор показал в сторону Руководителя Канцелярии и замолчал.

— Согласен. — Президент хотел быстрее покончить с нелепой историей, в которую вылилась подковёрная схватка его ближайших помощников: — Надеюсь, про Малахова я больше не услышу. — А чтобы подсластить пилюлю Руководителю Канцелярии, сказал, обращаясь к Директору: — А вы всё же учтите справедливую и конструктивную критику в ваш адрес.

По слухам генерал Малахов отправлен на выполнение ответственного задания: он агент под прикрытием в своей родной деревне в образе дедушки Малаха.

Русло жизни то сужается, и жизнь становится как горная стремнина, то выходит на равнину и жизнь течёт плавно, неторопливо. Николай сидел на берегу сонной речушки местного значения и смотрел, как на другом берегу солнце опускается на верхушки деревьев, клонясь к закату. Он очень давно не обращал внимания на окружающую природу. Сквозь завесу урбанисти-

ческих коллажей мир выглядит рукотворным, и даже небо — нарисованным куполом.

— Коля! — это Галина Ивановна: — Ужин стынет!

Теперь Николай в основном жил на даче Левашова: сначала под предлогом, что нужно привести в порядок просторный, добротный дом, на который у хозяина не хватало времени, а две дочки для этого плохие помощницы, разве что наполнить комнаты безделушками, шторками, занавесками. А потом уже как-то само собой получилось, что Николай остался, словно так было всегда и не может быть иначе, тем более что дом нуждается в постоянном присмотре, как будто десять лет до этого он не стоял одиноко полу заброшенным. Уловка Левашова сработала: у Николая появился свой спокойный угол, а не вечно пьяное общежитие; приработок к позорной зарплате, хотя все полученные за работу деньги Николай тут же тратил на дом, но это его решение; Николай находился под присмотром, хотя кто у кого находился под присмотром, это вопрос: в быту за Левашовым нужен глаз да глаз, а Галина Ивановна не всегда могла справиться с мужем, который постоянно что-то терял, в руках у него всё ломалось, из магазина возвращался, купив не то, о чём она просила и так можно перечислять ещё; кроме того, Левашов справедливо рассудил, что природный ландшафт полезней для здоровья, чем городской воздух.

Младшая дочь, двадцатилетняя Ирина, училась в институте и была влюблена в соседского парня: ей едва хватало времени, чтобы совместить эти два занятия, потому что со своим парнем она то ссорилась, то мирилась. Левашова не пугал любовный роман дочери — это у них продолжение детской любви, станут взрослее и разойдутся по своим разным дорогам: от того и ссоры, что дороги впереди разные.

Тридцатилетняя Света, ровесница Николая, с академической учёбой покончила давно и проходила жизненные университеты: два раза неудачно была замужем; вела странный на взгляд обывателя образ жизни: нигде не работала, путешествовала в компании таких же безденежных, но воспитанных и культурных людей по разным интересным местам — это и загадочные многоугольники, якобы облюбованные космическими пришельцами, и святы места разных религий, и просто чем-либо интересные места. Левашов ничего не мог поделать с нежеланием дочери вести будничную, обывательскую жизнь с обязательной побудкой утром на опостылевшую работу, с заботой о доме, о муже, о детях, которых она так и не завела.

Две молодые девушки и Николай: поначалу это казалось рискованным, но оказалось, что для опасения нет причин. Ирине нравилось, что Николай

привлекателен, как мужчина, но в её представлении он уж очень взрослый, такой взрослый, что почти как её отец. Света предпочитала мужчин другого типа: обычно в её постели оказывались двадцатилетние юнцы со взором, распалённым культурологическими фантазиями, изредка — мужчины за сорок, чем-то напоминающие ей отца и обязательно увлечённые какой-нибудь своей миссией, для Светы не принципиально какой, будь то написание книги, которая откроет глаза человечеству на духовное устройство Вселенной, или строительство вечного двигателя. Ирина относилась к Николаю по-сестрински, а Света — по-дружески. Объектами сексуального интереса они друг для друга не стали. И всё же один курьёзный конфликт случился, но без девушек. Виктор, тот самый военный врач, который можно сказать сосватал Николая в новую жизнь, полковник медицинской службы, без пяти минут генерал, как то нагрязнул в гости к старому другу Лёвушке, так он звал Левашова. То, что он увидел, его порадовало разносторонне и, напившись в стельку, Виктор вломился в комнату Николая со страстными объяснениями в любви и серьёзными намерениями закончить дело сексом, а вылетел оттуда с фингалом под глазом: сразу полковник не оценил, как милосердно обошёлся с ним его протеже. Протрезвев, Виктор буквально вымаливал прощение и у Николая, и у Левашова. Женская половина не поняла, почему жертва считал себя преступником и требовал многократного расстрела на месте.

Дома Света бывала не часто, а когда бывала, поговорить ей было не с кем. Попытала радость общения с Николаем, но быстро поняла смехотворность своей затеи. Поболтать — это не к нему, он и слова такого не знает, а если и знает, то не понимает, что оно значит. И всё же иногда они сидели вместе на берегу речушки. Света говорила, Николай отвечал, если находил в её словах повод для ответа, поэтому в основном молчал.

— Я не понимаю тебя. — Света задумчиво смотрела в воду речушки: — В хорошем смысле не понимаю. Ты для меня из другого мира, из другого измерения. Но я принимаю людей такими, какие они есть. Ты нужен Вселенной, иначе тебя бы не было. Мы все нужны Вселенной, иначе нас бы не было. Даже наши ошибки нужны Вселенной.

Что сказать в ответ? Люди ждут от собеседника подтверждения своих мыслей. Обычно они благодарны за это. Хорошо бы изобрести говорящее зеркало и назвать его «Беседа». Николай кинул в реку камешек и по воде пошли круги.

— А ведь это ты! — удивилась своей догадке Света: — Ты в центре круга!

Лет в тринадцать, тогда ещё были живы родители, Николай подверг жёсткой дрессуре домашнего кота, за что получил моральную взбучку. Обиженный,

он лежал на диване и мечтал, что вырастет и станет таким умным, таким умным... Он будет мозгом Вселенной! Николай вспомнил и улыбнулся.

— Что-то прохладно уже. — Николай поёжился: — Пошли в дом. Вселенная велит!

Привести в порядок дом? Николай посчитал, что этого мало, да и скучно. И в его руках дом начал обрастать усовершенствованиями. Регулярные перебои с электричеством? И появился генератор: уникальный, в единственном экземпляре, такого больше нигде не встретишь. Удивляясь, Левашов обычно издавал звуки напоминающие покрякивание. Осмотрев генератор, он крякнул. В дальнейшем ему пришлось поднять планку удивления, иначе бы он разучился говорить, а только бы покрякивал. Кроме этого, энергия собиралась отовсюду — ветер, ручей и для солнца Николай что-то придумал без солнечных батарей, которые явно не по карману. Всё это аккумулировалось и служило дополнительно-аварийным источником питания. Дом стоит в стороне от посёлка, поэтому продуктами приходилось запасаться, чтобы не терять времени на утомительные походы в магазин по разную мелочь. И Николай сделал... назвать это погребом, значит сильно упростить, хотя именно погреб, превратив его в мини склад с заданной температурой и влажностью. Количество придумок и усовершенствований росло и перешло в качество: дом превратился в корабль для длительного автономного плавания.

— Если выкопаем бомбоубежище, то война нам будет нипочём! — шутил Левашов: — А со спутниками НАСА ты ещё не общаешься? — последнее время эксперименты Николая со связью выглядели очень подозрительно: — Боюсь, наш дом попадёт на карты всех разведок мира как шпионский центр! Если уже не попал.

В Лаборатории давно никто не держал Николая за дворника, не было секретом и особое отношение к нему Левашова. В коллективе всё на свои ментальные места обычно расставляла женская половина, а тут и гадать нечего: Левашов всегда хотел сына, а у него две девки, вот теперь на Кольке и вымещает все свои отцовские комплексы, как по Фрейду. Фрейд в данном случае фигура речи, не стоит понимать её буквально. На Фрейда столько всего списано, чего он не имел в виду, что его имя — это уже синоним загадок психики, а не имя конкретного человека.

На Лабораторию пролился золотой дождь: укрупнение, расширение, переоснащение... Только ли приятельские отношения Левашова с Директором стали тому причиной? Когда вы приходите на рынок, где товар, хотя и на разных лотках, на ваш взгляд, один и тот же, то невольно начинаете

выбирать продавца: кто-то не любит покупать у продавцов мужчин, кто-то — наоборот, кому-то не нравится старая тётка за прилавком... Директор справедливо полагал, что витрины достижений претендентов на щедрое вливание в ведомственную науку будут похожи, а чиновничья возня и война амбиций за финансовую кормушку отнимет и время, и силы. Поиск решения не должен быть дороже ошибки. А какая тут может быть ошибка? Всего то, доложить Президенту, что его поручение выполняется, работа кипит. Да и собралось всё один к одному: учёный шпион, научная общественность, Малахов. Почему бы заодно не решить ещё одну задачку, до которой всё как-то руки не доходили? Директор ценил своё время, а Левашов был ему симпатичен. Он запомнил его по совещанию межведомственной комиссии по очередному тра-та-та, в которое Директор не очень вникал. Когда Левашову предоставили слово, он сказал, что согласен с предыдущим оратором: земля действительно плоская, но у него есть сомнения в слонах, на которых она лежит. Ох уж, эти учёные!

Эпидемия показала цену человеческим планам, жизням, судьбам. Пока человек жив, он бессмертен. Отклонения от этого неосознаваемого чувства иногда приводят к глубоким мыслям, но чаще к фобиям и расстройствам психики, а уверенность в своём личном бессмертии прямой путь в психушку, если раньше не в могилу. Здесь нет противоречия: думать о бессмертии и воплощать его в жизнь — не одно и то же, так же как, думая о смерти, перестать жить.

Потеря близких сломала Левашова. Его острый ум беспомощно барахтался в космической пустоте, а душа блуждала в реальности, словно в мире теней. Левашов состарился, осунулся, замкнулся. Николай переехал в городскую квартиру и взял часть бытовых забот на себя.

— Коля, ты не обязан со мной нянчиться. — как-то сказал ему Левашов: — Я взрослый, я справлюсь.

— Я не нянчусь. Кругом так тошно, что не хочу быть один. — ответил Николай.

Когда Николай потерял родителей, он долго не мог в это поверить, хотя всё понимал. Как это может ужиться вместе? Как-то может. А когда поверил, испытал пронзительное чувство: весь мир вдруг стал для него чужим. И сейчас он снова терял что-то своё, хотя ещё совсем недавно считал, что ему комфортно только в одиночестве.

Спасение в работе? Если только это работа над собой и то ещё вопрос. Вся прочая работа отвлекает, пожирает время, которое и лечит, когда не калечит, и лишь потому, что ни во что не вмешивается, доверяя лечению механизмам торможения разогнанной до предела нервной системы.

Вернувшись от Президента, Левашов застал Николая, думающего обо всём сразу, судя по отстранённости взгляда, и вороху разно форматных бумаг перед ним на столе.

«Какая чудовищная и несправедливая ирония!» — вспомнил слова Президента Левашов, глядя на Николая, но только смысл в эти слова вкладывал иной, с точностью до наоборот.

Именно Николай с блеском решил задачу, как продлить во внешней среде жизнь вируса ВИЧ, который вне человеческого тела быстро погибает. Правду, что речь идёт о ВИЧ, Левашов не сказал: задал параметры как некую абстрактную задачку. Николая трудно обмануть и Левашов, напрягся, когда услышал от него, что проблема совсем как в случае с ВИЧ. Левашов готов был уже раскрыть карты, но опасность разоблачения миновала сама собой: Николай увлёкся и ему было всё равно ВИЧ это или ещё что-то — принципиальное решение может быть полезно во многих случаях. Да ему и в голову не могло прийти, что речь идёт не о животных, когда обсуждается максимальное извлечение вируса из мягких тканей в естественные жидкости организма. Это о скотобойне, а не о больнице.

В пору раздавать ордена и медали: на славу потрудились учёные, смежники конструкторы, гражданские инженеры и в кратчайший срок Установка воплотилась в самые современные материалы. В её основе лежали идеи Николая, не считая механики и прочих очевидно-стандартных решений. Левашов делал то, что должен был делать, а там — что будет. Он не хотел думать, чьими руками делает, потому что тогда после слова «должен» следовало бы поставить вопросительный знак.

Поддавшись на уговоры, Левашов однажды взял Николая с собой на шеф-монтаж. Лучше бы он этого не делал: увидев Николая там, Левашов больше не мог себя обманывать. Изобретая гильотину, будь готов к тому, что её нож опустится и на твою шею.

— Я связался с ядерщиками. — с места в карьер, разгребая бумаги на столе, начал Николай: — Вот. — он показал Левашову большой лист с загадочными графиками: — Я тоже ничего в этом не понимаю. — успокоил Николай: — Суть в том, что с полгода назад они обнаружили некую... назовём это — «пространственная аномалия». Она развивается. — Николай извлёк из вороха бумаг ещё один лист: — Это от математиков. Я кое-что переформулировал и попросил их оцифровать процесс. Это оказалось просто. Связался с астрофизиками...

— А с астрологами ты не связывался? — перебил Левашов долгое вступление Николая: — Я верю, что ты и с чертами свяжешься, если нужно.

— Астрологи? Представьте, связывался. Плутон на Нептун и Марсом погоняет. — Николай замолчал: — Как-то язык не поворачивается... Вы правы, связался с кем мог. По моим расчётам осталось два месяца и девять дней.

Что делать, когда тебе сообщают дату конца Света? Не верить!

— Я тебе верю... — Левашов испугался: — Но давай оставим всё как есть! А вдруг ты ошибся? — заныло сердце, усталость обрушилась на тело: — Был трудный день. Я устал... Пошли домой.

Уже глубокая ночь — поздно. А может всё уже поздно. Николай согласно кивнул головой.

Память о семье ещё очень свежа, поэтому Николай отказался занимать одну из комнат, хотя Левашов предлагал, и спал на диване в гостиной. Ночная тишина, полумрак из-за уличных фонарей, которые не давали темноте полностью вступить в свои суточные права, безделушки на комод, живущие своей тайной жизнью плод сенью домашнего уюта — всё осталось как прежде, но существовало уже по инерции. Левашову удалось лишь вздремнуть, не более. Ночи давались ему тяжело. Одевшись и осторожно, чтобы не разбудить Николая, Левашов вышел из квартиры.

«Да здравствует ночь беспробудная, и сны, словно я наяву...» — дальше Левашов не помнил. Это строчка из стихов его друга, который в молодости из любопытства испробовал, кажется, все плотские грехи, постоянно набивал шишки, наступая на одни и те же грабли: он искал смыслы в неосмысленной, по его мнению жизни; его мотало как корабль в шторм и прибило к религии. Когда слух об этом, эхом из бесшабашной юности, дошёл до Левашова, он не поверил. Ерунда! Про Сергея, чего только не говорили! Но оказалось, что это правда. Через годы судьба снова свела их вместе — священника и учёного.

— Да чтоб тебе пусто было! — бурчал полу-проснувшийся Сергей: — Ночь на дворе! — Левашов молчал и выглядел ужасно: — Что с тобой сделаешь, проходи!

Матушкой Сергей так и не обзавёлся, его холостяцким бытом заведовали сердобольные прихожанки, одна из них оставила в наследство батюшке квартиру по соседству с Левашовым.

Сергей достал из холодильника большой кувшин с квасом и початую бутылку водки: — Это не с утра пораньше. — предупредил он возможную реакцию Левашова: — Это чтобы потом ещё поспать. — Сергей выпил большой бокал кваса, разлил водку в маленькие стопочки, но к спиртному не притронулся: — Молчанье — золото, да не купить, не продать.

Они сидели на маленькой кухоньке — крупный, толстый бородатый мужик в трусах и майке, и худощавый старик с лицом праведного мученика.

— Ты хочешь знать, когда будет конец света? — прервал молчание Левашов неожиданным вопросом.

— Эка! Хватил! — Сергей смотрел неодобрительно: — Сколько концов Света на языке было и не сосчитать! Никому то не ведомо. — Сергей показал пальцем вверх: — Только ему! На всё его воля!

— Хорошо тебе, ткнул пальцем в небо — и ответ готов! — Левашов невольно переключился на обычную их манеру разговаривать-спорить.

— Не пальцем в небо! — Сергей сердился: — А жизнь прожив. За глупостями ночью припёрся?

— А если бы тебе предложили спасти свою жизнь ценой другой жизни? — Левашов не обращал внимания на раздражение друга.

— Ну, блядь! — Вырвалось у Сергея: — Прости господи! — он бегло, привычно осенил себя крестным знаменем: — Не знал бы тебя столько лет, спустил бы с лестницы! — Сергей опорочил стопку, выдохнул: — Он сомневается!

— А если бы тебе об этом не сказали? — не унимался Левашов: — Сохранили тебе жизнь, убив другого человека... А ты бы потом узнал?

— Вот репей! Привязался! — Сергей налил себе ещё водки: — Молил бы Господа наставить на путь истинный нечестивцев, на путь раскаяния, о спасении их душ молил бы... — Сергей грустно смотрел на Левашова: — У всех сейчас горе. Церкви аж ломаются... от язычников. У нас пока жареный петух в седалищно-думательное место не клюнет, о Боге редко вспоминают. Но Господь всех примет. Видать и твой черед настал.

Светский раут в честь пятьдесят пятого дня рождения одного из, теперь можно сказать, партнёров Никиты по бизнесу проходил по миллиардерски скромно: никаких вычурных излишеств и кичливости богатством. Собрался узкий, хотя и не маленький круг людей, которых трудно удивить роскошью

и размахом торжества: они уже не считали себя нуворишами — эта болезнь стремительного роста благосостояния для них осталась позади.

Никите объяснили, как он должен подъехать и что охране его должен представить сопровождающий, роль которого на этом закончится. Дресс-код? Желательно. Конечно, можно прийти в джинсах и свитере, но за экстравагантность это не сочтут, такой человек сам быстро поймёт, как он глупо выглядит.

Сначала Никита хотел одеться как на клубную вечеринку — передумал, остановился на нестрогом, но всё же костюме, минимум аксессуаров, дорогих, элегантных, а главное — сорочка: воздушная, нереально белого цвета, подогнанная не так, чтобы облегать, а так что бы подчёркивать, когда полы лёгкого пиджака как бы нечаянно распахиваются навстречу любви и приключениям. Искусственный беспорядок белокурых волос, зелёные, то ли колдовские, толи рыцарские глаза, ослепительная чистота почти невинности в сочетании с дерзостью молодости, окружённая тончайшим порочным ароматом мужской парфюмерии, — таким предстал на светском рауте Никита. Но, кажется, никто не обратил на него внимания.

Правильно сказать, не проявили любопытства — это было бы грубо, но внимание обратили многие, хотя виду не подали. История Никиты занимательна: пусть не из грязи, но всё равно в князи. И правда, что молод, и правда, что хорош собой.

К Никите подошёл один из распорядителей вечера, предложил свою помощь, не дожидаясь ответа, невесомо тронул за руку и указал направление. Они подошли к группе мужчин, среди которых находился виновник торжества.

— Не представляйтесь. Я знаю, кто вы. — сказал мужчина с аскетическим непроницаемым лицом: — Да и вы, думаю, знаете, кто я. К чему эти церемонии?

— И я рад встрече! — Никита не хотел иронизировать, да вырвалось. Перед ним сам Виктор Николаевич Бабашов — великий, могучий и ужасный! Но манеры у него скверные. Никита сказал по-французски: — Суп едят не таким горячим, как варят. — и перевёл: — Это про суп, его с плиты не едят, пусть остынет.

Так без предисловия Никита выразил своё отношение к заочным распрям, которые уже вовсю разгорелись между ними.

Бабашов привык считать себя безраздельным хозяином своей головной компании. Когда всплыло невероятное, на его взгляд, он был в бешенстве.

Куда смотрели? Как это могло случиться? Виновных назначил виновными и уволил, хотя сам подписал роковую сделку. Кто мог подумать? У сделки была хорошая пресса, Президент одобрил, но главное — инвестиции и какие! Что за чудо сделало этого мальчика бенефициаром нескольких фирм, а главное фонда в Люксембурге — совокупно ему теперь принадлежит чуть не половина акций головной компании! В одну минуту и одним завещанием это всё не провернёшь.

После развода с Димой мама редко встречалась с бывшим мужем: иногда по делам, чаще — из-за проблем с Никитой. Отчим имел влияние на её сына больше, чем она. Никита считал Диму своей семьёй и с возрастом эти отношения только укрепились. К тому же бороться с мамиными запоздалыми воспитательными фантазиями вдвоём было легче. Последние года два Дима изредка подсовывал на подпись Никите какие-то документы и говорил, что так нужно. Нужно так нужно! Все кто может и умеет, мухлюют с собственностью, счетами, налогами. Никита был уверен, что помогает Диме, а Дима знает, что делает, к тому же все документы касались заграничного «далека». Да вот как всё обернулось.

Никите донесли, что против него трудится уже целый взвод юристов: суды, разборки — кому этого хочется? Бабашов чувствовал опасность. Ему не давал покоя вопрос — кто стоит за этим юнцом? Не иначе, мистика! Головную компанию создали и ставили на ноги Бабашов и отец Никиты, справедливости ради — отец Никиты, а потом уже Бабашов. Но с той поры утекло много воды. И теперь Бабашову казалось, что время сделало петлю и затягивает её у него на шее. Мало того, что Никита похож на отца, так ещё и французские поговорки... А если и характером в отца? Когда Бабашову сообщили об откровенных выходках Никиты, не скрывающего свою гомосексуальность, олигарх чуть не задохнулся от негодования — только пидарасов ему и не хватало! Если бы Бабашов знал, что первым парнем Никиты был его сын Володя, тогда его точно хватил бы удар.

Неучтивость, бестактность, выказанная Бабашовым с места в карьер, должна была привести Никиту в замешательство. И не такие юнцы терялись, встретив, вместо полагающегося формального светского расшаркивания, высокомерно хамскую простоту.

— Ваш отец тоже любил блеснуть французским. — Бабашов смотрел в глаза Никите своим фирменным стальным взглядом: — Время покажет. — Никита ничуть не смутился, видимо особый эффект взгляд шефа производит только на его подчинённых: — Милости прошу... — Бабашов в миг превратился в радушного хозяина и обвёл руками окружающее: — Милости прошу! Отдыхайте, приятных знакомств.

Меньше всего Никита ожидал встретить знакомых, но жизнь полна сюрпризов. Внимательно оглядевшись по сторонам, он оторопел. В конце зала, в компании двух женщин, стоял Вовка! Тот самый его первый парень.

Встречи с любовниками из прошлого чаще всего вызывали у Никиты удивление не фактом нечаянной встречи, а фактом, что когда-то он вот с ЭТИМ трахался. К сожалению, был у него в жизни период неразборчивости в связях. Темнота, выпивка, компания... Не успеешь оглянуться, кто-то уже и вставил! Какая грязь этот подростковый переходный возраст! С тех пор его самооценка выросла до короны на голове. Тоже не хорошо: иной раз пуститься бы во все тяжкие, да корона мешает.

С Вовкой другой случай. Это детская любовь Никиты к старшекласснику. Ему не было ещё четырнадцати, как-то, раз болтаясь в фойе школы после уроков, он увидел Вовку, который вышел из спортзала в коротких спортивных трусах без майки и с кем-то разговаривал. Это был Давид, сошедший с пьедестала! Никита обмер чуть не до головокружения. Думал ли он в тот момент о сексе? Конечно, нет! Тогда он знал о сексе только из похабных анекдотов. Так началась охота на Вовку! Сейчас смешно вспоминать. Никите казалось, что он наблюдает незаметно: случайно оказывается рядом в столовой, случайно встречается с ним после уроков. Вовка чуть не отлупил назойливого странного мальчишку, который за ним следит, но увидел его взгляд и рука не поднялась. Какое-то время они, встречаясь, переглядывались. У Вовки были ключи от подсобки со спортивным инвентарём. Там впервые всё и случилось. Испытал ли Никита удовольствие? От члена во рту — нет, от Вовки — да. Позднее в компанию влились два Вовкиных друга, Никита не возражал — лишь бы Вовка был рядом. Грешили в разных экстремальных местах: в спортзале, в пустых классах, в раздевалке... Один стоял на стрёме. Однажды их чуть не застучали: маленькая, сухенькая училка никак не могла понять, почему они прячутся. Курят? Нет. Наркотики? Непохоже!

— Сейчас же объясните мне, что тут у вас происходит? — со всей строгостью школьной власти спросила учительница.

Старшие друзья с перепугу не знали, что сказать. Никита, наоборот, с перепугу становился смелым.

— Они меня воспитывали! — гордо отрапортовал Никита.

Его решительное объяснение разрядило ситуацию.

— Уходите отсюда. Быстро! — учительница по опыту знала, что когда младший говорит за старших, толку не добиться: — А не то я займусь вашим воспитанием.

Один раз были у одного из троицы дома. Разделись догола. Впервые Никита был голый перед парнями, у него стоял и он не чувствовал никакого стыда. На анальный секс ник-то так и не решился. Никита не стал бы возражать, но и он, и они, толком не знали что это такое. А вот все друг другу подрочили — это был робкий прогресс в сторону от гетеросексуальности, но не больше. Остальное доделывал Никита.

Ребята относились к нему хорошо, в обиду никому не давали, иногда брали с собой на разные мероприятия и что примечательно — у каждого из них была девушка. Одно другому не мешает. Только неискушённые люди могут думать, что такой внешний признак как подружка, достоверно указывает на правильную сексуальную ориентацию.

А Вовка даже делал за Никиту домашние задания по математике, приговаривая:

— Ну и тупица, же ты Малыш! Что тут понимать?

Прошло почти десять лет. Вовка снова перед ним. Возмужал, даже стал интересней как мужчина. Сейчас разница в возрасте у них считай никакая, совсем не то, что четырнадцать и шестнадцать.

Для кого-то — Вовка, для кого-то — Владимир, для кого-то — Владимир Викторович, он знал, что Никита будет на дне рождения его отца, хотя в этом отца не понимал: вроде бы и война на смерть, зачем тогда приглашать? А уж как Бабашов, закоренелый до мракобесия гомофоб, проходил по сексуальной ориентации Никиты — это надо было слышать! Владимир старался не думать о неизбежной встрече: раз она неизбежная, то будь что будет! Увидев Никиту, он сначала испытал чувство страха, как тогда, когда их чуть не застукали, потом стало страшно, что сейчас все услышат как бешено колотится его сердце, словно выстукивая: чему бывать, того не миновать!

Они пожали друг другу руку, крепко по-мужски. Владимир представил спутниц. Жена похожа на прожжённую стерву, или хочет такой казаться. Сестра жены — молоденькая, красивенькая, одним словом, никакая! Говорить особо не о чем, так как публичных воспоминаний мало. Никита очень удивился, узнав, что виновник торжества и Вовкин отец — одно и то же лицо! Казалось, что это не сопоставимые вещи. Вовка носил фамилию матери. До смешного чинно раскланялись.

Молоденькая-красивенькая сестра жены Вовки вызвалась стать гидом по мероприятию. Она и Никита везде ходили, все посмотрели, послушали струнный квартет, сыграли в фокусы с фокусником, выпили шампанского, полетали с журавлями в небе (популярная и престижная нынче забава) и болтали о глупостях. Владимир за ними наблюдал, и Никите показалось, что друг

детства злится. Показалось? Неправильно они встретились, в неправильном месте и неправильно себя ведут. Никита это чувствовал. Шампанское ударило в голову. Болтовня девчушки утомила.

— А вы... — Никита придал своему голосу томность: — Вы любите мужчин?

— Конечно! — девчушка решила, что наконец-то они приступают к истинной части их встречи: — Я очень люблю мужчин.

— Проблема в том... — Никита перешёл на будничный тон: — Проблема в том, что я тоже люблю мужчин. В вашей семье об этом знают, но не успели вас предупредить.

Бывалая женщина расхохоталась бы над своим промахом, а девчушка потерялась, сникла. Никите стало её жалко.

— Не расстраивайтесь! — Никита по-своему подбадривал: — Зато мы всегда сможем поговорить о том, какие сволочи эти мужчины!

— Спасибо... Не беспокойтесь. — девчушка думала о том, как опрометчиво распушила хвост, и как неловко теперь: — Спасибо. Мне пора!

Никита думал о Вовке и о том, что они сейчас ведут себя как два придурка. Захотелось выпить, но не здесь же! Никита собрался продолжить вечер в гей-клубе. Он нашёл глазами Вовку, чтобы показать ручкой «до свидания», и... Вовка делал ему какие-то знаки. Это направление. Никита уточнил пальцем. Вовка утвердительно кивнул. Опять укромное место? Да, кажется, мальчишки не желают взрослеть! Так они оказались в небольшом коридорчике. Володя прижал Никиту к стене и поцеловал. Никита от неожиданности ответил на поцелуй сначала механически, но быстро исправился.

— Малыш! — Володя так всегда называл Никиту: — Через час на углу школы.

Через час на углу школы стояли две дорогие машины.

— Я номер снял. — сказал Володя, высунувшись из окна.

— Пижон! — Никита усмехнулся: — Думаю, у меня номер по круче. Но нам туда не надо. — С первых минут Никита взял их новые отношения в свои руки: — Ехай за мной, тут недалеко.

Какая наглость! Ну, Малыш! Но спорить Володя не стал.

Приехали к бабушке-француженке. Никита быстро постелил на полу. В любви, как в бою, время дорого. Разговоры потом.

Володя хотел и туда, и сюда, и сам, и чтобы его, и всё вместе сразу! Ураган темперамента. Такого Никита не ожидал. Он подумал, что люди меняются,

это нормально. Но как выяснилось, ничуть не бывало! Володя не изменился, он таким и был.

— Мне всегда хотелось быть на твоём месте, или взаимно. — признался Володя.

— Зачем тогда друзей привёл? — удивился Никита.

— Не знаю! — Володя пожал плечами: — Возраст такой. А дома мать набожная, отец гомофоб. У меня мозги на раскоряку. После тебя было кое-что из серии — а что же это было? А после Эпидемии... У меня старший брат и мать умерли, у жены — родители, друзей много. Я каждый день ждал, что умру и думал, о чём жалею, что в жизни упустил? Многое и тебя тоже упустил. Вот так сейчас, как с тобой, я в первый раз. Чувство... Не знаю, не умею я об этом говорить. Необыкновенное чувство.

— Ой, ой! — Никита погрозил пальцем: — Это только секс.

— Секс. — согласился Володя: — Конечно секс, а что же ещё? Замуж я тебя брать не собираюсь.

А вот пидовка ответила бы: «Конечно, как всегда, попользовался и прощай Вася! Все вы мужчины сволочи!». Но в Володе не было ничего пидовского и в гей компании он ни разу не был.

Вечный страх быть разоблачённым, проколоться, выдать себя, демонстрация мачизма — это повседневность Володи. Иногда он отрывался от дома подальше — в Париже ходил по гей саунам. Анонимный секс затягивает, как водоворот и вроде бы всё получаешь, и в тоже время чего-то не хватает, хочется ещё, и ещё. Вкусить и насытится — не одно и то же. В анонимном сексе нет и секунды удовлетворения, которое насыщает чувства: голод любви он не утоляет. Домой возвращался с чувством вины. Иногда ему казалось, что жена о чём-то догадывается. Секс с ней был утомительным механическим занятием. Однажды она ему сказала — как землю пашешь...

— Ты стал... Принц на выданье! — Володя ласково ворошил волосы Никиты, который чувствовал, как от таких слов подрастает его корона, так, чего доброго и в двери не пройдёт, все косяки посшибает: — Жаль похвастаться некому, что у меня такой парень!

— Папе скажи. — Никита сначала ляпнул, а потом понял, что нехорошо сказал.

— Папе. — Володя стал серьёзным: — Если отец узнает, на такой короткий поводок посадит, что лучше повесится. Не шути с этим. И на будущее...

Он мой отец, этим всё сказано! Пусть кровопивец, душегуб, да что угодно, но мой отец.

— Прости. — извинился Никита: — Будем как разведчики.

Володя долго собирался, уходить ему не хотелось, он снова сел рядом с Никитой.

— Не хочется уходить. Там всё так обрыдло! — Володя обнял Никиту и поцеловал: — Малыш, Малыш...

Если бы кто-то другой называл Никиту «Малыш», то тем самым нарвался бы на грубость в ответ. Малыш! Какая пошлость! Но Вовке простительно.

— Тоже мне, Карлсон нашёлся! — беззлобно огрызнулся Никита: — Давай уже, улетай!

По ходу пьесы следовало бы сказать: убежим на край света, где нас никто не достанет. Будем жить не тужить... с нашими то деньгами! И прочие романтические тыры-пыры-растопыры. Да только никуда Володя не убежит. И Никита не готов к такому ответственному шагу.

Через не хочу, Володя ушёл, на прощанье они целовались и чуть снова не завалялись на пол. Секс классный, душевный, страстный... Но даже самая прекрасная девушка Франции может дать только то, что у неё есть. Классика! Никита ждал чего-то большего? Ждал, что придёт то детское чувство, которое важнее секса? Чего-то ждал, сам не знает чего. А детство всё же возвращается — снова скрываться, прятаться, встречаться тайком. От этого Никита давно отвык, так давно, что привыкать снова не хочется. И про ВИЧ ничего не сказал, но предохранялись. Узнает, всё равно перепугается. Погрузившись в грустные мысли, Никита уснул на бабушкином диване.

День уже вовсю ломился в окна. Скомканная постель на полу будила приятные воспоминания. Никита привёл себя в порядок, выпил чаю и, раз уж здесь, задумался.

Что делать с личными вещами человека после его смерти? Продать? Выбросить на помойку? Выбросить на помойку бабушкины вещи? Это ужасно! Раздать? Кому они нужны! Но делать что-то придётся. Мысли об этом сразу вернули в прошлое, и словно навалилась тяжесть. А как трахаться на бабушкином полу, так легко! И не давило ничего!

Никита вспомнил о кольце, которое видел на пальце у Андрея, и достал бабушкину сокровищницу. Нашёл его, внимательно рассмотрел: ничего

особенного, скорее мужское, чем женское. Никита осторожно примерил на тот же палец, что и у Андрея и окончательно надел. Почти сразу почувствовал лёгкое жжение, поболтал рукой, вроде проветривая. Жжение прошло, камень радостно блеснул, обретя нового хозяина. Рядом с сокровищницей, лежала толстая в кожаном переплёте тетрадь. Вероятно, бабушкины записки. Всё на французском. Тетрадь Никита забрал с собой.

Мировая сенсация! В горах Аризоны нашли упавшую, но целёхонькую, летающую тарелку! Фантастика! Вероятно, и зелёным человечкам не поздоровилось в нашем мире. Первый контакт с внеземным разумом и такой печальный! Репортаж с места событий показывали все телеканалы мира. Приближались к очевидно внеземному объекту очень осторожно — мало ли что! Интернет-сообщество визжало от восторга, провозглашая новую эру. Приблизились — ничего, дотронулись — ничего, подождали — ничего, попробовали плазменным резаком — ничего! Тарелка безответна и может быть мертва.

Один из сайтов в интернет сопроводил репортаж о летающей тарелке карикатурой. На лавочке сидит дядька в очках и читает газету. Крупный заголовок статьи: «Есть ли жизнь на других планетах?» Рядом сидит молодуха и в детской коляске качает младенца: с тремя ручками, с антеннами на голове вместо волос.

Сенсации рангом пониже следовали одна за другой. Учёные, экспериментирующие с мухой дрозофилой, обнаружили странные мутации её генома. Из морских глубин всплывали неведомые науке мёртвые рыбы-животные. Целыми стаями в самоубийственном порыве на берег выбрасывались киты и касатки. Земную магнитосферу била дрожь. Ожилились предсказатели конца света. Учёные предполагали ещё одну волну Эпидемии.

Забили тревогу пропагандисты энергоинформационных свойств воды. Её кристаллы перестали реагировать на информационное воздействие экспериментаторов, словно все заглушал какой-то мощный фон, заставляя молекулы воды складываться в зловещие хаотические картины.

Все религиозные конфессии переживали наплыв верующих. По востребованности со священниками могли конкурировать разве что психиатры. Церкви и психушки были переполнены. Маги и магини, колдуны и колдуньи, целители и прочие запредельщики всех мастей собирали невиданный доселе урожай со своей паствы. Крестных ходы, паломничества в святые места, святые мощи, животворящие иконы, святая вода, магические кристаллы,

амулеты и снова крестные ходы, паломничества — всё кружилось в фантасмагорическом хороводе.

Эксплуатация человеческих страхов, невежества и горя — это деньги из воздуха. Монетизация духов и душ умерших — всегда хороший бизнес. К магии это имеет такое же отношение, как сортир к храму. От великих и ужасных магов прошлого эстафету магии приняли прощелыги и проходимки. Особенно в занятии колдовством усердствовали женщины. Их количество на этой стезе вызывало ностальгию по временам Святой Инквизиции. Ох, не зря пылали её костры!

Соки новейших компьютерных технологий, архаическая кровь муду-вуду, алхимическая бодяга, настоянная на философском камне в тонких мирах, яд религиозного фанатизма и моча человеческой глупости перемешались в мистический коктейль. Святая простота, алча неизъяснимой духовности, как спасения от душевной боли, или прибывалась стадной религиозности, или оказывалась в сетях чертовщины, словно и нет других путей кроме одержимости, а чем — это уж как получится.

Интернет наполнился слухами о двухголовых и двуполых животных, о новорождённых с дьявольскими знаками на теле и, наоборот — со знаками, символизирующими Коран и Библию. Фотографии оживших мертвецов, видеоролики сатанинских обрядов вперемешку с духовными песнопениями и зловещей порнографией в исполнении разукрашенных серо-черными полосами актёров — всё это дополняло болезненную действительность. Интернет-чупакабры разоряли электронные магазины, нападали на не защищённые файерволом компьютеры и пожирали их хозяев прямо за монитором, обгладывая жертвы до косточек. Даты конца света указывались с точностью до девятого знака после запятой, гороскопы потеряли смысл, как будто они его имели раньше, астрологи в растерянности переиначивали звездно-планетарные прогнозы до Эпидемии сулившие процветание доброй половине нынешних покойников. Слухи, гипотезы и «факты» населяющие интернет и в обычное время серьёзное испытание для здравого смысла и критического мышления, поэтому, что говорить о смутном времени, в которое всё глубже погружалось человечество.

Вовсю ревелись в мутной воде зоологические гомофобы, называя Серую смерть эволюцией ВИЧ-инфекции, которую занесли на землю проклятые гомосексуалисты. Церковники, в перечне грехов, за которые так тяжко рассчитывается человечество, в числе первых указывали на мужеложство и однополые браки. На родине космического балета и житнице литературной классики мирового уровня подходили к этому вопросу комплексно:

гомосексуалисты и мировой сионизм — вот корни зла, которые страшнее Серой смерти!

В Несчастной стране есть пидарасы и жиды. Жиды могут быть пидарасами, но не все пидарасы жиды — больше ничего не связывает эти категории граждан. Но есть граждане, на которых пидарасы и жиды действуют сродни наркотику: помогают им поддерживать себя в человеконенавистническом тоне борцов за здоровье общества. Эти социальные доктора прямые родственники фашизма и коммунизма, хотя современные коммунисты, давно утратив идеологическую чистоту своих рядов, от них отрешиваются, а современный фашизм эволюционировал от расистки примитивных прародителей до утонченно технологических прагматиков, безразличных к сексуальной ориентации и национальному вопросу.

Общество Несчастной страны то и дело одолевает зуд, словно целая армия мандовошек поселилась под трусами. Невооружённым взглядом трудно разобраться кто там на самом деле. Социальные доктора обвиняют в этом пидарасов. Так как связь жидов с задницей не очевидна, на жидов обычно списывают общую чесотку. В действительности, соц. доктора и есть мерзкие вши, сосущие кровь общества и отравляющие его организм своими экскрементами. Общество дёргается, нервничает, испытывает неудобство от своего положения и не замечает, что паразитные насекомые целятся через задницу в мозг, чтобы жрать его до полного общественного безумия. Тогда уже никто не вспомнит, что все начиналось с пидарасов и жидов, а закончилось всеми остальными.

Бродя по виртуальным просторам всемирной сети, Никита натолкнулся на виртуальное кладбище и содрогнулся от мысли, что мамыны и бабушкины странички в соцсетях ещё живы, что адреса их электронной почты доступны для получения рекламы и новых сообщений. А что если сейчас он зайдёт в Skype, наберёт бабушкин номер и она ответит ему, как ни в чём, ни бывало, упрекнёт за то, что опять кто-то полуголый болтается за его спиной, что нужно сделать то-это, пятое и десятое...

Вчера — фантастика, сегодня — реальность. Это девиз новых будней. Споры о неопознанных летающих объектах, летающих тарелках, инопланетянах утратили свою актуальность. На глазах изумлённого человечества ничуть не таясь, правда, так и не показавшись, тайные гости явно на своих космических кораблях стаями покидали землю. Они не обращали внимания на поднимаемые по тревоге боевые самолёты, если те не нарушали дипломатическую дистанцию, специально не позировали, но и не прятались

от видеокамер. Внеземной космический флот группировался на орбите Луны, сначала, казалось, беспорядочно, но постепенно группировка приняла очертания сот, наподобие пчелиных. Десятки, вероятно, транспортных челноков сновали между базовыми кораблями, опускались на лунную поверхность и возвращались обратно. Закончив сборы — а как иначе это понимать? — инопланетяне, не попрощавшись с землянами, отбыли в неизвестном направлении. В центре сот появилась яркая светящаяся точка, стала разрастаться и росла, пока не достигла размеров космической группировки. Яркое пятно можно было видеть с земли невооружённым взглядом. Затем пятно стало уменьшаться, втягивая в себя корабли пришельцев. Став совсем маленьким, оно лопнуло как мыльный пузырь, по земной коре прошла дрожь лёгких землетрясений. Искусственные спутники земли на мгновение ослепли, некоторые из них потом так и не пришли в себя, обратившись орбитальный хлам. В Париже над Эйфелевой башней разразилось буйное северное сияние, успешно заснятое телевизионщиками в удачно рекламном ракурсе. Земляне чувствовали себя невестой, которая готовилась к брачной ночи, а оказалась одна-одинёшенька на тонущем корабле.

В Лаборатории тестировали защитный костюм: лёгкий, минимально стесняющий, удобный для работы в полевых условиях. Он не гарантировал защиты от всего на свете, но при надлежащей эксплуатации надёжно предохранял от множества инфекционных нападений, в том числе и от трупного яда. Николай, как за ним водится, раскритиковал и концепцию и её реализацию, но переизобретать было поздно: костюмы уже запустили в производство. Зачем тогда тестировали?

Во время очередного лёгкого препирательства с Левашовым по поводу непреодолимости начальственной глупости, Николаю стало плохо: он побледнел и чуть не упал от внезапного головокружения. Стало трудно дышать, тело не слушалось, в глазах рябило. Неужели страхи Левашова оправдываются? Но уже первые анализы это не подтвердили. К счастью, это оказалось не то, чего боялся Левашов, но к несчастью это то, чего теперь следует опасаться как огня.

Рукотворный вирус с романтическим именем Джульетта приводил человека в состояние близкое к коме: прогрессирующее угнетение функций центральной нервной системы с утратой сознания, нарушение реакции на внешние раздражители, нарастающие расстройства дыхания, кровообращения. Свеженьким вирус можно получить от прикуренной кем-то рядом с вами сигареты, от рукопожатия через специальный пластырь

на ладони, через любой специально обработанный предмет. Оравитель защищён антитодом. Во внешней среде Джульетта быстро погибает, а попав в организм жертвы, не может из него вырваться и никакой опасности для окружающих не представляет. Через три-четыре дня человек выздоравливает, а вирус умирает, как ему и предписано его создателями. Для проведения каких спецопераций используют Джульетту, остаётся только догадываться. В Лаборатории был антитод от такого класса вирусов наряду с другими средствами защиты, положенными для секретного объекта.

— А вы испугались! — попробовал пошутить очухавшийся от напасти Николай.

— Теперь я боюсь ещё больше! — серьёзно ответил Левашов: — Собирайся. Сюда ты вернёшься не скоро. — а про себя подумал — если вообще вернёшься.

— А... — Николай хотел возразить.

— Пожалуйста, сделай, как я прошу! — прервал его Левашов: — Дома я всё объясню. Всё, объясню...

Что Левашов объяснит? Своё поведение в последнее время? Будет искать себе оправдание, или ограничится констатацией фактов? Думал, само рассосётся, а оно вон как — забеременела, так забеременела! Остаётся лишь утешаться мыслью, что истина всегда противоречива.

Участвуя в трудно вообразимом проекте использования ВИЧ инфицированных как сырья для вакцины, Левашов не верил в его практическое осуществление. Теоритически — возможно. А практически? В стране около миллиона ВИЧ инфицированных. Всех их упечь в концентрационные лагеря и оттуда тащить на закляние во имя светлого будущего всего человечества? Стоп! Это самообман, самооправдание. Верил, не верил... Какая разница, во что мы верим! Ведь понимал, что вопрос стоит — любой ценой. И вот теперь цена вопроса сидит перед ним, смотрит непонимающе, пытается сопротивляться.

Левашов не ошибся — беспрецедентная акция началась. Несчастную страну всколыхнула новая беда: ещё свежи старые раны, а новые утраты уже ломаются в дверь. От всеобщей паники удерживали сообщения, что на этот раз заболевание диагностируется и его симптомы иные, чем у Серой смерти. Учёные в кратчайший срок сумели подобрать вакцину, которая предохраняла от заражения, но, к сожалению, не вылечивала уже больных. Большинство пациентов выздоравливали то ли сами, то ли с помощью врачей. Это

обнадёживало. Выздоровливали не все — это пугало. Список умерших один в один совпадал с базой данных ВИЧ инфицированных — это было известно лишь узкому кругу лиц.

Способов распространения Джульетты множество, то, что рядом посторонние люди — только на руку. Больных срочно увозили в спец. блоки больниц, оттуда лишь некоторых — куда-то ещё. Именно от этих некоторых родственникам и близким остались только медицинские справки о смерти.

Оперативники СБФ, участвовавшие в операции по всей стране, не знали, по каким спискам они работают и почему эти люди представляют опасность. Требовалось вступить в случайный в контакт с фигурантом, или просто оказаться рядом в людном месте. Кто ужаснулся, а кто не ужаснулся от последствий выполнения задания — неизвестно. Но выйти на белый свет, и объявить себя отравителем, выполнявшим преступный приказ, никто не решился. Преступный приказ! Легко говорить об этом тем, кто не знает, что такое служба. А если ещё учесть, что некоторые их коллеги оказались фигурантами, то лучше упрятать свои эмоции поглубже, или залить их водкой. В конце концов, не так уж всё плохо: случайные люди выздоравливали, а кому не посчастливилось — не судьба!

Весь мир с замираньем сердца следил за новой атакой на человечество, но обошлось. МЧС и специальные эпидемиологические подразделения продемонстрировали чудеса организованности: благодаря оперативно принятым мерам новую заразу удалось остановить и ликвидировать. Может быть, в душе мир готов был рукоплескать победителям, но практически только сдержанно было отмечено: могут ведь, когда захотят, или припрёт.

Дума лишилась своего совсем недавно выбранного вновь спикера. Да, это не только неблагодарная работа, но теперь ещё и несчастливая. Кто следующий? Минута скорби и за дело! В срочном порядке был принят закон о всеобщей вакцинации. Никого не смущало, что вакцину для широкого применения фармацевтические гиганты уже пару лет как пытались протащить по бюрократическим инстанциям. Вреда от этой вакцины не было, её противодействие широкому спектру вирусных атак подвергалось сомнению. Но в лихую годину всё впрок. Даже в смелых фантазиях воротилы фармацевтики не могли представить, что новый виток их обогащения будет оформлен законодательно, а они снизят славу спасителей отечества.

Внешний мир приходил к Николаю через телевизор, интернет и занавешенные окна в квартире. Затворник не боялся, что будет тут же схвачен, стоит

ему только высунуть нос на улицу. Скорее всего, о нем уже и забыли, но дал слово Левашову, а своё слово Николай привык держать.

Когда после всплеска нездоровья они пришли домой, Левашов суетился и никак не мог решиться на разговор. Подтолкнул его телефонный звонок.

Николай кого-то успокаивал, мол, не паникуйте, больница не кладбище.

— Это... — Николай замялся:— Моя девушка. Подружки звонили. Её увезли в больницу.

— Она... — Левашов неловко было вдаваться в подробности: — То же...

— Да. — ответил Николай, ничуть не смутившись: — Мы познакомились, когда я на учёт вставал. Я сначала не хотел на учёт вставать, а когда узнал, во что лекарства могут обойтись...

— Ты её любишь? — в других обстоятельствах Левашов никогда бы не спросил Николая так бесцеремонно.

— Нет. — не раздумывая сказал Николай, словно давно сам для себя уже ответил на этот вопрос: — Она добрая, славная. Мне с ней легко.

Левашов обхватил голову руками. Это поза человека, который казнит себя за то, что он натворил. Потом немного успокоившись, рассказал Николаю всё как есть, презрев государственную тайну, не выгораживая себя.

Внешней реакции не было. Николай казался каменным изваянием, он даже не шевелился и дышал ли? Левашов уже хорошо знал, что именно в такие моменты в душе Николая буря.

— Никто никогда ни в чём не виноват. — прервал молчание Николай: — Даже наши ошибки нужны Вселенной.

Смысл понятен, но к чему эти странные, не из мира Николая слова, Левашов не понял.

Остаться одному — всё, чего хотелось Николаю. Это желание пронизывало до физической боли. В кладовку, что ли спрятаться? Николай ушёл в комнату Светы и сел на её кровать. Потом он раскладывал внешний мир на пазлы, собирал с намеренными ошибками — получались странные картины; вертел мир в калейдоскопе и цветные стёклышки бытия собирались в необыкновенные узоры. Он не заметил, как в комнату зашёл Левашов.

— Коля, я тебя прошу, не выходи из дома. — Левашов не был уверен, что Николай сейчас его слышит: — Ты слышишь меня?

— Да. — равнодушно ответил Николай.

— Ты мне обещаешь?

Николай молчал.

— Что тебе стоит? — Левашов просил и готов был умолять, если понадобится: — Пожалуйста...

— Обещаю. — ответил Николай, лишь бы от него отвязались: — Обещаю, только уйдите. Мне больно.

На другой день, вернувшись ближе к вечеру из Лаборатории, Левашов застал Николая по-человечески спокойным у плиты за приготовлением ужина. Но кого обманывать! Взгляд Николая стал жёстким и неумолимым, не хватало только пистолета в руке, вместо сковородки, для логического завершения образа. Левашов подумал: он что-то решил для себя, но ведь и клещами не вытянешь что. Вытягивать клещами не пришлось.

— Я взорву эту установку. — без предисловия и вместо «добрый вечер» сказал Николай.

— Плодотворная идея. — похвалил Левашов: — Тебя убьют.

— Это мы ещё посмотрим.

— Трудно пропустить такое зрелище. — Левашов не собирался обсуждать предложенную тему серьёзно: — Пойду с тобой, вот и посмотрю.

— Вы? — Николай взглянул оценивающе: — Краше в гроб кладут. Кстати, не пора ли нам побрататься. Я в том смысле, что теперь моя кровь... как вампирская, что ли. Обращу вас...

— Это подождёт. — отнекнулся Левашов и удивился, что такая очевидная мысль раньше никогда не приходила ему в голову. Ещё бы! Человечество спасая, некогда смотреть по сторонам.

И про установку, и про кровь Николай говорил серьёзно. С кровью дело житейское, а вот установка... Тут Левашов прав. Нужно хорошо подготовиться, а как это сделать, когда сидишь в норе? А может быть до запуска установки дело не дойдёт? Дойдёт! Только вот когда они её запустят: когда начнётся конец Света, или заблаговременно?

Вместо запланированных семисот тысяч человек собрали около полумиллиона. Операция прошла в целом успешно. Результаты по регионам наглядно показывали саботажников. Но сейчас не время для разборок с нерадивыми подчинёнными. Устраивать ещё одну волну мировой паники тоже нельзя. Особой непокорностью отличились маленькие, но гордые южные

республики. Что ж, кто не поработал, тот и не заработал на билет в будущее, а заодно и национальный вопрос разрешится. Директор отложил отчёт в сторону. Что дальше?

Работать непосредственно с кровью оказалось хлопотно, не эффективно и очень подозрительно со стороны. Всё же именно так были привиты Президентская гвардия и обслуживающий резиденцию персонал, включая их семьи. Близость к монаршему телу и ответственность, и привилегии.

Реакция Думы планировалась, но кто знал, что она будет такой истеричной? К лучшему! С вакциной надо успеть, чтобы совместить всеобщую вакцинацию с выборочной. «Пустую» вакцину теперь заменит чудо фармацевтики, поэтому можно сосредоточиться на главном.

Заразить десятки миллионов человек ВИЧ при этом, уничтожив полмиллиона человек — ещё полгода назад такое казалось невысказанным. Поначалу план не был людоедским. Предполагалось взять ВИЧ инфицированных под охрану. Что сделает толпа, когда узнает, что эти люди — единственное спасение? Разорвёт их в клочья! И кому от этого какой толк? Без сомнения, ВИЧ инфицированные сами предложат свою кровь в разумных пределах. Как её распределять? Кто должен это решать? Как сохранить порядок на таких пунктах переливания крови? Не реально! Шаг за шагом неумолимая логика целесообразности сохранения государства привела в ад.

Дружеские отношения с Левашовым помогли Директору занять жёсткую позицию. Речь о ВИЧ инфицированных ещё не шла. Говорили о возвращении Серой смерти. Левашов не пытался убедить, он высказывал свою точку зрения и убедил. Когда начались ВИЧ чудеса, то уже Директору пришлось объяснять и убеждать учёного, что только государство может вынести бремя ответственности за судьбы миллионов людей, но для этого оно должно сохранить себя любой ценой. Спорить с Левашовым трудно: острый, язвительный ум, разносторонняя эрудиция. Но именно в спорах с ним Директор укреплялся в своей уверенности. Сошлись на известном принципе: надейся на лучшее, готовься к худшему. Вопрос в том, что считать лучшим, а что — худшим? Левашов считал худшим сценарий с мясорубками, Директор считал худшим практически полное вымирание людей: кучка оставшихся ВИЧ дегенератов самостоятельно долго не протянет.

Вопросы и возражения Левашова отделяли главное от несущественного, обнажали суть задач, тем самым помогая их решать в духе государственности. Этический протест учёного интеллигента помогал раскручивать маховик безжалостной машины, которую он хотел остановить. Как сильно ошибаются те, кто думает, что находясь в рамках системы, играя по её правилам, они могут что-то изменить! Такая борьба приводит к тому, что такой человек

становится тем, против чего борется. Про Директора говорили, что стать его врагом, это значит оказать ему услугу. Так и есть на самом деле. Инакомыслие приносит плоды, холуйство — засуху. А контролируемая демократия позволяет разумно сочетать эти противоположности.

— Вы представляете людей, которые будут работать на ваших мясорубках? — недоумевал Левашов: — Нормальный человек, и даже ненормальный не выдержит. Это должны быть зомби!

К сожалению, история знает ответ: кто обслуживал крематории в нацистских концлагерях? Вот и ЭТИ себя обслуживают, разумеется, под присмотром. Только подлинная заинтересованность в себе ведёт к самоотверженности. А что может быть более подлинным, чем желание выжить? Идея с зомбированием тоже неплоха. Что думает об этом наука?

Невольно вырыв себе ещё одну яму, чтобы выкарабкаться из неё, Левашов посоветовал обратиться к академику Мамонтову, большому специалисту по-современному зомбиранию.

Однажды Левашов решил, что вдрызг разругался с Директором, высказав ему всё что думает. А думал он о том, что жил в не очень демократической стране, но ошибся, на самом деле он живёт в фашистском государстве! Директор не согласился. Он бы назвал это государством с подспудно мобилизационной идеологией, которая сформирована тысячелетней историей. Ведь как в песне поётся: «А нам нужна одна победа, одна на всех мы за ценой не постоим».

— Как вы можете сравнивать! — возмущался Левашов: — Как вам не стыдно.

— Не стыдно, представьте себе! — Директор говорил без лукавства: — Когда речь идёт о выживании нашей страны, жизнь конкретного человека ничего не стоит, жизни миллионов ничего не стоят.

На ум приходит образ тонущего корабля. В отличие от других кораблекрушений, на этом корабле пассажиры ценой собственной жизни, с чувством исполненного долга спасают капитана и его команду. Потом капитан скажет высокую речь, на могилах героев поставят памятники, на их примере будут воспитывать детей, и может быть, они то же в сходной ситуации явят миру величие своего духа и несгибаемую волю своих вождей стоять до последнего из нас с вами.

Мамонтов был очень удивлён рекомендацией Левашова. Их встреча закончилась отнюдь не на дружеской ноте. И вдруг нате-здрасте! Сам почти всемогущий Директор протягивает ему руку! Выслушав пожелания, по форме,

а по сути — постановку задачи, Мамонтов подтвердил, что действительно в этом направлении у него есть успехи и он готов всеми силами включиться в работу. Вот только одно препятствие — добиться желаемого состояния возможно, но вернуть потом в прежнее состояние — вряд ли. Мамонтова обрадовал ответ, что этого и не требуется.

Сомнения в душе Директора были, как он их от себя не гнал. Поэтому и на Левашова не обижался. А вот с Мамонтовым дружить бы не стал. Просиял академик светом горним, когда услышал, что с подопытными свинками можно не церемониться! Вот так, господин Левашов: в любой стране, в любом обществе найдутся люди готовые обслуживать печи крематориев. Такие как Мамонтов будили сомнения другого рода — ради кого всё это?

Уверенность твёрдо, окончательно и бесповоротно утвердилась в душе Директора, когда зелёные человечки бросили землян на произвол судьбы. И все сомнения отпали. Истины нет, а если даже и есть, то она не нужна. Не стоит самому искать свою вину, её найдут другие. На самом деле никто не знает и не может знать, какой путь истинный, а какой путь ложный.

Людей расселили по посёлкам, ранее брошенным, а по такому случаю отремонтированным с учётом специфики операции. В каждом посёлке не более десяти тысяч человек. Охранники думают, что имеют дело с носителями страшного вируса; вынужденные постояльцы надеются, что строгости карантина — это временно. Их надежду укрепляют всюду развешенные листовки, отвечающие на проклятые вопросы: Что происходит? Кто виноват? Что делать?

Происходит карантин. Ежедневные инъекции не убивают вирус, а лишь замедляют его активность. Учёные трудятся над спасением людей. Испытание новой вакцины начнётся в ближайшие дни, но на всех сразу её не хватит, поэтому людей будут вывозить из посёлка партиями по 50–100 человек. Строгая изоляция от внешнего мира необходима не только по эпидемиологическим показаниям, но и для того чтобы предотвратить волнения среди местного населения. Кому понравится такое соседство? Родственники и близкие предупреждены. Волноваться не стоит.

В том, что случилось, ничьей вины нет. Необходимо неукоснительно выполнять все указания обслуживающего персонала, который позаботится о том, чтобы люди ни в чём не нуждались.

Разбросанные по всей стране спец. посёлки являлись маленькими крепостями, подступиться к которым нельзя ни на земле, ни с воздуха: тройное

кольцо охраны, маскировочные сети. Охрана и обслуживающий персонал — на казарменном положении в палаточных лагерях.

Активность военных на местах, странные поселения, завеса секретности — всё это вызывало любопытство местного населения и особенно журналистов. С местным населением можно было не считаться, а вот журналисты — это ни к чему! Иногда приходилось прибегать к профилактическим беседам, не до смерти конечно, хотя отпрофилактированные ещё не скоро смогут без посторонней помощи выбраться на природу. Местные власти ходили по струнке, беспрекословно выполняя все пожелания уполномоченных СБФ. Губернаторы не вмешивались: кто из опасения за своё положение, кто из чувства причастности к бремени государственной власти. И те и другие делали вид, что в курсе происходящего.

Канцелярия Президента выразила неудовольствие поведением СБФ: особенно настораживала противоестественная смычка спецслужб с военными — это пахло заговором. Потребовался окрик Президента, чтобы канцелярские уgomонились. Правительство с ужасом смотрело, как огромные деньги утекают по тайным статьям расходной части государственного бюджета. Очевидная финансовая незаконность происходящего подталкивала Премьер-министра к размышлению об отставке по собственному желанию.

Пленники чувствовали себя ужасно: тяжесть в руках и ногах, головокружения, апатия. Вероятно, без заботы медиков они бы уже умерли, но мысли даже об этом не волновали. Люди с безразличием наблюдали, как посёлки стремительно пустеют. Среди алкоголиков и наркоманов случались вспышки бессмысленного поведения: они ели траву, или собственные испражнения, ночью выли на луну, а днём ползали на четвереньках. Это было побочным эффектом регулярных успокаивающих уколов. Граждане в обычной жизни не склонные к вредным злоупотреблениям вели себя смиренно.

Для бесперебойной работы Установки в её накопителе всегда должно было находиться не менее тысячи человек. По лифтам, увозящим людей на переработку в кровавый бульон, узников распределяли солдаты с бездушным иногда детским выражением лица. Все они прошли через руки Мамонтова и «шлём» Николая, ничего не знали о своём прошлом и не догадывались о существовании будущего. Для них мир — это текущий момент, в котором есть свои — люди в форме отдающие приказы, и прочие — что-то вроде домашних животных. В перерывах на отдых, умываясь по пояс голые, они с интересом разглядывали себя и друг друга, удивляясь, что так похожи на био-

логический материал, с которым им приходилось работать. В свободное от службы время они, устроившись поудобней на своих местах в казарме, закрывали глаза, и окружающий мир переставал существовать и они в нем тоже. Только краешек их девственного сознания был на страже: он снова запускал мир, когда этого требовала служба.

Лифты доставляли узников наверх и открывались снизу. Люди падали в жёлобы, ударяясь о стенки, теряли сознание. Кто-то из них на мгновение приходил в себя от боли в давке тел сокрушаемых ножами из сверхпрочного сплава, способными перемалывать даже сталь. Крики ужаса, вопли вплетались в мерный рокот Установки. Жидкий кровавый фарш стекал по герметичным трубам в центрифуги, которые вытягивали из него всю жидкость до последней капли. Затем эта жидкость проходила через систему фильтров, смешивалась с консервирующими добавками и поступала на линию разлива. Готовые ампулы маркировались и укладывались по десять штук в специальные термокоробки.

Никита никак не мог решиться переехать жить домой. Там всё напоминало о прежнем времени. И, опять же, проблема с маминими вещами, с вещами Тузика, хотя с ним просто — на помойку! Но этим надо было заниматься либо самому, либо кого-то нанять. А если сделать ремонт? Хорошая мысль. Продать квартиру сейчас нереально. После Эпидемии рынок недвижимости рухнул, как пьяный с табуретки и расшибся о пол действительности. Когда-то очень сильно испортивший людей квартирный вопрос в кои веки стал неактуальным.

Что нужно изменить, а что оставить? Никита сидел в гостиной и в очередной раз не знал, чего же он хочет? Отдать решение на откуп дизайнерам? Пусть они думают. Никита прошёл в свою комнату — ужасно детская, прошёл в спальню — пошло, прошёлся по другим комнатам — скучно, зашёл на кухню — не современно, вернулся в гостиную — мещанство! И в то же время рука не подымалась зачеркнуть всё это.

Вдруг раздался звонок в дверь: уверенный, настойчивый. Кто бы это? Никита никого не ждал. Встав с дивана, он пошёл открывать, но через несколько шагов ощутил сначала покалывание в пальце с кольцом, а потом усиливающееся жжение. Что за черт! Никита остановился, рассматривая кольцо, и жжение прекратилось. Ещё несколько шагов и жжение возникло снова. Кольцо не пускало его к двери! Никите стало не по себе от такого поведения бижутерии. За недоумением он не сразу услышал чувство опасности. Звонки продолжались. Не обращая внимания на жжение, Никита тихо подошёл

к двери и прислушался. В глазок он смотреть не стал — с наружи не трудно понять, что изнутри кто-то смотрит в глазок, во всяком случае, Никита так думал, опираясь на опыт, почерпнутый из детективных фильмов.

— Да умерли тут все! — это говорила глуховатая соседка: она сама себя плохо слышала и думала, что её плохо слышат, поэтому всегда говорила как в рупор: — Умерли!

Вопроса гостей Никита не расслышал, но всё объяснил ответ соседки.

— Никита! Вам Никита нужен? — соседка дождалась ответа: — Да он тут много лет не живёт. Не живёт он тут! А? Свет в окнах? Не знаю, может и приходил, если не помер. Я редко выхожу, вот в магазин сходила.

Никита тихо отошёл от двери. И что это всё значит? После ухода гостей кольцо по-прежнему не пускало Никиту к дверям. Через час звонок повторился. На этот раз гость громко заговорил.

— Откройте, участковый!

Звонок и стук в дверь. Тишина. Неразборчивый разговор двух человек. Ушли.

Через полчаса кольцо отпустило, и Никита ушёл, не погасив свет. С ремонтом нужно погодить и вообще погодить! Странно, странно. Может быть много причин, почему приходил участковый, но ведь ни с того ни с сего кольцо не засвербело бы. А если это и есть та самая интуиция, о которой говорил ему Андрей?

Так Никита избежал участи уготованной для него государством и не превратился в слезинку спасительной вакцины.

Сначала в интернет появилась робкая, невнятная информация о том, что носители ВИЧ после Эпидемии стали выздоравливать: вроде как, по слухам из непонятных источников. На короткое время слухи утихли, чтобы вернуться взрывающей каналы информационных агентств новостью — одна чума победила другую!

Первое, о чём подумал Никита — он мог бы спасти своих близких, и даже Тузика! Чего не сделаешь ради маминого счастья. Спасти — это первая мысль, вероятно, всех ВИЧ инфицированных, когда они узнали о своей исключительности. Вторая мысль — страх. Третья мысль — кто знает, что я ВИЧ?

Всё же страх посетил не всех, если судить по западным телеканалам. ВИЧ личности запросто мелькали на экране, у них брали интервью, задавали им коварные вопросы. Фрагмент одного ток-шоу на кабельном телевидении попал в сеть.

Гость: — Я бы рад, но у меня не столько мужской силы, на всех меня не хватит, но для вас лично я готов сделать исключение сразу после передачи.

Смех в зале.

Ведущий: — Какой тонкий намёк и комплимент! Благодарю. Я задумался.

Смех в зале.

Ведущий: — Но... как бы это помягче... У вас сил не хватит, но... (обращаясь к залу) Поднимите руки у кого хватит сил на этого приятного джентльмена?

Смех в зале и лес рук.

Ведущий: — О-о-о! Вас ждёт море секса! Боюсь, вам будет не до меня.

Видеоролики в интернет не только забавляли, но и убивали. Человеческая комедия, она же и человеческая трагедия. Ролик, потрясший сетевую и мировую общественность, начинался с минуты молчания грустного человека лет сорока с небольшой аккуратной бородкой. Потом он заговорил.

— Это была минута скорби по моей семье. Я не спрашиваю тебя, Господи, за что? Наверное, я недостаточно в тебя верил, хотя старался выполнять все твои заповеди, был примерным прихожанином и молился искренне, ни разу не попросив ничего для себя, только для своей семьи, для своих детей, для жены, которую любил, хотя иногда изменял ей и был не всегда к ней справедлив... Я спрашиваю тебя, Господи, почему? Почему ты... Почему педерасты, лесбиянки, наркоманы, развратники должны и дальше жить, а моя семья — нет. Чем они лучше моих невинных детей? Ты забрал у меня всё, Господи... Я проклиная тебя, Господи! Будь ты проклят!

Мужчина поднял руку с пистолетом и выстрелил себе в рот.

В Несчастной стране не все удивились ВИЧ избранности. Социальные спец. доктора ведь предупреждали! Поздно пить боржом, когда почки отвалились. Пидарасы и жиды выиграли своё место под солнцем за счёт всего остального человечества, которое им только досаждало.

Пока запад смеялся и плакал и не знал, на что решится, в кабинете Директора заседал штаб по проведению особой, в отличие от всеобщей, вакцинации.

— В общем... — Директор подводил промежуточный итог: — Военные и флот — можно сказать отстрелялись. Полиция... Вот в чём бы другом они были первыми! По производственным рабочим, в том числе и оборонного комплекса — плоховато, надо бы поднапрячься. Попы... Это президентская епархия. Учителя и вузы — средненько. С фермерскими хозяйствами — никуда не годится! Исправить положение, иначе начну делать оргвыводы. Вопросы?

Штаб состоял из рабочих лошадок, не посвящённых в суть происходящего. Под шумок общей вакцинация происходила выборочная вакцинация по особым спискам. Ампулы внешне мало различались: отличие в маркировке и упаковке. Мотивация почти никакая — препарат производился по отдельному заказу на государственные нужды. Поди, пойми, что это значит!

Неразбериха в гражданском секторе удручала. С крупными компаниями особых проблем не возникло, но существует ещё огромное количество вспомогательных производств. Оценить их важность и всё учесть в такой гонке невозможно. Результат явно не будет соответствовать ожиданию. В копилке бардака путаница со списками, путаница с вакциной, несоблюдение правил хранения и сроков использования. Увы, всё, что может быть сделано неправильно, будет сделано неправильно. Исправлять это — значит ещё больше запутать и самому запутаться.

Губернаторы получили право самостоятельно распоряжаться выделенными им квотами, а так как не знали разницы между препаратами, всё свелось к престижности «госукола». Маленькие, но гордые республики на южных рубежах находились в состоянии полного удовлетворения — им сбагрили все остатки госзаказа «пустышек», хоть залейся. Там их теперь на рынках продают. Губернатор по соседству возмутился — почему такая несправедливость? Что поделаешь, справедливости на всех не хватает!

Кроме всего, у Директора был свой, личный список. Левашова он в него не включил и вообще не включил его ни в какой список, всю Лабораторию не включил. На новом ковчеге такие как Левашов не найдут себе места, и сами будут мучиться, и других изводить. Увы...

Неожиданно дал о себе знать криминал. Один из транспортов с препаратом ограбили. Это случилось под конец развозки, поэтому бандитам досталась незначительная партия вакцины, но всё же достаточная для микро-армии. Когда Директор увидел в числе предполагаемых фигурантов ограбления бывшего полковника СБФ Прошина, чуть было не ставшего по недоразумению генералом, он пожалел, что в своё время не отдал его под суд за криминальные фокусы, а дал уйти без шума.

Прошин своим спецслужбистским нутром почувствовал подвох, узнав об особой вакцине, и решил подстраховаться. А реакция бывших коллег только укрепила его мнение, что он на верном пути. Последовал полный разгром его команды, его бизнеса. По вновь открывшимся обстоятельствам возобновили старые уголовные дела, добавили пару новых и объявили в розыск. Разве из-за пустяка такое делают? Прошин залёг в бандитскую берлогу и неспешно подбирал себе новых людей, может и лучше, что от прежних избавился, а то оборзели совсем.

Большой особняк издали кажется маленьким домом, потому что находится в полукольце вековых деревьев. Он построен в глубине природного почти девственного лесного массива, но дубовая аллея, которая ведёт к большому парадному крыльцу, рукотворная, хотя она и моложе остального леса, но ей то же много-много лет, как и особняку.

Добротный, прекрасно сохранившийся интерьер дома без преувеличения можно назвать антикварным, пусть и с некоторым неизбежным изъяном: бытовая, техническая, электронная начинка — ультрасовременны. Гость, попавший сюда впервые, с удивлением обнаруживает чудеса технологий, которые редко где встретишь. К сожалению, чувство меры при этом иногда уступает излишествам. Как пример, можно привести унитаз, который говорит вам спасибо и выдаёт экспресс-анализ того, что вы в него только что сбросили. Биде безмолвно, хотя после говорящего унитаза возникает опасение: вдруг откуда-нибудь в нем появятся щётки и начнут надраивать ваш зад как чистильщик ботинок. У биде своя фишка — оно обдаёт специальной дезинфицирующей жидкостью, от которой первую секунду, кажется, что вас побрили против вашей воли, но следующие мгновение вас успокаивает тонкий, изысканный аромат.

К особняку ведёт только одна дорога, она начинается от частного аэродрома, к которому ни одна дорога не ведёт. Вероятно, прибыть сюда можно лишь на самолёте, или на вертолёте, или пешком. Последнее вряд ли, если, конечно, вы не заядлый турист и у вас есть опыт участия в спортивных соревнованиях по ориентированию на местности. Но даже в этом случае, дальше заднего двора незваный гость не пройдёт. Поговаривают, что дом охраняет Соловей-разбойник, убивающий инфразвуком. Быть может, это сплетни. Всегдашняя проблема: знающие молчат, не знающие говорят.

В одной из комнат, сидя в податливо принимающих форму тела кожаных креслах, беседуют два человека. Их имена малоизвестны широкой публике, они не масс-медийные персонажи, редкие упоминая в специализированных

изданиях — не в счёт. По одежде, даже если бы это было одно исподнее, по манере держатся, по выражению глаз — это представители высшего истеблишмента. Конечно, видимость часто обманчива, но не в этом случае: тут вы сразу понимаете, что перед вами английский газон, который постригали триста лет, а не декоративная лужайка с рулонным дёрном.

Тот, который постарше — по простому старик, но по виду — человек неопределённой глубины пожилого возраста: все достижения современной медицины приходили к нему на поклон и в первую очередь, неиспробованной осталась только роботизация и пересадка мозга в другое тело. Тот, который помладше, хотя и младше своего собеседника раза в два, но всё равно не молод, а лишь моложав: на расстоянии — свеженький огурец только с грядки, а поближе — огурец бутафорский.

На столике сначала затлела, потом стала разгораться до мягкого требовательного света пламенная лампочка. Двое кивнули, соглашаясь, что пора, и вышли из комнаты в просторный хорошо освещённый сквозь старинные плафоны коридор, который привёл их к расходящейся дугами вниз лестнице, спустились по ней в круглый холл, остановились перед высокими широкими дверьми. Невидимые приборы проверили личности и раскрыли двери, открывая взору большой высокий зал: в нем уже ничего не было от старинных интерьеров. Так выглядит центральная командная палуба звездолёта из фантастических сериалов с разницей, что нет огромных экранов с видом звёздного неба. Купол растворен в ярком мягком свете, стены зеленоватого оттенка. Удивительно как такой зал уместился в особняке. По периметру пунктиром расположены столы на расстоянии стола друг от друга. Операторы работают в специальных очках для режима невидимости лазерных экранов, чтобы не отвлекать собравшихся гостей.

На столе перед Президентом лежала в беспорядке стопка фотографий, на каждой расшифровка — имя, должность, звание. Смотреть материалы на экране монитора он не любил. Ракурс на всех фотографиях один — люди сходят по трапу самолёта: вероятно, другой возможности их заснять не было. Президент брал фотографии из стопки, коротко смотрел и небрежно отбрасывал в сторону.

— И это мировое правительство? — Президент не спрашивал, он удивлялся и выказывал своё пренебрежение: — Здесь нет ни одного президента!

— И ни одного политика. — Директор то ли поддержал Президента, то ли просто дополнил — не понять.

Президенты, короли, конгрессмены, сенаторы — это было бы понятно, это люди, реально управляющие миром, в их числе и Президент. Большинство из них, что называется, в прямом доступе для него. Президенту трудно было признать, что ни один из людей на фотографии не удостоит его даже краткой встречей.

— По-моему это туфта! — Президент показал на фотографии.

— Мы впервые засняли их так. — доложил с оправдательными нотками в голосе Глава департамента службы внешней разведки генерал Евдокимов: — Человек, который заснял и успел переправить фотографии на промежуточный сервер, погиб.

— Так серьёзно? — искренне удивился Президент: убивать агентов — это дурной тон, разве только если агент спровоцировал сам, впрочем, поди, тут разберись, что в лоб, а что по лбу!

Генерал Евдокимов утвердительно кивнул головой.

— Я полюбовался, а вы ни на один вопрос ответить не можете. — Президент говорил раздражённо: — О чём они совещались? — Президент остановил взгляд на Директоре: — Может быть, у них есть свой ковчег?

— Может быть. — спокойно ответил Директор и, предвзято эскалируя президентской раздражительности, продолжил: — Среди них есть некий Андре. Он наш гражданин, но так же гражданин ещё с десятка стран. Мы давно наблюдаем за ним и за его людьми. Если вы дадите санкцию на его... с нашей помощью возвращение на родину, тогда и выясним.

Причём тут ковчег, кто такой Андре? И о санкции речи не было. Генерал Евдокимов не понимал, что происходит, чувствовал себя третьим лишним, но вида не подал, даже подтвердил слова Директора утвердительным кивком головы.

— Вам только дай, потом греха не оберёшься. — проворчал Президент: — Я подумаю, стоит ли это того. Подготовьте материалы.

Вот и прекрасно — и доложили, и в долгий ящик положили. Директор был доволен.

Старый и Помоложе вернулись в Нью-Йорк.

— Спасибо за компанию. — поблагодарил Старый: — Не люблю летать один.

— Не за что. — почтительно ответил Помоложе: — Мне кажется, вы решили выйти из игры?

— Вы как всегда наблюдательны. — Старый задумался: к чему объяснения? Но всё же продолжил: — Не умные люди считали нас мировым правительством, обвиняли в масонстве, в заговорах в войнах. Когда есть виноватый — это очень удобно. А мы были всего лишь регистраторами происходящего. Даже Хранители не смогли изменить этот мир, а за ними Вечность! Про космических друзей я уже и не говорю, засранцы! До нас им дела нет, и не было. Зря мы с них деньги не брали за постой... золотом. Но всё это уже неважно. — Старый обвёл рукой городской вид: — Я слишком привязан к этой действительности и уйду вместе с ней. А вам желаю удачи! Прощайте!

Не дожидаясь ответа, Старый пошёл к своей машине.

Как в эпицентре ядерного взрыва не расплескать воду, держа в вытянутой руке наполненный до краёв стакан? Это вопрос сохранения разумной жизни во Вселенной. Её непрерывность всегда под вопросом. Человечество частный случай общей проблемы, а стадия человеческой разумности не даёт людям не одного шанса на выживание без посторонней помощи. В природе нет благотворительности. «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно».

Любители теории заговора находят следы тайного Мирового правительства в масонстве, у иллюминатов, в Бильдербергском клубе, в Комитете 300. Противники единой политической силы, управляющей мировым общественным процессом — фантазёры; сторонники — мечтатели. Человечеством никто не управляет, вряд ли это возможно, хотя, быть может, и не помешало бы. Правда в том, что нечеловеческие расы используют человечество и прагматически пекутся о его благе в рамках своих нужд. У них много помощников среди людей. Отдельно нужно сказать о наднациональном, надполитическом, надобщественным сообществе, которое давно уже при поддержке одной из иных рас живёт на планете по своим законам. К вымышленным и реальным организациям, причисленным конспирологами к Мировому правительству, нечеловеческий разум имеет опосредованное отношение, в серьёз их не рассматривает и ставку на них не делает. Власть по человеческому образцу — это слишком хлопотно и малоэффективно. Напрасны и обвинения в договорных отношениях с правительствами разных стран. Никогда никаких обязательств перед людьми у иных рас не было и не никогда не будет, потому что человечество недееспособно и безответственно даже по отношению к себе.

У кого-то может сложиться впечатление, что космические пришельцы захватили тайную власть над миром. Это не так. Тех, кого действительно можно назвать пришельцами, среди «захватчиков» очень мало и погоды они не делают; в основном ими движут научные интересы, а их меркантильность не идёт

дальше обеспечения местными ресурсами своего пребывания на планете. Если с прочими «захватчиками» мериться по принципу «понаехали, тут!», то новосёлами, причём безалаберными, следует признать людей.

Держатели контрольного пакета акций будущего человечества — Хранители. Свои физические искусственные биооболочки они утратили в безжалостной войне со своими же бескомпромиссными прародителями. Бунт роботов? Нет. Роботами их назвать нельзя. Разумность предков Хранителей сформировалась естественным образом в кристаллах, которые использовала раса галпов для своих вычислительных и управляющих приборов. Воплощение кристаллического разума в биооболочки подобные галпам положило начало расе Хранителей и стало причиной цивилизационного раскола. Галпы не без оснований не признавали биологическую полноценность новых собратьев, а кристаллы утратили контроль над своим биологическим продолжением. Развившая способность Хранителей воплощаться в природные тела галпов, которые справедливо расценили это как угрозу своему существованию, привела к истребительной войне. Силы были неравны. Молодая раса отступила. Так, спасаясь, Хранители оказались сначала на Марсе, а уже потом на Земле.

Вернувшись от Президента к себе, Директор никак не мог выбросить из головы мысли об Андре. Этот человек тянул за собой много ниточек из прошлого, а его появление в компании так называемого Мирового правительства более, чем неожиданно — никогда бы не подумал!

Поймать Андре невозможно, иначе бы уже поймали. Все расставленные ему ловушки Андре обходил, словно черт ему помогал. Кстати, о чертях. В лоб с ними бороться нельзя. Есть один человек, который мог бы привести к Андре, но он то же из чёртовой дюжины! Напасть какая-то! Да ещё и на Главчёрта работал. Так за глаза называли давно уже покойного генерала Грибова.

Теперь трудно представить Директора в молодости. Злопыхатели говорят, что Директор сразу Директором и родился. Ошибаются! Как и все тянул офицерскую лямку, пока не вытянул на себя. С Грибовым познакомился на спецкурсе «Манипулирование сознанием с помощью оккультных приёмов». Не выходя за рамки здравомыслия, тогда ещё полковник, Грибов не только рассказывал об удивительных вещах, но и демонстрировал практически программируемость своих слушателей, далеко не юнцов. Никто не ставил задачу сделать из них магов и волшебников. Эти лекции позволяли получить представление о том, почему племя колдунов никогда не переведётся.

Вербовку в этой среде Грибов считал не сложной, но эффективность магических агентов оценивал низко:

— Видите ли, шарлатаны, освоившие оккультный камуфляж всё те же жулики и мошенники, какими были до этого. И кто кого при этом будет контролировать — вопрос. Я бы не стал доверять информации из такого источника. Возни много, толку мало. В редких, исключительных случаях, как агенты влияния — да. Такие удачные примеры известны. Куда более перспективным мне кажется использование попов. Среди них полно психически не здоровых людей, а если встретите психически здорового, то он, как правило, окажется абсолютных ханжой и циником. Поповское сознание часто патологично, открыто любому психическому расстройству, Умеючи, наслать на них дьявола особого труда не составляет. Греховны батюшки, греховны. Но, насколько мне известно, они и так уже широко задействованы в агентурной работе вместе с их дьяволами.

Директор не разделял крайнюю точку зрения Грибова на священнослужителей. К церкви он относился как неизбежному социально-обывательскому институту, в церковь не ходил, попов не жаловал, что скрывать, но не до степени отождествления их с дьяволом. Трудно сказать, что там у них со здравомыслием, а вот в недостатке житейского прагматизма священников не упрекнёшь. Есть бог или нет — какая разница? Если он и есть, то ведёт себя так, словно его нет. Причём тут религия и церковь? Они сами по себе. В умелых руках религия всё равно, что узда правления людьми как верующими, так и не верующими. Именно в этом смысле Директор относился к религии с уважением.

Кто-то по ходу лекций спросил, правда ли, что в лаборатории Грибова фотографируют с помощью специальных приборов момент отделения души от тела. Это неправда. Никакой лаборатории у Грибова не было, и он считал, что искать душу приборами, такая же глупость, как искать бога зрением.

Относительно магии Грибов был непоколебим и считал своей главной задачей внушить слушателям, бойцам невидимого фронта, что магии без шарлатанства не бывает. Шарлатанство без магии — это сколько угодно, а вот магия без шарлатанства — никогда!

После окончания занимательного спецкурса, тогда майор, Директор занялся своими делами и о Грибове не вспоминал. Снова судьба свела их уже по-смертно. Директору поручили организацию похорон заслуженного, орденоносного и без преувеличения легендарного в ведомстве генерала. Это был хороший карьерный знак: Грибов при жизни и тогдашний директор слыли друзьями, поэтому случайно, кому придётся, скорбное дело руководство не доверило бы. Речь шла не только об очевидных похоронно-ритуальных

формальностях, но и о документном наследстве колоритного генерала. Не удивительно, учитывая род занятий покойного. Когда Директор заинтересовался некоторыми здравствующими персонажами своего поручения, кадровик пошутил: ищите скреплённые кровью договоры с дьяволом?

В беллетристическом сознании крепка мысль, что с высоты спецслужбистского полёта открывается карта тайного механизма управления обществом, а секретные генералы спят на чемоданах с компроматом на всё и вся. Увы, обилие не общедоступной информации чаще всего усугубляет путаницу, а не проясняет картину божьего замысла, а чемоданный компромат — это для растопки бездарных сюжетов, когда автор не знает, как мотивировать своих героев.

В современном мире всё не секрет. Подчас сотни исполнителей задействованы в тайных операциях спецслужб и тёмных делах политиков. Нет-нет, что-то да и просочится на свет. Порой держателям компроматных карт кажется, что у них на руках козыри, которые переменят ход игры. Увы, даже самая ужасная сокрытая от общественности информация или мерзкая подробность по большому счёту ничтожна в сравнении публичными фактами царящей в мире несправедливости и беззакония. Компромат может повлиять на судьбы конкретных людей, как правило, пешек в шахматной игре, а если даже и важных фигур, то всё равно уже выработавших свой ресурс важности, но не может повлиять на судьбу мира. Что из того, что Моника Левински отсосала у президента великой Америки? Ничего. Весь компромат в прошлом и в будущем — это такой же отсос, а плата за удовольствие бывает разной.

Совсем другое дело использование утечки информации госструктурами. Утечка информации — инструмент политической борьбы, к компромату это никакого отношения не имеет.

Из серии занимательного Директор обнаружил набросок статьи Грибова о некоторых мифологизированных представителях предсказательного промысла и копию докладной из былинных времён о нецелесообразности привлечения к агентурной работе, ставшего впоследствии знаменитым, самозванного «провидца». Заключение психиатров убийственно: необходимость дополнительного обследования для клинического диагностирования шизофрении, патологическая лживость, пассивный гомосексуализм, полное отсутствие какой-либо неординарности в декларируемых способностях.

Грибов писал о гримасах массового сознания, которое жадно ловит абсурдные истории о походе провидца в коридорах власти, принимает за документ собственноручно написанную им биографию, где нет ни слова правды и даже год рождения подправлен под выдуманные «факты».

В одной из папок оказались бессвязные фрагменты, оставшиеся вероятно случайно от каких-то документов, и явно предназначенные на выброс. Грибов по всей стране искал пси-феномены. Один из следов таких поисков привлёк внимание Директора.

«... Местное население неохотно рассказывает об Объекте. Истории сильно отличаются и наполнены фантастическими деталями. Диктофонные записи бесед и расшифровки прилагаются. Шаман, к которому вы рекомендовали обратиться, отказался говорить со мной об Объекте. Следуя Вашим указаниям, я не настаивал. Ознакомившись с обстановкой на месте, полностью подтверждаю Ваше мнение, что давление в этом вопросе бесполезно. Осведомители, переданные мне местным Управлением, оставляют тяжёлое впечатление. Малограмотные, жадные и склочные люди, в основном озабоченные сведением личных счетов. Двое утверждают, что Объекта вообще не было, а все рассказы придуманы за бутылку водки. Один, вероятно, психически болен. С его слов следует, что существует «заговор из Цента». В местном Управлении считают иначе. На их взгляд среди местного населения глупцов не больше, чем где-нибудь ещё, но вот хитрецов очень много и отношения с властями строятся по принципу — прикинуться дурачком.

Шаман передал для Вас запечатанный конверт, который я вам ранее вручил. Шаман произвёл на меня впечатление человека умного и осторожного. По местным меркам у него большое хозяйство и он очень авторитетный человек. Встречался с ним несколько раз. Наши беседы носили общий характер. Диктофонные записи и расшифровки прилагаются.

Несмотря на противоречивую информацию, можно уверенно говорить о следующих событиях. Объект был обнаружен местными охотниками недалеко от посёлка и был доставлен в «священное место». Сказать точнее не возможно, называются разные места иногда расположенные друг от друга на расстоянии 500 км, часто вообще вымышленные. Почему охотники так поступили? Есть несколько маловероятных версий (см. расшифровки). Суть их сводится к тому, что охотники увидели «знаки высших сил». Наименее экзотические — это погодные аномалии, поведение животных. Большой Шаман (назывались разные имена, но установить их соответствие реальным людям не удалось) три дня совершал обряд («камлание»). На третью ночь разразилась страшная буря, и Объект пришёл в сознание («ожил», «вернулся», «воскрес»). Все рассказы объединяет утверждение — на землю вернулся Главный Шаман и он был в образе юноши. Описание чудес, которые он совершил, целиком зависит от фантазии рассказчика в русле характерных в этих местах мифологических сюжетов (см. в расшифровках). Но главное, это предсказания, в которые он посвятил только нескольких

шаманов. Потом Объект исчез. Его исчезновение также сопровождалось фантастическими явлениями.

Директор, она же единственный сотрудник местного краеведческого музея, знает о возродившейся легенде. Она считает, что здесь мы имеем дело с какой-то инсценировкой, предпринятой с целью повышения авторитета шаманов, но не конкретно, какого-то, а в целом. По моей просьбе она составила «справку» о мифологическом Главном Шамане. Это тридцать страниц рукописного, тяжело читаемого и малопонятного текста (прилагается). Из устного пояснения следует, что Главный Шаман возвращается всегда перед кризисными и трагическими событиями большого масштаба. В одном варианте, он сам является их причиной, в другом — предупреждает свой народ о грозящей опасности. Но сам он принадлежит к другой расе из доисторического времени. Хотя это тоже не единственная версия. Он ещё может быть и членом семьи богов. На мой вопрос о Главном Шамане, Ваш Шаман ответил, что у каждого рассказчика своя легенда.

...Мне удалось установить, что в известное Вам время в геологической экспедиции пропал водитель вездехода. Анкетные данные прилагаются. Они полностью совпадают с анкетными данными известного Вам человека. В соответствии с вашим приказом, фотографию для опознания я не предлагал. Машина впоследствии была обнаружена недалеко от основной базы. Розыски силами экспедиции, результатов не дали. Положение усложнялось сильным туманом, надо отметить, не характерным для этого времени года. Вертолётный поиск так же не дал результатов и по метеоусловиям производился только на третий день. По Вашему указанию все оригиналы документов, относящиеся к этому происшествию, мною изъяты, за исключением личного дела, которое было изъято сотрудниками прокуратуры на время проведения дознания, но так и не было возвращено. Соответствующий запрос отправлен. Мною произведён опрос свидетелей, которые непосредственно работали с пропавшим. Хочу обратить Ваше внимание, никто из них не верит, что пропавший мог заблудиться. Говорят, что по обычным маршрутам он мог ездить с завязанными глазами. Диктофонные записи и расшифровки прилагаются, но они не содержат никакой дополнительной информации.

По Вашему указанию я проверил местные авиаперевозки людей. В основном это вертолётное сообщение. Документов того периода нет, а то, что есть на сегодняшний день, то же не отвечает реальному положению вещей. Специфика района такова, что вертолёты работают почти как такси.

...На основании собранной информации, а так же учитывая информацию уже имевшуюся в нашем распоряжении, можно предположить, что пропавший

водитель вездехода, Объект и известный Вам человек — это одно и то же лицо. После получения личного дела из органов прокуратуры, можно будет сделать окончательный вывод».

На одном из листов в мусорной папке была нарисована семи конечная звезда. У каждого луча стояла строка из символов букв и цифр. Прямая линия пересекала звезду в центре, выходила за её пределы. Сверху её ограничивало неразборчиво написанное слово, снизу — символ, напоминающий сложенные в овал скобки. Подобных листов с загадочными рисунками набралось штук пять.

Директору посоветовали обратиться к известному автору различных книг об эзотерике и магии, который изредка консультировал службу по сатанинским делам расплодившихся сект.

— Вот так сразу — трудно! Знаки зодиака, алхимические символы, енохианский алфавит — Константин Иосифович, бодрый старичок с русской фамилией, но еврейской родословной, долго присматривался: — Безусловно, система есть, совершенно определённа. Я даже думаю, что это не шифр, а просто такая запись.

— А вот это что за язык? — Директор показал на непонятные слова.

— Русский! Не удивляйтесь. Скорее всего... Это похоже на даты. До Петра I вместо цифр употреблялись буквы, а летоисчисление велось от сотворения мира. Не торопите меня. Я посмотрю, подумаю... А это, кажется печати Апокалипсиса. Так была запечатана книга написанная внутри о отвне.

— Так уж и Апокалипсиса? — скептически спросил Директор.

— Аллегория, конечно. Да, точно. Видите, сбоку агнец, имеющий семь рогов и семь очей. Намёк — посеешь ветер, пожнёшь бурю. Конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним. Это оттуда. Не бойтесь?

Директор посмотрел недовольно на Константина Иосифовича, и отвечать не стал. Не стал так же и углубляться в пучины оккультизма, отправив магическую абракадабру в мусорную корзину.

Всё, что Грибов знал, он унёс с собой, мемуаров не писал, компромат в чемоданы не складывал, отдельных досье не вёл, а если и вёл, то уничтожил их уже большой незадолго до смерти. В похоронных заботах Директор познакомился с Мариной — дочкой Грибова и раззнакомливаться уже не захотел. Через полгода они поженились. Второй брак Директора оказался удачным. Марина умерла во время Эпидемии. У Директора хватило власти, чтобы спасти её тело от братской могилы и похоронить жену по-человечески.

В кабинете Главчерта Грибова осталась небольшая библиотека. Директор, недолго думая, привлёк для её разборки помешанного на чернокнижии Константина Иосифовича. У счастливца от волнения задрожали руки, когда он увидел, к какому богатству его приобщают. Книги очень редкие, в основном на французском и немецком языках. Для Константина Иосифовича это не было проблемой. Он составил опись и короткие аннотации. Сплошь магия и чертовщина. Кое-что Константин Иосифович перевёл и издал. Они сразу договорились, что консультирование будет взаимовыгодным. Часть книг прижилась в библиотеке Константина Иосифовича.

Казалось вот и всё: точка поставлена, отчёт о проделанной работе руководством успешно принят, и светлая память о том, кого за глаза называли Главчёртом, да пусть быстро не выветрится из сердец сослуживцев! А уж Директору сам бог велел его не забывать: Марина первое время часто говорила об отце, о его чудачествах. Дачу, доставшуюся в наследство, сначала хотела продать, потом передумала. Летом отдых там замечательный. Но после того как Директор стал Директором, дача стоит заброшенная. По-житейски всё обходилось без привидений, а вот служебная тень Главчёрта Грибова не желала покидать коридоры спецслужб.

Сначала погиб один оперативник, потом ещё двое, которые занимались расследованием гибели товарища. Разумеется, беда, а уж какое ЧП — слов нет! Человек, которого разрабатывали погибшие, оставил после себя лишь один след: очень скверную фотографию со случайной камеры видеонаблюдения. Но директор узнал сразу. Память на лица у него профессиональная. Директор видел это лицо в семейном альбоме Марины.

Торопливость подвела, Директор несколько коряво выстроил момент, когда заинтересованность должна была выглядеть нечаянной.

— Скажи ещё, что ты случайно полез в альбом? — Марина была обеспокоена: — С каких пор ты делаешь что-то случайно?

За что боролись, на то и напоролись! С Мариной часто случались разные случайности, и тогда Директор ей говорил: случайность — это либо хорошо подготовленная операция, либо закономерность.

— Ах, я забыла... — Марина всплеснула руками: — Альбом упал с полки и сам открылся на этой фотографии! Пока не скажешь, я то же ничего не скажу!

Пришлось урезонивать, мол, генеральская дочка, а не понимаешь, работа, есть работа!

— К черту вашу работу! — Марина психовала: — Этот... — она ткнула пальцем в фотографию: — Он из тебя душу вынет, потрясёт её, потрясёт,

а потом обратно кверху ногами вставит! Это тебе я говорю, генеральская дочка!

Успокоившись, она рассказала историю Алексея. Сначала он просто появился в доме на непонятных правах, потом стал сотрудником отца, но жил на даче, как будто это в порядке вещей для сотрудников. Отец с ним носился как с писаной торбой! Марине это не мешало. Она привыкла, что время от времени отец притаскивает экстрасенсов, возится с ними, а потом разочаровывается. Алексея красавцем не назовёшь, но обаятельный. Он сильно отличался от обычных необычных гостей отца, потому что казался совсем обычным. Парень, да парень! Марина с ним подружилась, но о себе Алексей ничего не рассказывал. Потом пропал почти на год, а когда вернулся, стал часто ездить в командировки, на даче появлялся эпизодически. Однажды они вместе приехали на последней электричке, и на станции к Марине привязалась местная шпана. Алексей не стал их бить, он что-то с ними сделал, и они стали как зомби и на Алексея страшно было смотреть. Такого ужаса Марина никогда больше не испытывала. Шаманскую историю она знает в общих чертах: отец немного говорил, что-то она случайно услышала, а что-то подслушала — любопытно всё-таки! Незадолго до смерти отец разругался с Алексеем. Разругался — не точное слово. Между ними что-то произошло из-за какого-то задания. Она слышала их разговор, потому что уши золотом у неё не завешаны, а они орали друг на друга. Отец говорил о присяге, что отдаст Алексея по суду, что тот сорвал операцию, которую готовили три месяца. Алексей ответил, что не будет убивать своих и ему насрать на присягу, на суд черта лысого наслёт! После этого Алексей пропал. Вскоре отец заболел. По-своему он любил Алексея и перед смертью, всё прощения у него хотел попросить.

Лирику Директор пропустил мимо ушей, не до того. И уж совсем не до того стало, когда выяснилось, что все данные на Алексея, которыми располагала служба — ложь! Вся его жизнь до — выдумана, включая имя и год рождения. Такое без Грибова нельзя было проверить, но уже не спросишь, зачем и почему он это сделал? Год отлучки — это индивидуальный специальный курс в армейской разведке — ещё один сюрприз Грибова! Алексей, дипломированный убийца. Работал по линии внешней разведки. Бить в тревожный барабан Директор не стал, но в свой срок и черед, заступив на должность, первым делом реорганизовал кадровую службу: теперь и мышь без проверки на подлинность не проскочит.

Итак, шаман-убийца, возвращённый в недрах спецслужб сворачивает шею оперативникам как цыплятам. Замечательно! Голливуд, да и только! Но в этой истории главным действующим лицом оказался не Алексей, а Вениаминов.

Тогда они и познакомились настолько хорошо, что до сих пор неразлучны. Нынешний заместитель Директора в то время по уши погряз в бизнес разборках. Вытягивать пришлось так, что у того чуть уши не оторвались.

В стремлении к повышению своего благосостояния Вениаминов сошёлся с тогда неким Бабашовым, который сейчас такой Бабашов, что на сраной козе не объедешь. На пути сдружившейся парочки встал партнёр Бабашова по бизнесу Григорий Звягинцев. Человек Вениаминова сумел втереться в доверие к бизнесмену и удавил его как бродячую собаку. Тут то и появился, по одной версии друг Григория, по другой — родственник, некто Андре, затеял своё расследование. С исполнителем убийства быстро, но не очень аккуратно разобрался подручный друга-родственника Алексей и по его следу пошли опять же люди Вениаминова. Лучше бы они этого не делали. Но, вероятно, эта их поспешность и недооценка противника спасла жизнь и Вениаминову, и Бабашову.

Андре и Алексей рассудили здраво — теперь они дичь, которую обложат флажками. И Директор бы обложил, и живыми бы не выпустил. Страну они покинули, но связи с родиной не утратили. Вениаминов считает своим смертельным врагом Андре, и то правда, а про Алексея не знает. Директор не стал посвящать своего заплечных дел мастера в шаманско-ГРУшные подробности. Что связывает Андре и Алексея — осталось загадкой. В последствие, неоднократно за все эти годы то вместе, то по одиночке они были отмечены и внешней, и военной разведками: подозревались в связях с террористами, с ЦРУ, с экстремистами разных мастей.

Официальная версия тех давних событий выглядит иначе, но и неофициальная ей под стать и годится разве что как рабочий вариант: фактура — соблюдена, мотивы участников — условные, для связки фактов. Что там было на самом деле — теперь это уже не имеет никакого значения.

Незадолго до Эпидемии возникло интересное уголовно дело — зачитаться можно! Зомбирование, свёрнутые шеи, спецсредства — и бандитской группировки как не бывало! Эксперты пришли к выводу, что работали профессионалы. Директор с ними согласился. Работал действительно профессионал. Человек умеющий решать свои или чужие проблемы определённым образом, рано или поздно к этому вернётся. В жизни надо делать то, что умеешь лучше всего и делать это изо всех сил.

Интуиция подсказала, а материалы уголовного дела ей в этом помогли: как версия — заказчик nepотpeбствa полковник СБФ в отставке, ныне бизнесмен, господин Гранин. В полиции не любили «бывших», с которыми всегда непонятно насколько они «бывшие», вот и решили проконсультироваться. Гранин хотя и не питомец Грибова, но с Алексеем они пересекались и не раз

в совместных операциях. Директор просмотрел некоторые архивные дела. Послужной список Алексея короткий, но впечатляющий, а география — горячее горячего. Разбрасываться такими кадрами — расточительность.

А буквально на днях напомнил о себе магический эксперт. Через референтов он передал, что хотел бы встретиться, это связано с Грибовым. Бывает так, тема как попрёт, только успевай ворота открывать. Директор попросил соединить с милейшим Константином Иосифовичем, но того не оказалось дома, передал сообщение через его родственницу.

Константин Иосифович благообразный миниатюрный старец семидесяти лет. Патриарх оккультных наук, написал кучу книжек, преподаватель в академии астрологии. Вокруг него всегда выются какие-то дородные тётки-гадалки. Когда он появлялся на оккультных тусовках, кажется, что престарелые поклонницы вносят его на руках.

Жизнь книжного червя — удел Константина Иосифовича. До сорока лет он влачил жалкое существование в звании научного сотрудника отраслевого института. Его бросила жена, которую он никогда не любил, у него не было друзей и денег. Константин Иосифович находил отдохновение в чтении оккультной и эзотерической литературы. Сначала он делился своими познаниями со знакомыми и сослуживцами, потом его стали приглашать в различные кружки, наконец, ему предложили написать книгу о чём-нибудь простом, например, о гадании на картах. Он написал книгу о Таро. Так и пошло.

Несколько месяцев назад в его жизни произошло событие-приключение, иначе не скажешь, — книжная премудрость отразилась в реальности и воплотилась в образе человека, а может и не человека вовсе.

Константина Иосифовича часто приглашали в различные эзотерические клубы, в одном из них во время перерыва между говорильней он увидел мужчину, который развлекал оккультный народец сеансом одновременного гадания, делал это легко, с блеском и юмором. Увы, автор книг по гаданию, по которым учились его студенты, не мог читать расклады. Карты ставили Алексея Иосифовича в тупик. Он знал самые изошрённые и редкие расклады, но что толку. Иногда часами просиживал, пытаясь разобраться в их пёстрой картине, поэтому всегда с завистью смотрел на тех, у кого это получается.

Приглядевшись к мужчине, Константин Иосифович обмер. Конечно, на фотографии мужчина выглядит моложе, но это точно он! Очень странная фотография. Константин Иосифович обнаружил её в репринтном издании

старинной книги на старофранцузском языке. Книга досталась ему из библиотеки загадочного генерала и много лет ждала внимания к себе. Лишь недавно жизнь свела Константина Иосифовича со специалистом, который помог с переводом. Фотография как закладка выводила на текст отмеченный карандашом. Человек, не приобщённый к тайноведению, вряд ли обрел бы на это внимание, но в словаре эзотерика нет слова «случайность», к тому же на обратной стороне фотографии небрежно, словно скорописью, нарисован знак, напоминающий магическую печать.

В клубе Алексей оказался не по эзотерическому поводу. Здесь он обычно забирал замечательный афганский гашиш у своего оккультианутого продавца: Алексей позволял себе иногда расслабиться наркотическим снодобьем, но не злоупотреблял. А карты — не удержался, решил похулиганить. В других случаях Алексей, обычно, гаданием прикрывал свою неожиданную осведомлённость о подопечном, которая могла бы в простом разговоре вызвать нежелательные вопросы и насторожить. На болтливость карт её списать просто. Обывательская суеверность и оккультный ореол Таро, всегда надёжно защищали истинные намерения Алексея относительно тех, кому он гадал.

Константин Иосифович растерялся. Подойти к незнакомому человеку ни с того ни с сего... Нет, такая решительность не в его робком характере. Да и вдруг ошибся? Мало ли похожих людей.

Трудно не обратить внимание на пристальное внимание к себе. Алексей был абсолютно уверен, что никогда раньше не встречал почтенного эзотерика, но почувствовал его связь со своим прошлым.

Выбрав момент рассеянного внимания окружающих, Алексей сам подошёл к старцу с вопросом:

— Вы хотели что-то мне сказать?

— Да..., то есть... нет... — сбивчиво пролепетал Константин Иосифович, но поправил себя: — Простите, бога ради! Вы мне напомнили об одном человеке... Пустяки, знаете ли...

Почти правда! Алексей согласился с этой версией с уточнением — человек, которого он напомнил, это он и есть. Не хорошо оставлять за спиной чужие загадки о себе, но никакой угрозы от старца Алексей не чувствовал. Должно быть, действительно, пустяки!

— Бывает. — согласился Алексей.

— Не сочтите за назойливость... — Константин Иосифович ещё не совсем пришёл в себя от неожиданного разговора и, вероятно поэтому, проявил

не характерную для него инициативность: — Не могли бы вы составить мне компанию. Я тоже увлекаюсь Таро, но, честно признаюсь, в чтении раскладов не преуспел.

— Чтение раскладов? — Алексею не нравилось такая формулировка. — Карточный расклад не шахматная партия и не детективный роман.

Так состоялось их знакомство, продлившееся в редких встречах, инициатором которых всегда выступал Константин Иосифович. Алексей не форсировал раскрытие тайных мотивов поведения старца. Игра в интеллектуальные кошки-мышки забавляла. Что там в действительности? Какой-нибудь вздор.

— Человек ленив и жаден. Он не в силах отказаться от соблазнов, ищет лёгкие пути к богатству и наслаждениям. Суеверность, ограниченность, полу грамотность, при этом, амбициозность и самоуверенность — обычные свойства человеческой природы. — Алексей не отказывал себе в удовольствии поругать человека в целом и человечество по-отдельности.

— Ленив, жаден... Как оригинально! Вы, Алексей, упрощаете. — возразил Константин Иосифович.

— Человек рождается абсолютным эгоистом, иначе ему не выжить, а набираясь жизненного опыта, только изощряется в эгоизме. — не сдавался Алексей: — Высшая форма изощрённого эгоизма — альтруизм. Всё, что делает человек, он делает, прежде всего, для себя. Забота о ближнем, бескорыстие, готовность поделить последним — всё это на проверку... — Алексей махнул рукой: — Либо удовлетворение тщеславия, либо желание «выглядеть», либо стремление поставить в зависимость, либо ещё что-то подобное. Меня всегда умиляют люди, которые получают удовольствие от того, что добры и религиозны! Это такая разновидность духовной мастурбации. На самом деле они ни на шаг не отошли от своего эгоизма. Человек рождается мёртвым и умирает мёртвым.

— Каббала... — ещё бы Константин Иосифович да не разобрался, откуда ветер дует! — Только как-то вы всё преподнесли... Уж очень мизантропично.

— Мне симпатична Каббала... — Алексей улыбнулся. — Она не требует умерщвления плоти, самоистязания, гимнастики и позы «лотоса». Знаете, я как та дама, всё, что мне нравится, оказывается либо безнравственным, либо полнит.

Алексей нравилось поточить язык и мозги о камешки книжной мудрости в разговорах с Константином Иосифовичем. Их беседы иногда затягивались

и напоминали фехтование в балетном варианте. В окружении Алексея очень мало достойных ему собеседников. Среди молодых преобладает интернидиотическое мышление, люди зрелые чаще всего настолько узкоспециализированы в области своих занятий, что философическая опция у них атрофировалась. Особенно поражали священнослужители: редко кто из них осилил даже беглое прочтение Священного писания.

По приглашению Константина Иосифовича один раз, этого хватило, Алексей побывал на очень закрытом собрании для избранных. В воздухе носились флюиды неуловимых тайн масонских лож, но пахло подвалом. Алексей пришёл к выводу, что в сверхтонкой среде мистических интеллектуалов царит снобистское невежество, процветают несостоявшиеся психологи и психиатры, а балом правят образованные циники.

К оккультизму Алексей относился с пренебрежением. Люди имеют сами себя в голову и ещё деньги за это платят! Оккультизм — это бордель, в котором есть всё по уровню достатка клиентов, не достаёт только ума посетитель, зато в избытке сутенёры оккультных откровений.

— Алексей, вы из тех людей, которые хотят казаться циниками и грубиянами. На самом деле вы лучше, чем впечатление от вас.

— Вы то же хотите казаться русским, хотя на самом деле еврей.

— Что мне приходится от вас терпеть!

— Я не в обиду. — сгладил резкость Алексей: — Признайтесь, вы исследуете меня. Вы тоже считаете, что я колдун?

Домашние дела старца вела его набожная пожилая родственница, которая жила вместе с ним. Обычно, встречая в прихожей Алексея, она крестилась как от нечистой силы:

— Дьявола тешите! Креста на вас нет.

Именно так! Алексей с ней не спорил. Дьявольщина начиналась, когда вместо того, чтобы ограничиться здоровым популяризаторством, хозяин дома начинал мучить себя эмоциональными фантазиями. Переходы от здравого смысла к глубокомысленной шизофрении у Константина Иосифовича обычно случались внезапно.

— Не назовут они своего имени. — вдруг продекламировал Константин Иосифович, чувствовалось, что он волнуется, как бывает, когда человек на что-то решился. — Будут они убеждать вас, что рождены от родителей, что век их так же не долгов, как у всех прочих тварей земных. Человеческие тела они снашивают как одежду и переселяются в новые. Живут в разврате и нече-

стивости, даже сам дьявол не может с ними совладать и исполняет их просьбы в обмен на совращённые ко злу ими души человеческие. Они и между собой воюют, ставят друг другу хитрые ловушки, используя человекoв, как приманку...

Неожиданно! И неприятно для Алексея, потому что здесь и сейчас.

— А тем, кто раскроет их нечеловеческую, не божью природу, жить недолго, если не замкнут уста свои и не станут рабски служить этим оборотням, предав душу дьяволу через своих господ, получая от такой службы немалую выгоду. — закончил длинную цитату Алексей и спросил: — А что бы выбрали вы? Открыли миру или поступили на службу?

Оккультисты частенько в поиске своих богов готовы услужить черту. А ещё, их излюбленный приём, ставить телегу впереди лошади и двигаться вперёд, пятясь назад.

Старец спрятал глаза за ладонью и молчал.

— Константин Иосифович! Вы обратились не по адресу. — Алексей понял, что сегодня зван не для разгадки карточного расклада: — Давайте на чистоту. В чём вы меня заподозрили? В том, о чём написал сумасшедший монах в тринадцатом веке или около того?

— Вы не можете знать этого текста! Это редкая книга и она никогда не переводилась на русский язык. — Константин Иосифович по-прежнему прятал глаза, словно боялся увидеть перед собой черта. Он так долго шёл к этому разговору, но теперь что-то не получалось.

— Вы правы... — Алексею нравилось мистифицировать старца и вот это выходит боком: — Книга на старофранцузском, вероятно, и на французском полностью не издавалась, но для специалистов она не редкость. Этот текст цитировался не раз. Например, всвязи с процессом над тамплиерами.

Кажется, уже целую вечность назад, когда Алексею потребовалось подтянуть свой прошлый французский до современного, Грибов отправил его в Екатерине Леопольдовне. Он считал, что лучше неё с этой задачей никто не справится. Книгу Алексей взял в библиотеке Грибова: его заинтересовали гравюры. Екатерина Леопольдовна всплеснула руками:

— Это же старофранцузский!

Текст выбрали вместе. Екатерина Леопольдовна превращала уроки в захватывающую игру. Текст стал зерном мистического триллера, наполненного романтикой бытового ужаса и подробностями современной жизни уже на живом французском. Замечательное время! Алексей — молодой

и счастливый спецмокрушник, счастливый, не потому что спецмокрушник, а потому что молодой, а спецмокрушник — потому что так получилось. Увы, другого применения его способностям не нашлось. Не в цирке же выступать? Хотя сейчас, пожалуй, выбрал бы цирк.

— Вы простите старика... Что-то нашло... Сам не пойму. — Константину Иосифовичу очень не хотелось расставаться с надуманным, как с намоленным: — Я всю жизнь занимаюсь теорией, пережевываю чужие мысли и впечатления... Да, и не боюсь в этом признаться. И вдруг вы... все эти совпадения... Взять хотя бы наш разговор о шаманах. На какую книгу вы сослались?

— Какая разница! — Алексей недооценил въедливость старика, и переоценил его здравомыслие и, действительно, разболтался на свою голову. — В конце концов, слова, слова...

— Недавно приезжал человек из тех мест. Мы выпустили его книжку, смешным тиражом, но всё же... Так вот, он был очень удивлён. Ваш рассказ о шаманских войнах...

— Я чувствую себя Раскольниковым на допросе... — усмехнулся Алексей: — У меня просто богатая фантазия, а старуху не убивал. И если уж дословно, то «о войнах между шаманами», а не о «шаманских войнах» поверьте, есть разница.

Можно было просто встать и уйти, но Алексей чувствовал, что сюрпризы ещё не закончились.

— Я вас утомил. Вы больше ко мне не придёте. Я понимаю... — Константин Иосифович решил идти до конца: — Я уже стар и задаю себе много детских вопросов...

Константин Иосифович достал из-под небрежно разложенных записей фотографию.

— Ёлы-палы! Грех, да и только! — изумился Алексей: — Откуда это у вас?!

На фотографии Алексей, только моложе лет на двадцать, в шаманском одеянии, которое смотрелось на молодом человеке по-щегоольски, несерьёзно. А выражение лица такое, словно Алексей вот-вот покажет язык. Это Грибов уговорил нарядиться. Генерал готовил материал по шаманизму и ему нужны были хорошие фотографии шаманского костюма в движении. На молодом парне наряд смотрелся по-идиотски. Фотографии так и остались как курьёз. Нехорошая догадка пришла в голову Алексею.

— Книгу! — потребовал Алексей.

Константин Иосифович взял с письменного стола открытую книгу и передал её Алексею. Знакомые абзацы были обведены карандашом Екатерины Леопольдовны.

— Объясните, пожалуйста? — потребовал Алексей: — Откуда это у вас?

— Фотография в книге была...

— Я про книгу и спрашиваю! — перебил Алексей.

Хороший знакомый Константина Иосифовича, попросил разобраться с библиотекой, доставшейся случайно. Все книги по магии и оккультизму, на немецком, французском, английском. Там оказалось, очень много интересного. Константин Иосифович рассказывал, волнуясь, сбивчиво.

— А этот ваш знакомый, в каком звании? — оборвал его Алексей.

— Да вы что! — Константин Иосифович заегозил на месте: — Может он и в звании. Не знаю.

Константину Иосифовичу стало страшно, очень страшно: взгляд Алексея вошел в мозг, парализовал волю, запретил врать.

В голове у старика всё перепуталось, чудь вертелась колесом. В таком состоянии он и детектор лжи произвольно обманул бы. Алексей не мог разобрататься, но и не поверил.

Взгляд Алексея отступил и Константин Иосифович вздохнул с облегчением, но страх не прошёл.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если это вернётся ко мне? — Алексей держал в руке фотографию.

— Разумеется, разумеется. — Константин Иосифович не хотел отдавать фотографию, но не знал, как это сделать и боялся возражать.

— Вам нужно отдохнуть... — посоветовал Алексей и уточнил: — От оккультизма и прочей чертовщины. А я пойду, с вашего разрешения.

Как поступить с Константином Иосифовичем? Никак. Далёкое прошлое навестило Алексея через спятившего старца. Это беспокоило. Предчувствие было с первой встречи, а оно никогда не обманывает, но часто не бывает настолько точным, чтобы знать всё наперёд, иногда раскрывается неожиданным образом, как сейчас. Болтовня старца неопасна, а вот его связь со спецслужбами — плохой знак. Что бы там не думал Константин Иосифович, Алексей пока не согласен расстаться с этим телом, чтобы искать другое. Вдруг новое ему не понравится? Всякое бывает.

Услышав движение в прихожей, домоправительница, не выходя из своей комнаты, прокричала:

— Константин, я забыла сказать и опять забуду, тебе звонил твой генерал из безопасности, опять удивлялся, что у тебя нет мобильного телефона.

Алексей замер. В голосе домоправительницы прозвучали вибрации судьбы старца.

Константин Иосифович, готов был спрятаться за вешалку, чтобы переждать этот кошмар, но только опустил глаза.

Не решаясь на прямой разговор с Алексеем, Константин Иосифович по своей искривлённой оккультным воображением логике собрался посоветоваться с генералом. А вдруг дело государственное? Неспроста же эти книги хранились под секретом? Отмеченный текст, фотография, загадочный Алексей, походя проявляющий необъяснимую осведомлённость в вопросах, на которые Константин Иосифович потратил не очень успешно всю свою жизнь. Всё так загадочно. Рационального объяснения не находилось. Как в анекдоте: смотрятся две цыганки в зеркало и удивляются — как они туда попали?

— Константин Иосифович, как там, у монаха, «если не замкнут уста свои...». — напомнил Алексей. — Он очень мучительно умирал в сумасшедшем доме. Перед смертью у него было короткое просветление ума, но... Принял священника за беса, так и умер без причастия.

Голос Алексея звучал напрямую в голове Константина Иосифовича. Это было очень странное чувство: слух пропал, а слова звучат.

Про монаха Алексей не придумал, но это совсем про другого монаха, так, к слову пришлось. Что сказано, то сделано.

Ночью у Константина Иосифовича случился удар, после которого он остался наполовину парализован и утратил способность членораздельно говорить.

На самом деле интуиция не обманула Константина Иосифовича. Явление, с которым он столкнулся, может быть описано так, как в злосчастном тексте, а может быть описано по-другому — без предвзятости и религиозного фанатизма. Вариантов много и все они известны. Тайна не нуждается в охране. Она сама себя охраняет, в том числе и такими текстами.

Французский, наряд шамана, как и многое, многое другое всего лишь неизбежные условности текущей реальности, как и то, что в ней есть только одна жизнь.

Кабинет небольшой, но помпезный. Дорогая, вычурная мебель, громоздкая для такого помещения. Пуленепробиваемые окна, специальные занавеси под роскошными двойными шторами. Всё выдаёт дурной вкус хозяина. Особенно умилительно смотрится на столе фотография себя любимого в позолоченной рамке.

Директор задумался — интересно, на какие мысли настраивает его кабинет? Надо как-нибудь попробовать взглянуть отстранённо. Ведь у кого ни спроси, правду не скажут.

К офису Директор подъехал во всеоружии властных побрякушек, полагающихся чиновнику такого ранга — мигалки, свистелки, кричалки, полицейский и спец эскорт с огнедышащими драконами: оказалось, что по пути в президентскую резиденцию. Как встречать дорогого гостя никто не знал. Шеф приказал работать, не глазеть — что такого особенного? Приехал Директор СБФ. Конечно, ему заняться больше не чем, вот он и ездит по офисам! Сотрудники делали вид, что увлечены работой, но один всё же не выдержал и встал чуть не по стойке смирно. Директору это понравилось. Ведь он встаёт, когда Президент входит.

При виде генерала, Гранин моментально превратился из господина Гранина в младшего по званию офицера. Службистская закалка проявляла себя автоматически: благоговейное отношение к начальству — это уже в крови. С другой стороны, он давно как гражданский, а в этой ситуации — глава компании и гостеприимный хозяин. В общем, голова кругом, особенно когда не знаешь, чем заслужил такое внимание, но знаешь, что внимание начальства чаще всего не к добру.

Когда-то они были на «ты», но как говорится, кто прошлое помянёт, того и вон. Гранин обращался на «вы», а Директор ему в этом не стал мешать.

Сам Гранин кофе обычно не пил и ничего в нем не понимает, но считал деловой этикет с кофе обязательным для серьёзной компании. После обмена дежурными любезностями, следовало бы спросить: по кофейку? А не слишком ли фамильярно прозвучит? Но всё решилось само.

Раздался лёгкий короткий стук, дверь кабинета открылась. В проёме, как на картине, возник живописный, сладострастный изгиб женского тела склонённого над небольшим разносом с чашечками кофе. Поза секретарши красноречиво говорила об опытности исполнительницы инсталляции.

Директор и Гранин понимающе переглянулись.

Новая секретарша — отставная любовница важного чиновника. Гранин не мог ему отказать и взял её на работу, правда, с испытательным сроком. Пренняя то, царство ей небесное, всё равно нужно было кого-то брать.

Когда кофе, выглядевший жалким поводом, для демонстрации абсолютной готовности пройти испытательный срок, всё же оказался перед ними на столе, и секретарша удалилась, Директор не удержался от ехидной улыбки:

— Ты попал!

— Зато красота какая! — искренне ответил Гранин и про себя подумал: и умница.

Кофейно-секретарская церемония подвела черту под вступительными любезностями, дышать стало легче, но ненадолго.

— Когда ты в последний раз видел Алексея? — буднично, как о пустяке, спросил Директор.

Земля под Граниним разверзлась, и он летел напрямиком в пасть дьявола! Можно было поиграть в дурака, а это значило в лучшем случае в дураках и остаться. Но имея дело с Директором, на лучшее надеется, не приходится. Гранин знал его по службе, раньше просто уважал, а сейчас ещё и боялся. Теперь нужно решить, кого он боится больше — Директора или Алексея? Ответить — значит Алексея сдать. Откуда Директор знает? Это вопрос дебила. Раз спрашивает, то знает наверняка. Не ответить? Тогда жопу придётся греть на шконке, а не в офисе.

— До Серой смерти — Гранин не стал влиять.

— За работу много берет? — Директор дал понять, что знает про заказ.

— Ничего не берет!

— Какой неправильный Робин Гуд! — удивился Директор.

— Да, я бы сам... — Гранин медленно сжал пальцы в кулак: — Этих сволочей передошил!

— Вот и надо было самому! Так и навык потеряешь. — Директора не интересовали подробности тяжёлой доли бизнесмена под гнетом криминала: — Передай ему, что я хочу с ним встретиться и как можно быстрее.

Контрастный поворот! Гранину показалось, что ослышался. Он непонимающе смотрел на Директора. Не ослышался! Разумеется, Алексей всё бросит и помчится в пасть ко льву.

— Передать можно... — Гранин отрицательно покачал головой: — Только он не сумасшедший.

— Я понимаю, как выглядит моя просьба. — Директор не стал играть в начальственные бирюльки и стращать карой земной: — Меня не интересует явка с повинной — ни твоя, ни его. Меня вообще не интересует, кто и на кого там наехал. Боле того, за ним тройной грех, который у нас не прощают. А я прощу.

— Попробую. — Гранин говорил неуверенно: — Лешка не тот случай, чтобы за него решать. — Гранин замялся — говорить, не говорить?: — Он условия может поставить.

— Условия? — искренне удивился Директор: — В его положении, он будет ставить условия?

— Послушай! — Гранин перешёл на «ты»: — Один к нему на встречу не ходи. Я видел, что он делает с людьми. Не раз видел. В страшном сне не присниться.

— В отчётах я этого не заметил. — Директор не обратил внимания на нарушенную субординацию.

— В отчётах?! — Гранин отбросил условности светской беседы: — Ты что сам в отчётах херню не писал? Все писали. И сейчас пишут, уверен. Да меня бы в психушку упекли... за отчёты. Прости. Ты генерал и хороший мужик. Я тебя предупредил.

— Спасибо! — Директор понимал, что большего от этого разговора он не добьётся: — С полицией я всё уладил — они тебя не знают, и знать не хотят.

Сказать ответное спасибо Гранин не решился. Спасибо за то, что отмазал? Тут «спасибом» не отделаешься. Умеет раком поставить, Директор. В кои веки толковый мужик, да на своём месте.

Уже на выходе из кабинета Директор подумал, что Гранин ему может быть полезен и в будущем. Почему бы заодно не сделать ещё одно доброе дело? Здравствуй, Дедушка Мороз!

— Я скажу Вениаминову, он с тобой свяжется. — Директор по лицу Гранина понял, что тот неправильно подумал: — У нас есть хорошая вакцина, исключительно для своих. Отнесись к этому серьёзно. А насчёт Алексея — это строго между нами.

Никита входит в двухэтажный мраморный туалет, напоминающий мавзолей. Открывает дверь, ведущую внутрь, и оказывается в просторном зале. Мраморные писсуары переполнены и из них течёт на пол. На ступеньках,

в нишах, в углублениях пола — голые и полураздетые тела. Они отдаются друг другу в самых разнообразных позах, при этом сладострастно стонут и оглядываются по сторонам. Одетыми ходят нерешительные. Кто-то справляет малую нужду прямо на стены, на пол. Моча ручейками стекает под сидящих, лежащих, дрочащих, трахающихся... Никиту властно взяла за руку сурового вида женщина и повела за собой, невозмутимо лавируя между кучами говна и голыми телами. Вместе они поехали на огромном грузовике и попали на стадион. Агрессивно бесновались трибуны, словно только и ждали появления Никиты. Они жаждали его унижения и смерти. Но всё расступилось, и грузовик выехал на ослепительно зелёный газон, раздавил траву и тяжело выбрался на автостраду. Остановились у отделения полиции с трёхзначным номером. Женщина писала протокол. Никита с полным равнодушием отвечал на вопросы, не слыша собственного голоса. Вдруг женщина вскочила из-за стола, разорвала исписанные листы и стала быстро раздеваться. Она оказалась мужчиной. А на столе у неё банка, в которой плавает голова Вовки и гримасничает. Голова разбита, как при падении на камни, волосы спутаны и залиты кровью, на лице следы Серой смерти.

Никита в ужасе открыл глаза, в горле пересохло. Он так быстро проснулся, что сон не успел исчезнуть, как это обычно бывает, и стоял перед глазами. Никита взглянул на часы — половина двенадцатого ночи. Он смотрел дурацкий фильм про зловещих мертвецов и уснул на диване.

Такое только от недотраха может присниться! Вовка не звонил, себе звонить запретил. Конспиратор херов! Заговорническая любовь оказалась утомительной. Лучше один раз потрахаться, чем десять раз об этом помечтать. Никита принял душ, облачился в сексапильные доспехи клубного прикида и на авто метле умчался в мир плотских удовольствий. Время вампиров, оборотней и тусовщиков. «Глаза у них исполнены любострастия и неперестанного греха; они прельщают неутвержденные души; сердце их приучено к любострастию: это сыны проклятия».

Клубная страстность в самом разгаре. Проститутки обоих полов ищут клиентов с тугим кошельком, завязываются мимолётные интрижки, а иногда и долгие связи. Здесь можно встретить счастливые пары и одиночество, смех и слезы, пьяный вздор и трезвый расчёт. Здесь секс доступен как рюмка водки, если есть деньги за неё заплатить. Здесь много молодости, красивых лиц и фигур. Это будущие мужья и жены, в свой черед папы и мамы, а уж затем бабушки и дедушки... А пока они — молодость, которая сама по себе грех! Красавец стриптизёр с грустными глазами отбивается от поклонниц и поклонников. Он мечтает встретить свою Джульетту, а до поры торгует своим телом. Молоденькая девчушка, вдолбила себе в голову, что

её Ромео будет непременно геем. Так и не найдут друг друга. Они не знают, что нет любви среди грубых наслаждений. Но всё же, кажется, что где-то рядом любовь, и она кружится в порочном омуте соблазна такая доступная и неуловимая!

Под потолком в танцевальных клетках призывно извиваются стройные мужские тела. Отбор туда строг и пристрастен. На попасть в клетку очередь, которую даже Серая смерть лишь слегка укоротила. Это не только работа, но и шанс стать баловнем судьбы. Однажды Никита соблазнился на юного танцора, а парень оказался в постели никаким как резиновая кукла. Не повезло обоим, случается!

В зеркальной комнате сомнамбулические мальчишечки-красотулечки уповательно танцуют сами с собой, словно по капле отдаваясь своим многочисленным отражениям.

В одном из баров в подвальчике, куда вход женщинам закрыт, в душевой кабине очередной Аполлон принимает стриптизный душ. Если у танцоров в зале есть хотя бы намёк на набедренные повязки, то у него из одежды лишь стыд его. Он слегка мастурбирует под струями воды, скромно потупив глаза.

На барном стуле, облокотясь на барную стойку, сидел пригорюнившись Виктор, приятель Никиты. Вероятно, думал о превратностях своей неопределённой сексуальной ориентации. Виктор парень мужского типа без пидовской придури в поведении, но женщину ему хотелось почему-то лишь в геевском окружении. Сегодня обломался. Казалось, нашёл, что ему нужно и потащил девчонку в тёмную комнату. Виктор не мог утерпеть, так ему хотелось.

Темнота дышала, глухо чавкала, постанывала, пахла грехом и потом. Жадно целуясь, они погружались вглубь, по пути сталкиваясь с другими парами, пока не упёрлись в потную стену. Виктор стал настойчиво разворачивать подружку лицом от себя, чтобы поставить её в позу задержанной бандитки. Но она упиралась, ухватившись за его джинсы, бестолково пытаясь их растегнуть. Наконец ширинка ей поддалась, и член Виктора вырвался из штанов на свободу. Подружка хотела насадиться спереди. Рядом в темноте молодые парни сосали друг у друга члены, трахались в задницу. Виктор настойчиво пригибал её голову. Подружка сдалась и взяла в рот, но делала минет так, как будто вот-вот подавится. Виктор запустил руки в её волосы, добрался до ушей и, удерживая их, начал энергично работать членом. Подружка негодуяще запыхтела, попыталась высвободиться, но партнёр не выпускал. Сзади в тесноте её подтолкнули на член Виктора, почти до самого горла. Подружка затарабанила кулаками по темноте и вырвалась. Пока она

разгибалась, кто-то облапил её за задницу, она отмахнулась, а чья-то рука уже шарилась между ног, но брезгливо отпрянула, нарвавшись на женщину. Девушка попыталась на ощупь найти Виктора. Его освободившийся член уже обрабатывали ртами сразу двое, их головы тёрлись о её бедра. Кое-как вырвавшись из липкого месива тел, растрёпанная, поправляя на ходу юбку, матерясь, она помчалась в лазерно-децебельное дискотечное пространство.

Так и не кончив ни в один из случайных ртов, Виктор не спеша выбрался из темной комнаты. И вот теперь сидит очередной раз в одиночестве.

— Почто киснем? — спросил Никита, подсаживаясь рядом с приятелем.

— Бабы дуры! — подвёл итог своим мыслям Виктор.

— Не знаю, не пробовал и не тянет. — Никита устроился поудобней: — А ты всё о том же.

Когда-то Никита и Виктор пытались замутить романчик, но у Виктора без женщины плохо стоял, а у Никиты с женщиной не стоял совсем. Остались приятелями.

Разговаривать особо не о чем, да тут и не поговоришь, перебросились дежурными пошлостями. Вдруг возмись и ни откуда нарисовалась Оленька, жопка голенька. Одета и раскрашена, как с панели. Её стиль — нарочитая вульгарность. Девушка она интеллектуальная, утончённая ценительница красоты, но при этом обожает грубые чувственные наслаждения.

— Ты куда пропал, зелёнка? — Оля обращалась к Никите. Зелёнкой она называла его за глаза в глаза.

— Может быть у меня личная жизнь? — слегка схабалил Никита.

— Господи, вся жизнь личная... Привет! — Оля чмокнула Никиту в щеку, а Виктору сказа: — Тебя, противный, целовать не буду.

Виктор сгрёб Олю за талию, но целовать не стал — давно уже отцеловались.

— Ой, да ладно! — Оля для виду посопротивлялась: — Я не собираюсь тебя отбивать. Я просто хочу погреться у костра вашей любви! Мужчины!

Девицы в геевских клубах своеобразны. Им нравится временный дефицит мачеподобных женолюбивых самцов, им нравится, что они выбирают партнеров сами и даже изредка побеждают в жестокой конкурентной борьбе. Здесь они отдыхают от роли сексуального объекта, которую вынуждены играть по своей природе. Перепутанность половых ролей добавляет новое измерение в сексуальное пространство. А наблюдать, как самец добивается самца — сплошное удовольствие! А как сладко при этом думается

о мужском сволочизме! Мало того, что не пропускают случая залезть под юбку бедняжкам женщинам, так ещё, оказывается, что кроме двух голов у них есть две прорехи, которые они стремятся либо заполнить мужчиной, либо по-мужски в них проникнуть. Даже самые лояльные к геям женщины, не говоря уже о прочих, в глубине души считают истинным для любви только женское естество. К любви между мужчинами они относятся в лучшем случае с сочувствием и показным пониманием. Какая такая любовь без женщины? Блядство одно!

Оля подседа к приятелям не спроста, она присмотрела кое-то для Виктора и повела его знакомить с очередной претенденткой на тёмную комнату. В одиночестве Никита не остался. К нему тут как тут подсел Серёженька. Ему на вид лет семнадцать. Большие обманчиво-наивные карие глаза, гибкое тело, хамская простота. Как бы сын вора в законе. Отец, прознав о наклонностях отпрыска, грозился убить. Серёженька подался в бега. Это ещё не самая дурацкая история из выдуманных о своей жизни, которую здесь можно услышать.

— Тут у тебя сидело чудовище двужопое, я стеснялся подойти. — без обиняков высказался Серёженька.

— Серёжа! — укорил Никита.

— Какой ты! — Серёженька не унимался: — А почему ты меня никогда не пригласишь?

Никита недовольно фыркнул. Серёжа давно набивается на секс и всегда нарывается на отказ. Но надежду он не теряет, и всякий раз подкатывает к Никите.

— Я тебя хочу, а ты меня совсем не любишь! — театрально вздохнул Серёженька и нырнул обратно в полумрак.

В танцзале взревела толпа. Наглая, подпитая деваха забралась на сцену и у всех на глазах отсосала у стриптизёра так, что парень кончил. За преданность клубу администрация тут же вручила отсосанному премиальный широкоформатный телевизор. Стриптизёры редко соглашаются на такую публичность, обычно раздеваются только до плавок. Не все хотят светить своё мужское достоинство, которое, может оказаться, не выдержит геевской критики. Парни любят, когда у парней побольше, да потолще. Герою вечера было, что показать.

Никита выходил из бара, когда его бесцеремонно облапил здоровенный парень. Про таких говорят — второй удар по крышке гроба! То же приятель:

раза два трахались. Шкафчик большой, да ключик маленький и полная девушка, хотя по виду не скажешь.

— Кирилл! Ну, облюнъявил всего. — отбивался Никита.

Кирилл отдыхал по-семейному: вместе с ним была жена, высокая красивая девушка, а вместе с ними то же молодая семейная пара. Пошли в небольшой ресторанчик, хорошо посидели. То, что мужа — любовники, это ясно, а женская половина? Никита не понял, да и неважно. Комедия во французском духе: сначала всё пристойно, потом — запутанно, затем оказывается, что все перетрахались! А напоследок — песенка.

На Никиту всё время заглядывался парень за соседним столиком. Красивый, слегка цыганистый. Они пересекались не впервые, но дальше гляделок дело не двигалось. Кто отважится на первый шаг? Никита уже интересовался у приятелей и, как выяснилось, нерешительность не при чём. Парень с норовом капризной красавицы — нуждается в реверансах, комплиментах и ухаживании, прежде чем позволить делать с собой всё что угодно. При этом воображает себя истинным мачо. Первым знакомиться, никогда не подходит. И не надо! Никита потерял к нему интерес, хотя и дразнил взглядами при случае.

По залу ползал маленький крокодильчик, он мешал официантам, они небрежно отпихивали его ногами. Крокодильчик, не успевал быстро обернуться, и ловил челюстями воздух, вместо лодыжки очередного обидчика. Ему хотелось цапнуть и кого-нибудь из гостей, но он боялся, что тогда его совсем раздавят, и всё же решился — пополз к столикам. Да не тут то было! Официант крепко ухватил крокодильчика за челюсти и забросил в большой фонтан посреди зала. Животное обиженно опустилось на дно. Лягушки заволновались, полезли на ненастоящие камни и выпрыгивали из фонтана под ноги посетителей, лопааясь под безжалостными каблуками как мыльные пузыри с глазами.

Через дорогу напротив клуба стоял одинокий монах и пел псалмы. Его не трогали. Охрану клуба это даже забавляло. Главное, что без хоругвеносцев и сумасшедших богомольцев.

По дороге домой то и дело попадались разбитые и брошенные автомобили, и даже — сгоревший танк. Светофоры сверкали всеми своими светом сразу, сливаясь с рекламой. Маленькие драконы сидели на фонарях, ворую электричество.

Гранин уверен, что это из-за него завертелись события и связались в тугой узел. А как же иначе? Для него это так и есть. Ещё пару месяцев назад Гранин думал, что вновь с Алексеем его свёл счастливый случай, теперь, вероятно, считает их встречу роковой случайностью. У каждого своя реальность. В реальности Алексея судьба Гранина сама по себе никакого значения не имела.

Люди не ровны от рождения, не потому что разные, а по тому, что не ровня, иначе они были бы толпой дебилов. Не многим суждено стать гостями в особняке, окружённом девственным лесом, но не ко всем кандидатам судьба благоволит. Иногда ей приходится помогать. Гранин лишь косвенно к этому причастен, он винтик в конструкции будущего и до поры должен был оставаться на своём месте.

На самом деле есть другой человек, которого эта ситуация, без вмешательства в неё, могла бы коснуться непосредственно или боком и в будущем откликнуться эхом, повлиять на расстановку фигур на шахматной доске жизни. Подопечный пока даже не подозревает о внимании к его судьбе. Давнее знакомство Алексея с Граниным — несущественная деталь задачи, будь на его месте Пупкин, или Тяпкин — это ничего бы не изменило.

Ангелы хранители? Отнюдь, нет, хотя так это может иногда выглядеть. Гроссмейстеры судеб? Нет, это не игра. Может быть рачительные садовники, устраивающие свой сад? Уже ближе. Но сад жизни — это не то, что может кому-то принадлежать. Доктора мира? Если так, то значит, очень плохие доктора. Или всего понемногу. Это упреждающее регулирование нежелательного вероятностного развития событий. Бескровным оно никогда не бывает, поэтому искать ему благопристойную словестную обёртку вряд ли стоит.

Не все проблемы решаются точечным ударом, как в случае с Граниным. Тогда на помощь приходит терроризм. Это исключительно человеческий способ общения политических противников между собой. Хранители не планируют, не организуют и не исполняют террористические акты, они их используют при необходимости в своих целях: создают обстоятельства, чтобы нужные люди оказались в нужное время, в нужном месте и в зоне максимального поражения. Техногенные и природные катастрофы тоже подходящий способ упреждающего регулирования.

Отличить точечный удар хранителей от криминальной разборки — невозможно. В долговременном плане пользы от таких операций больше, чем от убийства президентов и политиков, потому что многообразие будущего, сконцентрированное в настоящем, должно развиваться комплексно, а убийство президента — это выстрел, не сделанный в прошлом.

Способность Алексея предчувствовать ход событий недоступна обычно человеку, но она очень скромна, даже мизерна в сравнении с Пророчеством, которое открывается особой группе хранителей, когда они объединяются в коллективный разум. Так и Серая смерть не стала для хранителей неожиданностью, но стремительность катастрофы превзошла ожидания. Увы, и Пророчество не всегда поспекает за бурной действительностью, а то и вовсе меняется по неизвестным причинам.

Мысли о непредсказуемости Вселенной явно не гармонировали с обстановкой офиса Гранина. Процесс, ради которого Алексей выручил бывшего сослуживца, уже идёт своим чередом и о нём можно забыть. Теперь беспокоило другое. Почему судьба вновь подкинула Алексею именно Гранина, а не какого-нибудь Пупкина, что выглядело бы более вероятно? К этому вопросу следует добавить Константина Иосифовича. До кучи не хватало третьего. И вот он!

— Ты мне помог... — Гранин ходил из угла в угол своего помпезного кабинета и сейчас не был похож на фотографию себя любимого на столе: лица на нем не было, остатки седоватых волос взъерошены, глаза стыдливо бегали от взгляда Алексея: — Можно сказать, ты меня спас. Но пойми же, это Директор! В пыль сотрёт! Не мог я иначе... Я не знаю, откуда он всё знает. В чём-то мы прокололись.

В переводе без обиняков, это означает — прокололся ты Алексей, наследил, чего уж теперь?

— Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать. — загадочно ответил Алексей.

Гранин больше не нужен. Списывать в расход? Ещё когда служили вместе, у Алексея было дурное предчувствие, оно и сейчас есть, да время не пришло. В предчувствие нельзя вмешиваться, пока оно не раскрылось. Не в этот раз!

Кто жнёт там, где не сеял, пожнёт проблемы. Ребята-криминалы, разумеется, неправы. В отличие от них, Гранин собирал то, что не разбрасывал. В чём тут разница? В терминологии: то бандиты, а то бизнесмен. Не поделили то, что одинаково им не принадлежало. А ситуацию в тупик загнал Гранин: своей жадностью, снобизмом, своими корочками бывшего... Так загнал, что мирного пути не осталось. Про них писано: если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом.

— А что у тебя с лицом? — Алексей внимательно смотрел на Гранина: — Бледный какой. И дышать тебе трудно... А сердце сейчас так и выскочит!

Прижимая руку к груди, словно действительно не давая сердцу выскочить, задыхаясь, Гранин повалился на пол. В его глазах и страх, и мольба одновременно. Он порывался то ли крикнуть, то ли что-то сказать.

— Что? — Алексей склонился над Граниным: — Вот, я кричу: обида! и никто не слушает; вопию, и нет суда! Язык мой прильнул к гортани моей?

Алексей положил руку на грудь Гранина. Одно кроткое движение и для бывшего сослуживца всё закончилось. Убрал руку и слегка похлопал Гранина по щеке.

— Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а другому нерадеть. — процитировал Алексей, пока Гранин приходил в себя.

Сидя на полу, Гранин тупо смотрел на стену своего кабинета.

— Я не раз твою задницу спасал, а зря. — Алексей рассуждал вслух: — И сейчас пожалел зря. А ведь ты меня не пожалеешь. У тебя и в мыслях такого не будет. И слова мои тогда вспомнишь, но и это тебя не остановит. — Алексей кивнул головой в знак согласия с самим собой и продолжил приказом: — Передай! На даче. Он знает. Буду с шести вечера до полуночи. — Алексей усмехнулся каким-то своим мыслям: — Сегодня полнолуние, мне ещё в оборотня превращаться.

Под низким густым облачным покровом северного неба, переваливаясь с кочки на кочку, как неуклюжий жук, полз одинокий вездеход. Мотор монотонно рокотал, взрыкивал, если гусеницы попадали на зыбкую почву. Алексей не поехал по проторённой дороге, а решил срезать, чтобы сэкономить бензин, но нарвался на топкий участок тундры, низкая передача немилосердно сжирала остатки топлива. Выбравшись на твёрдую почву, прибавил газ. В ответ мотор чихнул несколько раз и заглох. Наступила тишина. Не дотянул. Бензин кончился. До буровой осталось километров пять.

Алексей выбрался из кабины, спрыгнул на землю. Вокруг бескрайнее пространство, но он привык. Человеку непривычному становится тоскливо от своей малости и незащищённости, а в одиночестве приходит страх потеряться в просторе, где все направления выглядят одинаково. Так кажется неопытному человеку. На самом деле тундра хотя и монотонная, но если ты знаешь дорогу, то ориентироваться не сложно, даже проще чем в лесу.

Алексей уверенно шёл к буровой. Расстраивала мысль, что назад придётся тащиться с канистрами. Это было последнее, о чём он подумал. Алексей

споткнулся обо что-то невидимое... Очнулся в неглубоком овраге. Невысоко над землёй кружил орёл. Редкая для этих мест птица. Зачем он залетел сюда? Алексей попытался вспомнить, как он здесь очутился, но ничего вспомнить не мог. Это не удивило и не напугало, потому что он знал что делать: это знание взялось из ниоткуда, и словно всегда было. Алексей пошёл в направлении, которое указывал орёл.

Питался ягодами, пил много воды и мучился от поноса. Думал ли он о чём-нибудь? Думал, но тут же забывал, о чём он думал. И так всё время. Ночью было холодно, и он думал об этом. Днём — не холодно. Шёл пока хватило сил. Тело перестало слушаться, лёг на мшистом холме. Облака рассеялись, и небо стало высоким до головокружения. Алексей забылся, а очнувшись, увидел себя, лежащим: смотрел на себя откуда-то со стороны. Охотники невдалеке и одновременно рядом с его телом, хотя его уже везут по тундре, а он лежит в крохотной палатке...

Очнулся Алексей в чуме на возвышении из веток деревьев, застланном звериной шкурой. С трудом повернул голову. По кругу у стен сидели люди. Рядом с его постелью распластанный ниц лежал человек в одежде шамана. Мощный раскат грома обрушился на чум, и наступила темнота, в которую врывались образы его прошлой жизни, но они ничего для него не значили и быстро угасали. Темноту сменил свет, который переливался цветами радуги. Иногда он видел себя совершенно другого, но он знал, что это именно он.

Алексей снова пришёл в себя, когда его куда-то везли. Дорога заняла много времени и болезненно прошла по всем клеточкам его тела. Алексей стонал и пытался встать, его напоили чем-то тёплым, безвкусным и он уснул. Проснулся в очень большой комнате с земляным полом, застланным хвоей вдоль стен. В центре — очаг, но без каких либо приспособлений для готовки пищи. Свет проникал через отверстие в конусообразном потолке-крыше. Алексея поместили у дальней стены от входа на широком, сбитом из досок топчане, застеленном как кровать. Он хотел приподняться, но комната поплыла перед глазами, наполнилась водой, и Алексей медленно тонул, а над ним сквозь прозрачную, колеблющуюся толщу пробивался солнечный свет.

В полусне Алексей чувствовал, как его обмывают тёплой водой и заворачивают в молодые берёзовые листья, которые превращаются в тысячи муравьёв и от их укусов тело начинает медленно гореть изнутри. Когда сознание вернулось окончательно, он лежал голый, обмазанный резко пахнущим жиром и тепло укрытый полотняной простынёю, а поверх — медвежьей шкурой.

Несколько дней его поили крепким бульоном из куропаток и ещё какой-то жидкостью, от которой нестерпимо хотелось справить нужду. Сам Алексей подняться не мог, его выводили, почти выносили, в отгороженное забором из ветвей место, усаживали на стульчак. Потом обмывали и снова возвращали на кровать. Силы постепенно возвращались. С большим трудом, но всё же он сам стал добираться до туалета.

За Алексеем ухаживали шаман и старуха. Им помогали две женщины, но они не смели проходить вглубь и подавали всё необходимое в центре комнаты. Иногда заходили какие-то люди, но не проходили, смотрели с порога.

По вечерам шаман появлялся вместе с помощником. Они раскладывали небольшой костёр из тонких сухих веток на принесённых углях. Ритмичные негромкие звуки бубна заполняли комнату. Шаман с отрешённым видом начинал незамысловатый танец, а когда заканчивал, помощник начинал рассказ о том, как трудно было разыскать душу Потерянного Человека. Духи трепетали от страха и отказывались указать путь. А всё потому, что Потерянный Человек был пронзён стрелой лука, оставленного Великим Шаманом в давние времена, когда шаманы своим могуществом не уступали Верховному Богу. Пришлось обратиться к Небесной Супруге. И сказала она, что душа Потерянного Человека от рождения принадлежит Великому Шаману и настало время воплощения. И горе тем, кто презрел обычаи и заветы предков, неискренне соблюдал законы своей земли, стал слаб духом. Ввергнет их Великий Шаман в дикое состояние, уподобит их хищным зверям, не ведающим ни добра, ни зла. Просите, чтобы он был благосклонен к вам. А когда Потерянный Человек станет его частью и плотью, соберите посвящённых, исполните над ним Белый обряд и чтите его — одного из семи Владык Верхнего и Нижнего миров и Государя ваших душ.

Из вечера в вечер этот рассказ обрастал всё новыми подробностями, уходил вглубь времён, пересекался с другими преданиями, постепенно вливаясь в общий исторический путь чуть не с сотворения мира.

Сначала Алексей был очень слаб, чтобы говорить, но с ним никто и не разговаривал. А когда силы стали прибавляться, он привык к собственному молчанию. Его понимали без слов. Ухода требовалось всё меньше. Алексей креп и перестал нуждаться в посторонней помощи. Ему принесли длинную до пят холщёвую рубаху. О себе Алексей всё помнил, помнил о том, что с ним приключилось в тундре, но не вспоминал об этом: он не чувствовал своей прошлой жизни, словно в прошлое сделали замораживающий укол. Алексей всё время пытался вспомнить что-то другое. Иногда ему это удавалось, и он погружался в мир образов, которые не мог выразить словами.

Вечерние посиделки продолжались. Однажды Алексей знаком руки остановил бесконечный рассказ. Долго разглядывал шамана и его помощника, их одежду. Раньше он просто лежал и слушал, словно происходящее его не интересовало. Шаман выглядел глубоким стариком, у него длинные, русые с обильной сединой волосы, завязанные сзади узлом. Лицо его, как маска печали. Его помощник — с виду обычный забулдыга.

Имя шамана Аку. По древней табели о рангах, он Великий шаман, каких в одно время во всём народе не может быть больше четырёх. Но Аку уже давно остался один. Конечно, нет-нет, да и появлялись соискатели-претенденты на высокое звание, но народ не обманешь. Люди любят развлечения, поэтому с удовольствием смотрят фокусы и ни за что не откажутся от дармовой выпивки неважно по какому поводу, пусть это объявление себя новым полным шаманом, или свадьба, или похороны. Угощение и водка заканчиваются, а новый день всё расставляет на свои места, хоть кем назовись. Шаманов пруд пруди! Они жгут себя углями, да протыкивают ножом, болтают с духами и дерутся друг с другом. Цирк сюда не приезжает, так хоть это — развлечение.

Только несведущие люди думают, что дар шамана передаётся по наследству. Да, часто это так выглядит, но наследственная предрасположенность, или, как сейчас говорят, гены, совершенно не причём. Жизненная сила Рода привлекает духов, ушедшие в иной мир достойные пращуров заботятся о благополучии Рода, а всеильные боги направляют судьбы людей и народа. От сцепления и взаимодействия этих сил зависит, кто и когда станет шаманом. Без высшей воли никакая наследственность не поможет. К тому же настоящий шаман никогда не пожелает своей судьбы сыну или дочери, он лишь смиряется, когда такое случается.

В роду Аку было много шаманов, но только двое из них Великие. Один — совсем уж легендарный предок, другой — прадед. Истории о нем до сих пор ходят в народе, как достоверное свидетельство шаманской силы. Но после прадеда целое поколение шаманов в их семье не было. Это не сказалось на здоровье, благополучии и достатке его потомков. Прадед заложил прочный фундамент их будущего, а его сила и после его смерти оберегала семью.

Аку в юности не думал о будущем шаманстве, хотя хорошо усвоил традиции и предания своего народа, выведывал их у стариков и с удовольствием пересказывал, сначала младшему брату как сказки перед сном, а потом и взрослым, чтобы скоротать долгие зимние вечера. От прадеда и, особенно от деда, с которого грамотность и любовь к книгам стала в семье нормой, осталась много рецептов лечебных настоев из трав, Аку, как ему казалось, в тайне, пробовал их готовить. Его мать, властная и гордая женщина,

по характеру — шаманка, по убеждениям — атеистка, однажды застала Аку за его экспериментами и пригрозила, что сожжёт дьявольские тетради, если он ещё раз к ним притронется.

Всё же, что должно было случиться, случилось и началось с болезни младшего двенадцатилетнего брата. Мальчик угасал от непонятной напасти с приступами жара. Ни врач, ни лекарства, ни шаман, которого мать допустила только из-за уговоров Аку, помочь ничем не смогли. Мальчика решили отправить в областную больницу. Аку был старше брата на пять лет, и ему невольно в детстве часто доставалась роль няньки, обычно в приказном порядке, и в разрушение собственных мальчишеских планов. Но младшенький рос ласковым, послушным и совершенно не обидчивым на раздражительность старшего брата и прирос к нему как хвостик, от которого можно отвязаться, только отрубив его, причинив боль обоим.

В ночь перед больницей мальчик вдруг начал припадочно, неистово метаться в кровати, выкрикивал в бреду непонятно что и в сознание больше не приходил. Только тогда Аку понял, в чём дело: духи не отпустят брата, пока Аку сам не придёт за ним. Дальше всё происходило как в тумане. Аку не отдал мальчика в больницу, своей решительностью изумив всех:

— Если он умрёт, то умрёт здесь, а в больнице он умрёт точно. Не мешайте мне!

Аку выходил брата: в дело пошли и дедовские настойки, и шаманские бубен и колотушка, и вся его ещё не крепкая молодая сила. Как-то само собой он не обращал ни на кого внимания и взрослые выполняли его то ли просьбы, то ли приказы. Через два дня и две ночи, непонятно как Аку ещё держался на ногах, мальчик пришёл в сознание и попросил:

— Постучи в бубен, мне так легче...

Не удивительно, что от такого напряжения, Аку сам слег. Потом рассказывали, что он проспал пять дней, это неправда, но почти сутки проспал, при этом несколько раз просыпался... во сне. Первый раз к нему пришли духи в образе молодого мужчины и красивой девушки. Они не назвали себя и, кажется, были не в обиде, хотя и пожурили Аку за то, что он не дал им поиграть со своим братом. Ничего дурного они ему бы не сделали. Аку всё же попросил у них прощения за своё вмешательство: он очень сильно любит своего брата, это единственное, что может сказать в своё оправдание. Проснувшись, второй раз, Аку увидел своего прадеда, который, вопреки тому, что естественно бы выглядело, был одет не в шаманский наряд, а в обычный костюм своего века. Он долго молчал, пристально глядя на правнука. Аку не решался заговорить первым.

— Ты всё сделал правильно. — наконец сказал прадед: — Тебе не нужно объяснять, что делать дальше. Ты сам всё знаешь. Но не рассчитывай на мою помощь, она тебе не нужна. Полагайся только на себя!

Шаман не может отказаться от своего предназначения, если откажется — умрёт, а следом за ним сгинет его семья и весь его род.

Третий раз Аку проснулся, словно на небесах, и смотрел в низ. Видел, как идёт на поправку братишка, видел как, закрывшись в своей комнате, не склонная к подобному выражению эмоций, плачет мать. Это слезы радости о спасённом сыне, и горькие слезы о другом сыне, о его предопределённой незавидной судьбе. Она мечтала, что он продолжит учёбу в институте, станет инженером, а может быть займётся наукой, переедет в большой город...

Слух о случившемся с Аку распространился быстро и не вызвал недоверия, или удивления: достаточно было сказать чей он правнук. С тех пор много воды утекло.

Дом на берегу озера, вдали от дорог и даже ближайший посёлок за сотню вёрст, построил дед Аку в паре с неким русским, о котором известно, что он был очень странным: местные считали его колдуном, мать отмалчивалась, если о нем заходила речь. Отец умер, когда Аку был маленький, и никакой памяти о нём не осталось, словно о человеке, который случайно зашёл в их семью и надолго не задержался. Даже фотографий не осталось. Тётка как-то разоткровенничалась и сказала, что настоящий отец Аку, тот самый русский, о котором сплетничали, что он живёт и с его матерью, и с её отцом. Ох уж эти семейные шкафы со скелетами! Ворошить эту историю Аку не стал.

Днём Алексей выходил из своего убежища. Пространство от входа в пристройку по периметру вглубь двора было отмечено связанным в бесконечную нить конским волосом. Эту границу никто не переходил кроме Аку и его помощника. Посторонние люди появлялись редко и, глядя с опаской, становились поодаль. Однажды женщина с безумными от страха глазами нарушила правила. Она приблизилась к Алексею. Говорила быстро и очень тихо. Алексей смог только разобрать, что она просила Великого о помощи. Он на всякий случай оглянулся. Рядом больше никого не было. Она обращалась к нему в лихорадочном возбуждении. Кто-то позвал Аку, который хотел вывести женщину из запретного пространства, но Алексей остановил его.

— Чего она хочет? — спросил Алексей.

— Она не может родить ребёнка. — объяснил Аку.

— Да, да. Я хочу ребёнка. — женщина немного успокоилась, но для уверенности крепко держалась за шамана.

— Тебе не нужна моя помощь. Ты родишь ребёнка. — перед глазами Алексея промелькнула череда образов, и он уверенно сказал: — Через две зимы от мужчины из другого народа. Но сын твой не узнает ни материнской, ни отцовской ласки, а род твой сгинет.

Женщину, онемевшую от страха, увели.

— Это жестоко? — спросил Алексей, обращаясь к Аку.

— Разве жестока река, если в неё броситься, не умея плавать? Разве жесток мороз, если от него не защититься? — ответил шаман.

Вокруг стояла вековая тайга, а не более привычная для Алексея лесотундра. От прошлого его отделяло километров сто на юг и пропасть между «той» жизнью и «этой».

После случая с женщиной начались приготовления к Белому обряду. На другом конце озера построили и украсили новый чум. Однажды утром Алексей увидел во дворе разложенную на земле одежду шамана. Всего было по трое. Он выбрал с вышивкой — берёза корнями вверх, и сорвал с одежды кучу ненужных побрякушек. На другой день принесли три кожи. На одну из них Алексей наступил ногой: эта кожа станет бубном. На третий день — три посоха, украшенных затейливой резьбой. Алексей выбрал орлиный.

Как-то вечером Аку принёс в кожаном мешочке деревянные таблички, напоминающие руны. Он разложил некоторые из них перед собой. Но Алексей изменил порядок табличек и прибавил несколько новых — это одно из его имён. Шаман надолго задумался. Они не поняли друг друга. Не удивительно — люди давно исказили древний язык ложными смыслами.

Однажды рано утром Алексей увидел во дворе Аку и с ним парня лет восемнадцати, невысокого, с тонкими не местными чертами лица. Шаман что-то объяснял своему спутнику. Появление Алексея изменило это тихое потаённое место: люди приезжали издалека, привнося суету и беспорядок. Всё труднее было оградить затворника от любопытства, а любопытных от беды. Аку неизменно сохранял невозмутимый вид, соблюдал законы гостеприимства и одновременно твёрдой рукой управлял своим хлопотным хозяйством. Алексей чувствовал его усталость и хотел упростить опеку. Но Аку и слышать об этом не хотел, сам приносил еду и воду, лично проверял все детали быта, а по вечерам надолго задерживался. Алексей узнал от него много интересного о шаманах, о северных народах, о местных обычаях и легендах.

— А где твой помощник? — спросил как-то Алексей про рассказчика замысловатых историй древности.

— Он глуп. Это его погубит. — скупое, не вдаваясь в объяснения, ответил шаман.

Аку случайно оказался рядом, когда охотники нашли Потерянного Человека: ездил к сыновьям, которые пасут оленье стадо. Что-то там показалось суеверным людям, но шаман не обратил внимания на их рассказ. Если верить всему, что говорят в этих местах, то удивления не напасёшься. Вроде бы сначала был странный как молоко туман, а потом в небе появился орёл, зовущий за собой, он и привёл к человеку, который только чудом мог здесь оказаться: например, с неба упасть, или черт его на себе привёз, а потом бросил погибать — иначе как? Да и собаки себя странно вели, будто нюх потеряли и всё к людям жались. Только не до фольклора, когда человек при смерти. Аку уже и не надеялся вернуть Алексея к жизни, но молодой организм справился. Помощник Аку по пьянке вдобавок к рассказу пастухов сочинил историю с Великим Шаманом. Слухи не удержишь! Молва разрослась, и Аку ничего не мог с этим поделать. А теперь уж бог рассудит!

Аку давно перестал расстраиваться из-за нерадивости, или глупости своих помощников, потому что других не было. Он не видел себе замены в многочисленном семействе. Ни рядом, ни вокруг, ни далеко не было никого, кому бы он мог передать свои знания и опыт, на кого бы он мог положиться в своих шаманских обязанностях. В последнее время Аку часто вынуждено привлекал младшего сына вместо помощника. К счастью Валера не подавал никаких шаманских надежд и был полезен лишь сыновьей подконтрольностью. Впрочем, высшим силам иногда достаточно и такого соучастия, чтобы сделать свой очередной выбор. Аку молился о том, чтобы этого не случилось. Сейчас, когда много дел, выбирать не приходилось. Обычный помощник Аку занимался с гостями, пил с ними водку, честным голосом рассказывал небылицы, а по утрам мучился с похмелья.

Когда Аку в очередной раз давал распоряжения сыну, рядом с ними неожиданно появился Алексей. В такое время гость ещё обычно спал. Аку не хотел сводить их вместе, опасаясь, что сын непременно что-нибудь отчудит, да видимо, деваться некуда. Валера смотрел на загадочного гостя с любопытством и хитро улыбался.

С тех пор Валера часто заменял Аку. Их отношения быстро стали дружескими. Малоразговорчивый, но смешливый и жизнерадостный, Валера порой заменял слова мимикой и жестам. Когда никто не видел, он пародировал церемониальность отца или изображал злого Чёрного Шамана.

— Ну, ты ещё моего дядю не видел. Представь, такой важный и раз в говно наступил...

Белый день приближался. Накануне собрались шаманы. Их было девять. Некоторые приехали издалека. Алексей молчал. Молчали и гости. Отрешённая, враждебная сосредоточенность. По своей воле они не допустили бы коронации пришельца. Нет пророка в своём отечестве! Сознание простых людей темно, они суеверны, им нечего терять, они бедны и могут легко попасть в сети юного проходимца. Что тогда станет с их властью? За ними люди, стада оленей, обширная и богатая земля, деньги. Кое-кто, да не укажут на него пальцем, уже освоил переправку наркотиков с юга в северные промышленные центры. Разве можно рисковать из-за этого юнца, возомнившего о себе неизвестно что? А если Аку прав и перед ними тот, чья власть неоспорима? По здравому рассуждению, такого не может быть никогда. Но молва уже сделала своё дело. Народ не поймёт их, если они откажутся участвовать в Белом обряде. Аку, чьё слово ни за страх, ни за деньги не купишь, встал на сторону пришлого. Они не могут не подчиниться, а подчинившись назад хода нет. Подрывать авторитет Великого шамана — значит рубить сук, на котором сидишь.

Шаманам необязательно друг с другом разговаривать. Молчаливая встреча продолжалась недолго. Алексей сделал знак рукой и все вышли.

На другой день приготовления были закончены. К полудню принесли воду для умывания. За пристройкой стояла кабинка: четыре столба, обтянутые брезентом с брезентовым же потолком. Валера всегда тактично отворачивался, пока Алексей мылся и только в завершение процедуры обливал его из кожаного ковша водой.

С белой повязкой на голове, в новой длиннополой рубашке из плотного белого полотна, в мягкой, расшитой бисером обуви, Алексей сел в лодку. Валера — на вёслах. Он грёб не спеша. Прошло не меньше часа, когда они причалили берегу, где их уже ждали.

Сначала Алексей прошёл через короткий живой коридор из детей и подростков. Те, кому по 8–10 лет держали в руках молодые берёзовые веточки, за их спинами стояли старшие. Об этом дне они будут рассказывать своим детям и внукам. Неизвестно, какому поколению ещё выпадет Белый обряд. Участвуя в нем, благотворно сказывается всю жизнь.

Костёр горел с ночи. Люди собрались вокруг одной семьёй. Пели песни, слушали рассказчика, вторили ему, когда он давал команду, словно участвовали в сказочных приключениях богов, героев, шаманов. Звук бубна опускался в низину, отражался от озёрной глади и уходил далеко-далеко...

Зрители с детьми сидели невдалеке от костра прямо на земле. Алексей встал рядом с костром, повернувшись навстречу солнцу. Сначала зазвучал один бубен, потом ещё. На открытом воздухе звук быстро затухал, но ритм всё ускорялся и вот уже нельзя различить голос отдельного бубна: все голоса слились, образовав плотное ритмическое пространство. Шаманы исполняли каждый свой особый танец. Сначала медленные и разрозненные, движения, становились всё более энергичными и достигли исступления, когда наступил резонанс, и слились в одно целое звук и танец. Но Алексей этого не видел. Он стремительно поднимался вверх, как будто его втягивал перевёрнутый небесный водоворот, сходящийся где-то высоко в яркую точку. Внезапно всё стало хрупким и рассыпалось на мириады частей, наступила абсолютная темнота и тишина. Невозможно сказать, сколько это продолжалось: может быть долго, может быть одно мгновение. Время исчезло. Пространство остановилось. Оно только изменялось вокруг беззвучно и неуловимо быстро: везде и нигде. И вот он уже падает в чёрный колодец, который внезапно обрывается. В бескрайнем, залитом солнечным светом пространстве справа летит белая орлица, слева — огромная чёрная птица со стальным клювом и стальными когтями. Орлица не успевает, добыча достаётся чёрной птице, которая терзает и рвёт Алексея на части. Но он не чувствует боли. Куски его тела летят в разные стороны, их подхватывают и едят какие-то уродливые создания. Стальные когти разрывают его голову. Белая орлица успевает подхватить лишь небольшой кусочек растерзанной плоти. Стальной клюв чёрной птицы впивается в его в сердце, и оно разрывается с чудовищной болью.

Алексей очнулся от собственного крика. Он лежал в чуме. Уже стемнело. Монотонным голосом, хорошо знакомый рассказчик-забулдыга, излагал свою версию событий:

— И Белая Орлица вступила в бой с Чёрной птицей со стальным клювом и стальными когтями. Но силы были неравными. Чёрная птица была такой большой, что тень от неё, падая на землю, погружала во тьму расстояние трёх дней пути.

Рассказчик замолчал. Алексей попробовал подняться и у него это сразу получилось. Он не чувствовал никакой усталости, наоборот — сила вливалась в тело. Дымка, которой раньше были подёрнуты воспоминания о прошлом, пропала.

Церемония продолжалась. В чуме находились все шаманы. После чудесного возвращения Алексея, каждый подошёл и оставил у его ног по белому камешку, укладывая их так, что получился круг. Сначала Алексей положил в центр круга свой бубен и прочитал над огнём заклинание для бубна, потом он поставил в центр круга свой посох и прочитал заклинание для

посоха, потом он положил в центр круга свой белый камешек и склонился над своей, расстеленной на земле одеждой шамана. Участники церемонии по одному подняли с земли свои камушки, и вышли из чума. При их появлении зрители, которые всё это время находились снаружи, выразили свой восторг громкими криками, очень напоминающими пьяное «Ура!». В чум зашёл Валера, хитро прищуриваясь, он почему-то пожал Алексею руку в знак поздравления, потом стал помогать одеться, хотя нужды в такой помощи не было. Только тогда Алексей сообразил, что его друг навеселе. Впрочем, навеселе были все. У костра разложена снедь, в стаканах водка. Появление Алексея вызвало неподдельный восторг пьяных людей. Он чувствовал себя не в своей тарелке из-за непривычной одежды и оказанного ему внимания. Валера, что называется, подсуетился и протягивал до краёв наполненный стакан водки. Алексей выпил и сорвал возгласы одобрения.

Весельной лодки уже не было. Возвращались они на моторке лихо, с ветерком и элементами водного слалома. Причаливая, Валера газанул, лодка выскочила на пологий берег чуть не по самый мотор, что, очевидно, считалось особым шиком. В доме пир шёл горой. Алексея ещё побаивались, но раз он среди них, значит всё уже позади. Водка лилась рекой, попойка стала всеобщей. Алексей быстро отключился.

Утром проснулся на кровати в мучительном похмелье. На полу на шкурах спал Валера. Невыносимо давил сушняк. Алексей сел на кровати, его мутило. Он не знал, в каком месте дома находится и куда нужно идти.

— Валера! — позвал Алексей.

Но Валера не реагировал. Алексей сполз на пол, встал на карачки и тормошил друга, но тот что-то мычал и не сдавался. В конце концов, Алексей лёг рядом и забылся в послепьяночном бреду. Так их и застал Аку. Он принёс таз и стакан с мутной жидкостью.

— Пей! Быстрее пройдёт. — приказал Аку.

Алексей недоверчиво покосился на стакан и не обратил внимания на тазик:

— Я, вообще-то, не опохмеляюсь, обычно...

Аку засмеялся. Алексей впервые видел его смеющимся.

— Вчера всю водку за сто вёрст выпили, так что на опохмелку и не рассчитывай! — объяснил Аку.

Алексей зажмурился и выпил. Первую минуту — так-сяк, но дальше... Желудок забурлил и стал выдавать на-гора всё, что вчера принял. Алексей блевал,

издавая утробные звуки. Валера проснулся. Облокотившись на руку, наблюдал за процессом.

— Ну, ты по взрослому! — как бы с уважением прокомментировал Валера.

Алексею было не до шуток. Ему казалось, что он выbleвал всё до последней капли вместе с желудком и мозгами.

— Помоги лучше. Ему таким показываться нельзя. — сказал сыну Аку.

— Да, ясно, чего там... — согласился Валера.

— И нужду справь... сюда же. — Аку обращался к Алексею.

Стыдно! Алексей замялся.

— Давай, давай. Тебе сейчас не нужно выходить на люди... — понуждал Аку.

Алексей смирился. Моча барабанила по тазику, как набатный колокол.

— Эх, не расплескать бы! — Валера взял тазик: — А может, покажем?

Аку свирепо взглянул на сына и рыкнул:

— Воды принеси умыться! Разговорился!

Гости разъехались. Наступили будни. Алексей помогал по хозяйству, и, считай, всё время проводил с Валерой. О недавних событиях не говорили, словно их и не было. Только иногда Алексей ловил на себе настороженные взгляды домочадцев. Всё же его сторонились. В доме и пристройках жили десять человек — родственники и работники, время от времени появлялись ещё какие-то люди. Аку был занят своими делами, но только делал вид, что не обращает внимания на Алексея, который сначала маялся от неприкаянности, а потом стал сам браться за любую работу. Валера быстро понял преимущество такого положения: Алексей выполнял всё, что он ему поручал, а поручал он то, чего не хотел делать сам, бессовестно отлынивая от своих обязанностей. Аку терпел не долго. Однажды застав Валеру спящим в сарае он отходил его попавшейся под руку палкой.

Они так и спали в одной комнате: Валера — на полу, Алексей — на кровати. Вечером побитый ворочался и кряхтел, пристраивая свои синяки поудобней.

— Давай поменяемся. — предложил Алексей.

— Ну да, ты хочешь, чтобы он меня совсем убил? — отказался Валера.

— Не хочу. Тогда иди ко мне. — не унимался Алексей.

— О! Тогда точно убьёт! — Валера сделал страшное лицо.

— Да, жаль будет. — Алексей посочувствовал: — Такого красивого — и убьёт!

— Это девки красивые, а я симпатичный! — с довольной улыбкой ответил Валера: — Отстань! Знаю я вас, шаманов.

Три недели после Белого обряда пролетели быстро. Алексей думал, как поступить дальше. Вернуться? Куда и зачем? Его уже наверняка записали в без вести пропавшие. Так лучше, чем объяснять то, что объяснить невозможно. Да и сожалений о прошлом нет, потому что есть предчувствие другого будущего. Алексей отложил решение. Однажды вечером Аку застал его во дворе сидящим на завалинке заколоченной пристройки, где ещё недавно Алексей привыкал к своему новому состоянию.

— Я не тот за кого меня принимают. — Алексей пристально смотрел в глаза шаману: — Ты один это понимаешь.

— Ты просто молодой человек, которому нужна помощь. — ответил Аку, приземляя тему разговора.

— Я то же об этом. — Алексей усмехнулся: — Я не более сумасшедший, чем твои соплеменники.

— Ты не сумасшедший. — теперь Аку пристально смотрел на Алексея: — Я стар. Кто-то должен меня заменить.

Обычно, шаманы знают, сколько поколений у них в роду смогут общаться с духами. Они так же знают, какой срок отпущен лично им: сколько шаманских одеяний они сменят, сколько бубнов придёт в негодность, прежде чем путь в другую реальность для них закроется.

Алексей отрицательно покачал головой:

— Это буду не я. Ты помнишь женщину, которая ко мне обращалась? У неё родится сын. Он сменит тебя, когда придёт время. А оно придёт ещё не скоро. Ты выглядишь старше, потому что ты шаман. Я вернусь сюда, когда мне больше некуда будет возвращаться.

Некоторые предчувствия были очень конкретными: Алексей знал, что случится именно так. Он не задумывался о том, откуда и почему он это знает. Задуматься о чём-то — это значит объяснить себе словами. Наедине с собой он не думал в привычном смысле. Его другая память и знания — это образы, которым он не искал вербального соответствия. Экзорцист в лице Алексея нашёл бы себе поле деятельности на наглядном примере одержимостью бесом.

— Ты Великий шаман нашего народа. — Аку не лукавил, теперь это действительно так, даже формально: Белый обряд — это народное признание, что бы там ни было на самом деле: — Ты можешь вернуться в любое время.

Вот всё и решилось.

На другом конце озера заходило солнце, казалось, что оно опуститься прямо в воду. Тайга о чём-то шепталась с птицами. Воздух такой густой и вкусный, что его можно мазать прямо на хлеб. Скоро в доме зажгут свечи, и он станет волшебным. Дом построен из лиственницы так давно, что дерево превратилось в камень. Алексей пробовал — гвоздь забить нельзя и не всякое сверло берет. Очевидно, это связано с особенностями микроклимата вокруг озера. Каждое дерево для построек было срублено с разрешения духов тайги. Дом по местным меркам огромный — двухэтажный, с комнатами, с большим залом. Подсобные помещения и пристройки делают весь ансамбль похожим на маленький замок на берегу. А про Озеро говорят: оно такое глубокое, что утонувший не всплывает никогда.

Завершив обсуждение деталей предстоящей операции по встрече с Алексеем, Директор отпустил Вениаминова и в тему решил разобраться с вопросом попроще. Родственница Константина Иосифовича проявила пробивной талант с божьей помощью, как посчитала. Воспользовавшись записной книжкой старца, она вынесла мозги референтам, разыскивая генерала командующего магией. Имя Константина Иосифовича далеко не на слуху в ведомстве, так что разобрались не сразу. Оказывается, старца разбил паралич, впрочем, не удивительный в его возрасте, но родственница говорила об убийстве.

Когда соединили, Директор представился.

— Божички! — зарокотала трубка: — Спасибо вам, добрый человек, что уважили. Костеньку то убил дьявол окаянный!

Далее последовала невнятица. Родственница оказалась из числа тех, кто общается не с собеседником на другом конце линии, а с телефонной трубкой, которая видит мимику и жесты дополняющие, а иногда и вовсе заменяющие слова.

— Я понял! — остановил разговор Директор: — Я заеду к вам ближе к вечеру, и вы мне всё расскажите.

Отдав распоряжение, чтобы выяснили адрес и подготовили выезд, Директор поймал себя на мысли, что начинает раздражаться. Вполне вероятно,

каким-то боком Алексей отметил у старца, который что-то, через столько лет, хотел сообщить о Грибове. До этого ли сейчас? Кто такой Алексей? Тьфу, и растереть! Прощтрафившийся сотрудник с путаной жизнью и сомнительными связями. Директору Алексей не нужен, нужен Андре. А штрафник, если ума хватит, может ещё послужить родине в подобающем ему качестве.

По дороге на дачу Директор заехал к родственнице Константина Иосифовича.

— Сын Сатаны! У него их много. Слуга Антихриста! — взялась за прежние женщина: — Говорила я Костеньке — не привечай! У меня кошка в угол забивалась, когда он приходил. Да я и сама чувствую! Сердце заходится. Уж и молюсь, и крест кладу... Я ведь слышала. Когда он уходил он так и сказал... Божички мои, так и сказал...

Директор не стал её перебивать. На рабочем столе лежал незаконченный перевод книги из библиотеки Грибова. Внимание Директора привлёк большой абзац, жирно обведённый карандашом:

«... Человеческие тела они снашивают как одежду и переселяются в новые. Живут в разврате и нечестивости, даже сам дьявол не может с ними справиться и исполняет их просьбы ...».

Дочитав до этого места, Директор положил лист на место. Вот до чего могут довести оккультные страсти! Неудивительно, что занятия оккультизмом рано или поздно сказываются на здоровье.

Под аккомпанемент непрекращающихся причитаний родственницы старца, Директор автоматически, по привычке к порядку, стал поправлять, лежащие на столе как попало листы. Из-под одного из них выглянула бумажная копия фотографии: Алексей в забавном облачении! Не удивляет! Уже не удивляет. Директор хотел показать фотографию родственнице для опознания, но передумал: вдруг и её паралич разобьёт! И так, всё ясно.

— Вот я и хочу заявление написать. — подытожила родственница: — Вам писать?

— Мне? — не понял сразу Директор: — Вы об этом... В полицию. — лицо родственницы стало недоверчивым, Директор успокоил: — Они нам передадут, если что.

По дороге на дачу Директор представлял себе лицо офицера полиции, читающего заявление родственницы Константина Иосифовича. Посмотрим, посмотрим, так ли страшен черт, как его малюют! С дачи Алексею не улизнуть, даже если он попробует улететь на метле, или на чём там сейчас летают колдуны?

Дача — это своеобразный гибрид современного строительства и деревянного зодчества. Сначала у Марины была мысль её перестроить, потом инновационный зуд утих. Кое-что подремонтировали, но не более. Проходя через двор, Директор увидел, что Алексей ждёт его на семейной веранде. Это неприятно: незнакомый человек распоряжается как у себя дома. И как вошёл? Словно тут проходной двор!

При появлении Директора Алексей вежливо встал, обозначил лёгким кивком головы приветствие. Здраваться за руку и лобызаться — не стали.

— Не нарушай межи ближнего твоего. — Алексей видел написанное на лице Директора раздражение: — Извините. Когда-то это был и мой дом.

Директор оценивающе смотрел на Алексея. Выглядит моложе своего возраста. Крепок. Мужчина в полном расцвете сил. Такие женщинам нравятся. Самоуверен, как бы ни до наглости, хотя возможно, что и до наглости. Одет небрежно или такой стиль. А ему бы пошла форма офицера Вермахта: внешность арийская, характер стойкий, нордический. Этакая голубоглазая и светловолосая бестия. А рога и хвост где?

Алексею Директор показался непримечательным. Есть такие на вид фоновые люди. Скрытен. Абсолютно недоверчив. Мощный самоконтроль. По характеру не крут, потому что спокойно жесток. Одним словом, Директор!

Не дожидаясь приглашения, Алексей сел, окинул взглядом вид с веранды:

— Тишь да гладь, да божья благодать.

А всё-таки наглец! Директор подошёл к окну веранды и присел на подоконник: так по-домашнему!

Пауза стала неприличной.

— Согласен. — ответил Алексей на молчание Директора: — При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен. И всё же?

— Собственно лично вы меня мало интересуете — Директор сразу приступил к главной теме: — От вас нужно, чтобы вы передали Андре, что я хочу с ним встретиться.

— Всё мне позволительно, но не всё полезно! — удивился Алексей ещё чуть-чуть бы и до смеха: просьба позабавила: — Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих?

Цитатник ходячий! Директора так просто не проймёшь:

— А когда вы в священниках успели побывать?

— Давно... — Алексей сделал лёгкий жест рукой: — Ещё до Библии.

— Разумеется! — усмехнулся Директор: — Вы её и написали.

— Нет. — с сожалением сказал Алексей: — У меня бы так не получилось.

Алексей любит цитаты до греха цитирования. Зачем ломать голову над ответом? Обо всём в мире уже подумано и обо всём сказано. Нужно только выбрать удобное сейчас. Если завтра потребуется наоборот, и то найдётся. У бога всего много.

— Мне кажется, вы не понимаете своего положения. — в голосе Директора звучали ноты превосходства: — Полагаю, что в обмен на вашу свободу, Анде согласится встретиться. Мне почему-то кажется, что он ценит вас не только за эрудицию. Я не зову его сюда, мы можем встретиться где-нибудь в Европе.

— Слова мои от искренности моего сердца, да скрытно разложены по земле силки для него и западни на дороге. — Алексей тяжело вздохнул: — Но люди не умеют быть не вполне гнусны, ни совершенно честны!

— То же из Библии? — Директору показалось, что Алексей так тянет время.

— Нет. Макиавелли. — пояснил Алексей: — Почитайте. Полезно.

— У нас хорошая библиотека. — сообщил Директор: — Вам понравится. Я читал ваши характеристики по спецкурсу. Вы хладнокровный, расчётливый игрок. Вы не станете пускать себе пулю в лоб, или хватать меня за шкуру, что впрочем, одно и то же. Это глупо. Вы будете до конца надеяться, что сможете нас переиграть. Вы профессиональный человек и как профессионал должны понимать, что отсюда у вас нет другого выхода, кроме как стать читателем нашей библиотеки. Я здесь, потому что не хочу, чтобы вы наделали непоправимых глупостей. Не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал. Это усложнит наше дальнейшее общение. На этом этапе вы проиграли, но кто знает, что нас ждёт в будущем?

— Вы не знаете, а я знаю. — Алексей был совершенно спокоен: — Не пойму, зачем вам Андре, но вы ему не нужны. Да и мне тоже. Я сделал вам одолжение, согласился на встречу, а вы устроили мне ловушку. Но... Почитайте Макиавелли. С вами, я и вы, мы ещё встретимся и опять по разные стороны баррикады. Вам предстоит долгая жизнь, но умрёте вы не от старости. Вас убьёт ваша совесть. Что касается меня, то рад бы был ходить путём добрых и держатся стезей праведников. Да я из тех, которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы.

Разговор становится бессмысленным. Но удар держит хорошо. Школа. Наша школа! Директор хотел подать условный знак с веранды, но Алексей не дал ему этого сделать.

— Сядьте на стул. — Алексей смотрел на Директора, добродушно улыбаясь: — А то вывалитесь из окна, стекло разобьёте, порежетесь, ударитесь. От греха...

Директор выполнил просьбу Алексея, не понимая, что происходит: почему он не подал знак, почему он садится на стул?

Алексей ожидал, что ему устроят засаду: спецназ с сетями, газ, или что там они для него приготовили? Сначала захватить, а уж потом и разговаривать — нормальная спецслужбистская подлость. Что из этого бы получилось — другой вопрос. Но Директор отличился личной доблестью и заботой о подчинённых. Так войны не выигрывают! Впрочем, о том, что драка не состоится, Алексей не жалел. Интуитивно Директор поступил правильно, хотя осознанно исходил из ложных посылок и самоуверенности.

Захватить Алексея можно только убив сразу. Да вот убить его может, разве что шальная пуля. Снайпер снаружи, замечательный, не знающий промаха снайпер, промахнётся, в сети окажется сослуживец, а не золотая рыбка и так далее. Физическая уязвимость Алексея с лихвой компенсировалась его необычными возможностями, специальной подготовкой и большим опытом. А если учесть полное отсутствие моральных запретов в достижении цели, тем более если цель — спасение себя красивого, то потери у нападающих будут ужасны.

— Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — всё суета! — подвёл итог Алексей, встал, прошёлся по веранде, хотел помахать ручкой замаскированному оцеплению на прощание, но не стал. Вдруг у снайпера сдадут нервы? Чтобы не испытывать свою судьбу и психическое здоровье спецназовцев, отошёл в глубь веранды. Но Директора избавлять от предстоящего зрелища Алексей не стал: пусть помучается в догадках, заслужил своей подлостью, хотя оказался всё же недостаточно подл.

Перед Алексеем появился вроде как лист стекла стоящий на ребре, примерно два на два метра, по листу прошла рябь как по воде, кажется это действительно вода, она стала уплотняться: сначала это было похоже на дупло, фигура обретала подробности и со всей очевидностью трансформировалась в бесстыдно раскрытую трепещущую вагину, в отличие от натуральной, у неё были два клитора — сверху и снизу. Вагина изнывала и даже кажется, хлюпала. Алексей уверенно шагнул в неё. Лишь бы не месячные! Какой-то миг казалось, что он завис в воздухе, но нет. Это всего лишь его одежда: внезапно лишённая тела она упала. Половые губы сомкнулись и вагина исчезла.

Директор пошевелился. Нормально. Встал. Нормально, ничего не мешало. Подошёл к одежде на полу: застёгнута на все пуговицы — человек из неё

испарился! Директор дотронулся ногой до одежды — вдруг там что-нибудь осталось? Ничего не осталось. Алексей делал рукой какой-то знак: Директор хотел было повторить его движение, но замер и отказался от этой мысли — что если зловещая половая щель разверзнется снова?

Вспомнился пассаж Гранина об отчётах. Действительно, доведись о таком отчитываться, и как быть? Пизда съела? Директору такой отчёт не понравился бы, хорошо, что он избавлен от необходимости отчитываться самому себе. Мысль об этом возвратила к реальности. К операции чего только не подготовили, разве что чесноком не запаслись, святой водой и серебряными пулями, а напрасно. Отбой! Не провал же! Но провал полный.

А в это время под окнами многоэтажного офисного здания собралась кучка любопытных. Откуда-то сверху на асфальт свалился голый мужик и, судя по всему, свалился насмерть. Вероятно, выпал, или выбросился, или выбросили из окна порностудии. И чего только в жизни не бывает? Подбежала охрана здания: все помещения на кондиционировании, окна шумо и пылезащитные, их запросто не откроешь, пожарные выходы и аварийные лестницы — на обратной стороне. Охрана с удивлением смотрела вверх: разбитых стёкол вроде не видно и тело без порезов. Вызвали полицию.

«Переходу» Алексея научили братья по разуму, но он ещё не до конца освоил эту технологию. Физических ощущений во время процесса нет, но ментально впечатление, словно размазан на все четыре стороны света и по зениту, и по надиру. Попробуй тут разобраться с направлением. Ошибка может обойтись дорого: окажешься на Луне или в другой галактике. Теоретически, назад вернуться возможно, а практически, голому в космосе не место. «Переход» — только для разумных существ: ни весточки тебе, ни посылочки, ни одежды он не принимает. Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращаюсь — мог бы сказать по этому случаю Алексей, но по непонятной причине его тело превозмогло разум и вывалилось из «перехода» раньше, поэтому прокомментировать своё положение не могло. Так всегда бывает, если пренебрегши теоретической подготовкой, устремляешься к практике. Когда разум подоспел к месту встречи с телом, тела на месте не оказалось. Исполнив все формальности связанные со странным происшествием, полицейские отправили покойника в морг. Вот незадача!

Дежурный патологоанатом Иосиф Самуилович Фельдман бегло просмотрел сопроводительные документы, поворчал, что опять не порядок: после Серой смерти в полицию пришло много новичков и при оформлении тел допускается куча ошибок как процессуальных, так и, по сути. Падение

с неустановленной высоты... Даже споткнувшись, хотя бы нос разобьёшь, а тут падением и не пахнет. Осмотрел новенького покойника: совсем свеженький, как только что из ванной, без следов агонии, тело точёное — так и просится на вскрытие! Но на очереди грузная мадам, погибшая в автоаварии. Интересно, теперь всех будут привозить голышом, или это в порядке исключения? Надо будет проверить на изнасилование как прижизненное, так и посмертное: плотская красота — это судьба, иногда к счастью, иногда к сожалению. О, старик Фельдман многое повидал на своём веку!

Подготавливая инструменты для общения с телом и содержимым грузной мадам, Фельдман спиной почувствовал непорядок. У евреев такая история за спиной, что непорядок они чувствуют всеми частями тела. Что ж в этом удивительного? Оглянувшись, Иосиф Самуилович увидел архангела, только без крыльев и с неприкрытыми мужскими причиндалами. Уж лучше бы с крыльями, а не с биркой на ноге.

Страшный сон патологоанатома — вскрытие ещё живого человека. Но практически об этом неизвестно. Даже если предположить фантастическое сцепление обстоятельств в результате, которых живой покойник попадёт под аутопсию, то кто же признается, что пациент умер от вскрытия? Ожившие покойники из той же серии страшилок, хотя один случай воскресения из мёртвых хорошо известен, но обсуждению он не подлежит.

Разум Алексея, таки воссоединившись с телом, обнаружил, что находится в невесёлой компании мертвецов. Это неприятно, но могло быть значительно хуже. Недолго побродив по вечернему моргу, Алексей предстал перед Иосифом Самуиловичем. Старик Фельдман не обрадовался встрече: победа жизни над смертью — это замечательно, но почему именно в его смену? Кому-то — счастье, а кому-то — служебное разбирательство.

— Г-голубчик... — слегка заикаясь, заговорил Фельдман: — Как вы себя чувствуете?

О чём ещё можно спросить пять минут назад покойника? Алексей чувствовал себя хорошо, попросил халат. О чём речь! Только с отдачей. Вот так буднично протекают невероятные события. На прикрытие срама и халата достаточно, но для вечерней прогулки по городу — всё же излишне экстравагантно и у персонала морга вызовет нездоровый ажиотаж.

— Вы меня проводите. — Алексей не сомневался, что доктор не откажет: — И не задавайте, пожалуйста, вопросов, я сейчас не духе, чтобы отвечать.

Разумеется, кто был бы в духе после такого? Ужас, если представить! На вопрос, есть ли у него машина, Иосиф Самуилович неубедительно соврал, что

нет. Ему сегодня приснилась невестка, так и на тебе! Вот и не верь после этого в дурные приметы. Да разве это машина? Это драндулет!

До выхода добрались благополучно — никого не встретили в позднее время. Но охрана, если высоким стилем, а попросту — безоружные сторожа, бдели, не очень понимая свою роль в мертвецком заведении, но всё же ожившего покойника вряд ли без разбирательства выпустили бы. Для Алексея они препятствием не стали. У каждого человека в закоулках сознания бродит столько всякого и разного, что умеючи можно убедить его в чём угодно. Алексею такого умения не занимать. Он не знает, что им причудилось: по суеверности вашей да будет вам. Один охранник увидел полуразложившегося зловещего мертвеца, который волок за шкурку бедного патологоанатома, другой — жуткого вампира с клыками и горящими дьявольским светом глазами. Ничего удивительного, что основную работу за Алексея обычно выполняет Голливуд. В будущем охранникам предстоит длительный процесс реабилитации, так как они будут настаивать на своих показаниях.

Машина Фельдмана и в правду оказалась развалюхой. Алексей по привычке хотел сесть на место водителя, но подумав, уступил Иосифу Самуиловичу, который не понимал, чем может быть полезен: подвести домой, или сразу в ад? Домой? Замечательно! Куда?! Чем же так старый еврей провинился против Господа?

Иосиф Самуилович жил один в трёхкомнатной квартире, вдали от семьи обетованной. Гостям он конечно рад, но последний раз такая радость его постигла он уже не помнит когда, поэтому теперь он чувствовал себя дома как не в своей тарелке. Алексей вежливо попросил какую-нибудь одежду и обувь из того, что не жалко, пообещал обязательно рассчитаться. Фельдман отнёсся к его словам с недоверием, долго копался в разных шкафах:

— Возьмите. Это сына одежда. Осталась, так и лежит. Моя комплектация не для вас.

Алексей переоделся. Вид вполне попсовый: потрёпанные джинсы, лёгкая просторная куртка с большими карманами, на ногах что-то промежуточное между кроссовками и туфлями.

Домашняя обстановка таки взяла верх. Иосиф Самойлович понемногу успокаивался. Гость не обижает и на том спасибо. И, кажется, грабить не собирается, да и что тут грабить? Конечно, некоторые из вещей всё же немножко стоят в этом в этом мире на чёрный день, но в основном они дороги Фельдману как память сердца. Когда опасения за грабёж улеглись, появилось вполне объяснимое любопытство:

— Не понимаю! Вы умерли.

— Как сказал Господь? — Алексей говорил назидательно: — «Я — воскресение и жизнь! И если кто в Меня верует, если бы и мёртв был — воскреснет». Сколько дней Лазарь мёртвый пролежал? Четыре. А я и одного не сподобился. И воззвал Иисус Христос громким голосом: «Лазарь! иди вон». Так и вы! Поразительный случай.

— А вы большой шутник. Вам в Израиль ехать надо. Там у вас будут поклонники. — посоветовал Фельдман.

— А почему вы сами не в Израиле? — спросил Алексей проклятым вопросом, в котором слышится удивление: почему все евреи ещё не там?

— Когда много евреев собирается вместе, это то же не очень хорошо! — большая для Иосифа Самойловича тема: — Что толку, что мои дети там? Как вы думаете, кто кому помогает? Даже если я продам всё, что вы видите и квартиру, профукают, особенно невестка. Простите, вам, вероятно, это не интересно.

Гостевание к радости хозяина не затянулось, остаться он не предлагал даже из вежливости: некоторые люди так прямолинейны, что правила хорошего тона понимают буквально. Мало ли, вдруг такой случай? Но раз уж так вышло, как же напоследок не спросить:

— Там... Вы понимаете меня?

— Там ничего нет. Ничего! — уверенно ответил Алексей: — Ничего и никого. Всё остаётся здесь. Но это большая тайна!

А что я вам говорил?! Мог бы воскликнуть Иосиф Самойлович, да промолчал: верить на слово незнакомому человеку — то же не очень правильно.

Неудача с поимкой Алексея огорчала сама по себе как частный случай, а вот её подробности выходили куда-то очень далеко за рамки обыденности и главное — показывали непригодность существующих мер защиты и систем безопасности при столкновении с неизвестным противником. Проконсультироваться с учёными? На смех не поднимут, не посмеют, а для отмазки сочинят объяснение в духе теории струн и червячных переходов. Эти названия Директор почерпнул из какой-то случайно попавшейся на глаза популяризатной передачи: названия запомнил, а вот о чём они — хоть убей! В фантастических фильмах герои часто проделывают похожие вещи — прыгают в какие-то пространственные воронки, и кувыркаются там, пока не выскочат на краю Вселенной. Эти пространственно-временные туннели почему-то всегда наводили Директора на мысль о жопе, хотя никаких

анальных фантазий у него отродясь не бывало. А тут — на тебе! Целая... Уж сколько нас упало в эту бездну!

Приёма дождался духовник Президента. Директор знал: доложили, что тот будет просить дополнительно вакцину, а кроме того, некоторые нетипичные священнослужители попали в число других ранее нетипичных священников уличённых в педофилии с мальчиками. Не в заступничестве суть, а церкви не к лицу такая шумиха.

Директор — человек далёкий от воцерквлённости, а пуще того, невежда в вопросах вероисповедания. Но, склоняясь перед общей тенденцией, путём самообразования научился отличать священника от дьякона, чтобы не путаться, общаясь с рясоносцами. Пробовал читать Библию. Это заблуждение иных мирян, которые думают, что стоит им открыть Книгу, как мудрость Господня на них прольётся. Директор уснул, нечаянно облив и себя, и Библию чаем. Подступался ещё, да видать не по Сеньке шапка.

— Отец Георгий, благословите! — как полагается, а не со «здрасте», встретил Директор духовника.

Быстро покончили с приветственными формальностями, чуть дольше времени ушло на полное удовлетворение церковного хотения. Против обыкновения Директор не удержался от каверзного вопроса: что же такое происходит с промыслом божьим, почему такое стремление к погублению человечества?

— Промысл Божий абсолютно праведный, но он непостижим ни людям, ни даже ангелам. — стандартно ответил батюшка, но не ограничился этим, потому что в вопросе укор Господу: — Глупость человека извращает путь его, а сердце его негодует на Господа.

— Выходит, что за грехи наши. — пояснил сам себе Директор.

— Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнётся. Нет человека, который проживёт на земле и не согрешит. Но нет и такого греха, который не прощается Богом при нашем покаянии. — батюшку не удивило невежество Директора: — Да вот покаяние всё больше показное. Уразумеешь страх Господень и найдёшь познание о Боге. Ибо Господь даёт мудрость; из уст Его — знание и разум.

— Что-что, а страху то он теперь нагнал! — согласился Директор, сожалея о затеянном разговоре.

Как пёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою — подумал батюшка. Говорить с Директором, что с язычником. Царство Христа не от мира сего, мир сей под властью дьяволовых наместников.

Вениаминова возня с директорской дачей заинтриговала. Во время подготовки операции он попробовал побольше выведать и нарвался на грозный взгляд Директора. Судя по принятым мерам и спецсредствам, на даче залегал не мене чем взвод особо опасных диверсантов. Тогда зачем Директор вошёл туда один? В итоге, один и вышел. По опыту Вениаминов знал, если что-то серьёзное, то Директор всё равно раскроет карты, нужно только набраться терпения. А здесь что-то серьёзное раз заставил работать втёмную.

По дороге на службу в машине по радио в криминальных новостях Вениаминова позабавило сообщение о сбежавшем из морга покойнике. Ругнул журналистов и забыл. Вспомнил в полицейской управе, куда заехал по делам, не упустил случая издеваться. Издёвка не удалась. Факты обстоятельно задокументированы: фотографии мёртвого тела в разных ракурсах, направление в морг, показания патологоанатома и охраны. Что-то в лице покойника показалось Вениаминову знакомым, но он не мог уловить что. Даже если когда-то и встречал его, то, вероятно, очень давно, иначе бы вспомнил. И точно вспомнил бы, увидев глаза. Но с того света на опознание не вызовешь. Или всё-таки можно вызвать? Что делается! Мир перевернулся с ног на голову — живые умирают, мёртвые оживают. Какой-нибудь новый вирус? Уже во всё можно поверить. Хотел доложить Директору, но не стал спешить: если подобное где-нибудь повторится, вот тогда и «караул!» кричать. Чудны дела твои, Господи!

Мать Вениаминова умерла до Эпидемии. Грех говорить, но это к лучшему. Спокойно оплакали и похоронили. Ей было под семьдесят. Для своей многочисленной семьи она Лида: мама-Лида, бабушка-Лида, тётя-Лида. Казалось, что её жизненной энергии хватит надолго. Она не болела и не мучилась, умерла во сне — оторвался тромб.

Для Вениаминова мама — главный человек его жизни. Он ребёнок от её третьего брака. Рос проблемным мальчиком: дерзил родителям, убегал из дома, связался с компанией картёжников. Перелом в его поведении и в отношении к жизни произошёл, когда мама попала в больницу — что-то по женской части. Вениаминову было тогда пятнадцать. Что он себе надумал, что напредставлял! Он испугался, что мама умрёт. Он не долюбил её в раннем детстве и в подростковом возрасте превратился в маленького ребёнка. А, быть может, это результат магии.

Не любить Лиду — это невозможно. Она была безусловной хозяйкой и главой мира своей семьи. Дети от трёх разных мужей по ныне здравствующих, внуки и внучки, свекрови и зятя с разной степенью строптивости подчинялись её авторитету. На самом деле им это было нетрудно. Лида хотя и деспотично радела о благополучии каждого из своих близких, умела прощать ошибки и принимать людей такими, какие они есть. Нет Голгофы, на которую она бы не пошла даже ради самого непутёвого члена своего семейства. Её старались не огорчать. Именно поэтому она часто не знала, что действительно происходит в её семье, или делала вид, что не знает.

Слабостью Лиды была магия, которую она строго и принципиально разделяла на чёрную, и на белую, и в последней инстанции. Даже робкие попытки слегка повлиять на её магическое мировоззрение отменялись беспощадно. Магия Лиды состояла из памяти рода, которую она гордо несла через жизненные передрыги, из сведений почерпнутых в бульварной мистике, из непрактических знаний, полученных на всяческих практических семинарах заезжих магов, из собственного разумения магии, а так же из кулинарных рецептов. Но даже если бы Лида ничего не знала о магии или вовсе её отрицала, она всё равно была бы чем-то вроде талисмана для тех, кого привлекала. Это свойство природной обережной силы.

— Вы ничего не понимаете в скрытых закономерностях. — с возмущением говорила Лида родным: — Ничего! Даже удивительно. Вот доживёте до моего возраста...

Семейная жизнь Вениаминова не задалась. Все женщины, с которыми он пересёкся в жизни, не дотягивали до образа Женщины, который запечатлелся в его сознании под влиянием матери. Он относился к ним как к похотливым самкам, утратившим понятие о своём предназначении в мире. Единственным исключением и то до поры была его жена, которую он любил, или думал, что любит. Её предательство спалило душу Вениаминова до угольков. С тех пор женщины его не интересовали, его интересовали проститутки. Он занимался сексом как справлял нужду. Женщины требуют внимания, заботы, ласки, они даже считают себя людьми! Нет, все они проститутки, только цена разная.

Зарплата оперативника — это звучит гордо! Службистами за такую зарплату, родина может гордиться по праву. Вениаминов не принадлежал к людям совести, поэтому однозарплатное житье ему не угрожало. Он рано усвоил, что подлость совершают хорошие люди, а вор не тот, кто украл, а тот, кто попался. Слегка беспризорное детство Вениаминова научило его больше, чем домашнее воспитание. Забота матери уберегла от пропасти, в которую неизбежно скатились его дружки, но криминальные наклонности остались

целёхоньки. В обычной жизни они как шило в мешке — всё равно дырку проковыряют. Пожалуй, лучшая маскировочная профессия в таком случае — это служба в полиции. Но даже мысль об этом вызывала отвращение. Если уж и служить родине, то как-нибудь по престижней.

Пришлось постараться. Семья ему в этом могла помочь лишь морально. Зато сколько было радости — парень взялся за ум! К счастью не за тот ум, от которого себе только горе. Первым удачным шагом на пути к цели стал шантаж. Вениаминову повезло. Он подловил соседского мальчишку на странной дружбе с неким дяденькой. Пресанул мальчика и тот выложил на диктофон подробности этой дружбы. Дяденька на поверку оказался очень непростым дяденькой. Идти к нему с записью и требовать деньги? Глупо. Вениаминов тогда всё продумал. Можно сказать, это была его первая успешная операция. Вениаминов предложил дяденьке дружбу, от которой тот не смог отказаться. Предложения нужно делать правильно. Время от времени Вениаминов подгонял дяденьке «свежее мясо» — безопасных от родительского и общественного контроля беспризорников. В этом раскладе каждый получал своё, и все были довольны. Дяденька в свою очередь, решающим образом помог Вениаминову стартовать в выбранном направлении.

Педофилы! Вениаминов не вёл счёт, сколько раз потом он их использовал в своих целях. Черным временем было снижение возраста согласия до четырнадцати лет. Но это продолжалось недолго. В конце концов, сердобольные женщины депутаты подняли в Думе такой визг, хоть уши затыкай! К сожалению, возраст согласия подняли лишь на два года. Вот если хотя бы до восемнадцати, какой бы оперативный простор открылся! Чем больше в обществе истерик по поводу морального облика граждан, тем легче работает рыцарям плаща и кинжала. Нравственное кликушество всегда на руку подлецам и карьеристам во власти. А моральный облик граждан каким был, таким он и остаётся.

Всё же не стоит преувеличивать репрессивную роль сексуальной регламентации в работе спецслужб с населением. Секс лишь частный случай извращённости человеческого ума в целом. Вот уж где действительно поле бескрайнее! Однажды Вениаминову довелось прибегнуть даже к магии. Нужно было отработать некую великочиновничью супругу весьма падкую на мистику. До этого Вениаминов прямо не сталкивался с колдовским бизнесом и поразился, когда увидел, сколько волшебных фирм высасывают у суеверной публики деньги вместе с мозгами. Вениаминов не стал заморачиваться осознанным выбором: он ткнул пальцем в газетный лист и поехал по случайному объявлению. Прикинулся жаждущим гадания на картах Таро.

— Таро, карты... Это примитивно — объяснила демоническая женщина, склонная к ранней дородности — Виолетта.

— Мы занимаемся чёрной магией! — дополнила жгуче брюнетистая художочная ведьмочка — Зинаида.

«Фирма» находилась в маленькой двухкомнатной квартире. Одну из комнат почти целиком занимала кровать.

— Вы тут и живете? — спросил Вениаминов.

— Что вы! Это для медитаций! — Виолетта почувствовала в вопросе насмешку и предупредила: — Между прочим, я колдунья в пятом поколении. Со мной нельзя шутить!

Вениаминов несколько не сомневался в наследственной предрасположенности к психическим заболеваниям и поинтересовался ассортиментом магии.

— Особенно популярно сейчас — приворот на менструальной крови. Люди из уст в уста передают! — многозначительно сообщила Зинаида.

— А как насчёт однополого приворота? — спросил Вениаминов, собрав всю свою волю в кулак, чтобы выглядеть серьёзным. Магини понимающе улыбнулись.

— Это обойдётся вам недёшево! — томно сообщила Виолетта.

То, что нужно — решил Вениаминов: две отвязанные сучки мошенницы. С вербовкой проблем не было. Посидели три дня в следственном изоляторе для остратки и уяснения серьёзности предложения, и подписали добровольное сотрудничество как миленькие. А великочиновичья супруга наговорила такое, что у её высокочиновного мужа сердечный приступ случился. Слава богу, обошлось, доброго ему здоровья!

Какое-то время Вениаминов с магинями даже дружил: отымел их обеих на кровати для медитации. Они называли его — наш дьявол. Однажды пьяный он избил их. Виолетта вырубилась сразу, а Зинаида так верещала, что Вениаминов нечаянно, ударом инстинкта, сломал ей челюсть. Заложить его они не посмели.

К моменту встречи с Бабашовым, Вениаминов успешно преодолел зарплатный барьер, но всё как-то по мелочи. Была мысль перейти в действующий резерв. Это когда якобы уходишь в отставку на тёплое место в бизнесе, а на самом деле так и продолжаешь службу, числясь офицером действующего резерва. Но всё взвесив, Вениаминов выбрал прямую карьеру, а не мелкое шпионство. Бабашов тогда был на подхвате у Григория

Звягинцева, отца Никиты. Попал в поле зрения своей нечистоплотностью в делах, вороватостью, финансово обидел подопечных Вениаминова. Хорошему ловцу — хороший зверь! Деньги заплатили обе стороны конфликта, как это нередко бывает в крышевых тендерах. Вениаминов сделал ставку на Бабашова.

На поверку положение Бабашова в компании оказалось шатким, что не удивляло. Для пущего контроля за ситуацией Вениаминов ненавязчиво подвёл к его партнёру Григорию мелкого полёта одээровца — офицера под прикрытием. Поначалу сотрудничество развивалось не плохо. Быстро выяснилось, что есть смысл поменять ставку. Золотым ключиком к успеху бизнеса был Григорий. С людьми такого типа Вениаминов и раньше сталкивался, но отступал: манипулировать ими трудно, если вообще возможно.

Бабашов, отвечал за несколько направлений деятельности многопрофильной компании, постоянно, как в бизнесе, так и в быту, влипал в тёмные истории, требующие вмешательства Вениаминова. Звягинцева устраивало, что он стал меньше отвлекаться на улаживание проблем своего партнёра. Более этого полезности Вениаминова он не находил и к его помощи никогда не прибегал. По словам Бабашова, не иначе как дьявольское волшебство прокладывало Григорию путь к успеху, чем бы он ни занимался. Если и так, то следует признать, что какие попало души Дьявол не покупает, а выбирает самые толковые, талантливые и перспективные в земной жизни.

Вениаминов занял выжидательную позицию: правильные действия в неправильное время, то же самое, что неправильные действия в правильное время. Настоящий охотник терпеливо влюблён в свою жертву. Приманкой должен был стать Бабашов. Звягинцев его не трогал ни столько в силу партнёрских формальностей, сколько из-за криминальной грязи, в которой они оба были испачканы по уши. Выгнать — значит развязать междоусобную войну. Пристрелить, а к подобному способу решения проблем Григорий относился просто, — значит оторвать наследство, за которое опять же начнётся криминальная грызня. Вениаминов готовился предложить свой вариант — закрыть Бабашова лет этак на пятнадцать, или даже пожизненно с конфискацией имущества: вроде и есть человек, а как бы и нет.

На одном из пустяковых светских раутов Вениаминов через «не хочу», из вежливости вынужден был представить злостному бабнику Григорию свою жену. Женщины реагировали на отца Никиты примерно так же, как если бы в деревенскую конюшню к изумлению местных кобылок забрёл породистый скакун. Галя не стала исключением из этого правила, а Григорий не изменил себе: женщины — это прекрасно!

Вениаминов всегда считал, что его трудно обмануть, но он ошибся. Женщины виртуозные, прирождённые лгуны, особенно когда дело касается любовных интрижек. Узнать от подчинённого, которого он приставил к Григорию, что у тебя выросли рога — унизительно вдвойне. Ревность? Это чувство только промелькнуло: поздно ревновать. Жажда мести пожирала душу.

Дуэльное благородство — выдумка романтиков. На самом деле дуэль — это месть самому себе в глупой форме. Удивительно, что мысль о честном поединке посетила Вениаминова. Приступ минутной слабости.

Смерть Георгия была обставлена адекватно его образу жизни: уже мёртвый он разбился на своём безумно дорогом Bugatti. Вениаминов решил, что его обидчик будет задушен удавкой, хотя это далеко не самый подходящий приём для симуляции несчастного случая. Отступление от профессионализма было продиктовано эмоциональными фантазиями — задушить собственными руками. В этом Вениаминов перемудрил. Привёл приговор в исполнение офицер под прикрытием, парень скромный, работающий, решительно настроенный на карьеру, но, как оказалось, глупый, хотя себе, вероятно, казался умным, опустившись до шантажа, когда понял, что выполнил не служебное задание, а личную просьбу. Разбираться с ним не пришлось.

В дело вмешался то ли друг, то ли родственник, некто Андрей, как в последствие выяснилось, личность знаменательная. До сути он не докопался, связал случившееся с проворовавшимся Бабашовым, без труда вычислил исполнителя и свернул ему шею — око за око, так сказать. Вениаминову это пришлось на руку. Перед смертью парень наболтал лишнего — все болтают, если правильно спрашивать — не беда. Зато его участь взывала к служебной чести и требовала отмщения. Как произошёл сбой Вениаминов так и не разобрался. У противника не было ни одного шанса остаться живым, но факт — два профессиональных труппа.

Дело приобрело самый нежелательный для Вениаминова оборот: он чувствовал себя человеком, убегающим по рельсам от догоняющего его скорого поезда. Служебное расследование вёл Директор, тогда ещё в более скромной должности, чем сейчас, но уже прослышавший грозой для нерадивых подчинённых. На беглый взгляд он посчитал случившееся проявлением конфликта интересов между службой и бизнесом. Увы, проблема рядовая. Дело пустяшное, если бы не гибель сотрудников. Относительно Вениаминова с выводами Директор спешить не стал.

— Этот Бабашов, действительно перспективный? — при первой встрече спросил без предисловий Директор.

Вениаминов готов был к чему угодно, только не к разговору о Бабашове. Тогда он ещё не знал об удивительной особенности Директора гармонично сочетать личные, служебные и государственные интересы.

— Если мы ему поможем... — неуверенно ответил Вениаминов.

— Помогли уже на свою голову! — усмехнулся Директор, но продолжил строго: — А теперь мне нужны головы тех, кто это сделал. Головы! Остальное можешь себе оставить. Больше в этом говне, меня ничего не интересует! Подготовь соображения по Бабашову. Дороговато он нам достался, теперь бросить жалко.

Почему Вениаминов стал псом Директора? Не потому что Директор его отмазал от гиблого для дальнейшей службы дела и не стал ворошить прошлые грехи. В конце концов, Бабашов ведь не поскупился, рассчитался звонкой монетой. Откуп за косяки — обычное дело. Вениаминов пошёл за сильной и авторитетной личностью. Он понял, что ему этого не хватало. Он и к Звягинцеву тянулся поэтому и стал бы его псом, да жизнь повернулась иначе. Социопаты часто собираются под крепкую, властную руку. Они нуждаются в хозяине. Те из них, кто отрицает это, шарахаются по жизни неприкаянные, пока не натворят бед на свою голову.

Вникнув в дело, сплошь состоящее из нестыковок, столкнувшись с тенью генерала Грибова, память о котором пришлось бы поднимать из могилы при честном расследовании, Директор не захотел этого делать из-за жены. Следовало бы отдать Вениаминова под трибунал за то, что он в личных целях распорядился жизнью подчинённых. Но Директор знал куда более вопиющие примеры подобного с той лишь разницей, что Вениаминов хватил лишку не по рангу. И ни капли раскаяния. О своей совести Директор заботился, насколько это возможно, и ему нужен был человек, которого совесть не беспокоила.

Когда стало ясно, что дело спустят на тормозах, Вениаминов облегчённо вздохнул, а когда вернулся к делам, чуть не задохнулся от возмущения. За его спиной Бабашов заморочил куриные мозги вдовы Звягинцева, за смешные деньги откупил долю её мужа и записал на своих людей. К счастью для Бабашова мало убитая горем вдовушка ещё не успела вступить в права наследства и авансовые махинации с акциями так и остались по воде вилами писанные. В новом распределении долей более объективно были учтены представления сторон о справедливости.

С женой Вениаминов разводиться не стал, но жить с ней не хотел. Он оставил её сиделкой при сыне. Галя не раз пыталась получить развод, устроить свою судьбу, но всё бесполезно. Как только у неё кто-то появлялся, у этого

кого-то тут же появлялись проблемы в жизни. Она знала, кого ей следует за это благодарить. Судьбой сына распорядился Вениаминов — он решал, сколько времени ребёнок будет жить у бабушки, сколько у матери. Он решал всё, что будет делать, а чего не будет делать его бывшая жена. От такой опеки она повесилась. Но это не избавило её от Вениаминова. Уже много лет подряд она приходит к нему, когда у него есть на это время. Они разговаривают о семейных делах, о сыне, о родственниках, о разных мелочах.

Западный мир никак не мог определиться: если ВИЧ инфекция панацея от Серой смерти то, что тогда? Эксперты разделились: одни считали, что новая волна Эпидемии неизбежна, другие — что новой волны не будет. Заразиться ВИЧ на всякий случай, а случай не представится? Нет, увольте!

Пока общественное мнение судило да рядило, криминал взял дело в свои руки. Медиков покупали, шантажировали, запугивали, а где и без личностных хлопот воровали информацию. ВИЧ инфицированные стали пропадать. Полиция зафиксировала всплеск исчезновения людей, но до времени не интересовалась здоровьем пропавших. Когда подоплёка выяснилась, под охрану брать уже было некого. Уцелевшие ВИЧ инфицированные, не доверяя никому, прятались и от бандитов, и от полиции, и от всего мира.

Криминалу оказалось не по силам держать в плену сотни тысяч человек, поэтому с людьми обходились хуже, чем когда рабов завозили в Америку. Полиция регулярно накрывала импровизированные тюрьмы. Даже бывалые стражи порядка испытывали шок: людей набивали в помещения, как сельдь в бочки, предварительно для спокойного поведения обколов пленников подручными медикаментами; вперемешку живые и мёртвые, и экскременты. Обескровленные, выпотрошенные трупы — стали ежедневной криминальной статистикой. Хорошо организованные преступные группы использовали передвижные станции переливания крови, но очень скоро выяснилось, что полиция быстро выходит на след таких станций и положение пленников стало совсем катастрофическим: свиней режут в более подобающей обстановке. Цивилизованный мир ужасался, как будто это происходило не под носом, а в далёких диких странах.

На чёрном рынке появилась ВИЧ-кровь по сумасшедшим ценам. Все кто мог позволить себе дорогую покупку дружно клялись, что не замазуют руки о преступный промысел. Только вот цены на ВИЧ-кровь росли и росли — спрос опережал предложение. Новый бизнес приносил доход невиданный доселе за всю историю человечества.

А тем временем правительства развитых стран с ужасом смотрели в развращающую пропасть глобального финансового краха. Мировая банковская система пребывала в шоке. С одной стороны, очевидно возникновение в будущем огромного числа не востребуемых вкладов, с другой стороны, на текущий момент сумма безнадежных кредитов росла астрономическими темпами. Современные деньги — не сокровища, они обеспечены лишь обязательствами должников и, по большей части, уже неликвидными залогами, а кроме того, нуждаются в постоянном движении из пассивов в активы и наоборот. Без этого они мертвы и бесполезны, так же как их мёртвые хозяева. Страховые компании стояли в очередь на процедуру банкротства. Рынки стагнировали. Сотни тысяч компаний разорились. Новые вакансии открываясь, сразу же исчезали в пучине финансового хаоса утягивая за собой, реальные рабочие места. Безработица росла. Вот если бы Серая смерть посоветовалась с финансистами и экономистами, они бы ей подсказали, что сначала нужно позаботиться о людях получающих дотации, потом бы её направили в шоу-бизнес и к людям пожилого возраста из среднего класса. Но об этом остаётся только мечтать!

Просматривая новостные ленты, Директор думал о том, как быстро человечество теряет цивилизационный лоск: гламурная красавица лак с ногтей снимает дольше! Местный криминал было рыпнулся, но остался не солоно хлебавши: ни персонала, который занимался вичевыми, ни информации бандиты не нашли.

После закрытого заседания силовых ведомств, на котором выступил Президент, Дума в один день приняла драконовский закон «О соблюдении общественного порядка в период эпидемиологической угрозы». Перестрелка с криминалом продолжалась недолго и закончилась не в пользу криминала, не обошлось без сведения личных счетов, подстав, фальсификаций. У всякого дела свои издержки. Страна приветствовала решительный курс Президента на оздоровление общества во всех смыслах. Голос правозащитников утонул рабочем гуле машины имени Государства.

Маленькая бухта, схваченная с обеих сторон невысокими скальными утёсами, идеальный пляж — песок песчинка к песчинке, ласковая, прогретая экваториальным солнцем вода, шёпот стелящихся под ноги лёгких волн Индийского океана. Алексей мог сидеть здесь часами. Когда надоело сидеть, он лез в воду и плескался, пока не надоест.

За утёсом слева — открытый океан. Там почти всегда суровые волны. Они далеко накатывают на берег. Там лучше не купаться — волна утащит в оке-

ан. Ночью на берег выползают огромные удивительные черепахи. Волны им нипочём. Несмотря на свою грузность, черепахи легко управляются с водной стихией. На берегу они неуклюжи и беспомощны. Этим пользуется местная молодёжь. Черепах ловят, разделявают и варят из них вкусный суп. Люди постарше промышляют в других местах, или отдыхают от дневной работы.

Суп — не главное развлечение молодёжи. Мусульманские правила общения между полами строги, очень строги. Поэтому на берегу только парни, в основном деревенские. Иногда здесь бывают и городские девушки, не супа ради. Обычно они обслуживают не больше трёх парней. Самое приемлемое для них — брать в рот. Сзади отдаются реже, ведь хорошую невесту и сзади проверяют дотошные мамки — они помнят свою молодость. Обычный секс — редкость: это значит, что девица уже на женитьбу не рассчитывает, или побывала замужем, да вот одна осталась.

Недостаток девушек парней особо не огорчает. По двое, иногда и по трое, они разбредаются по берегу, чтобы заняться друг с дружкой сексом без помех и условностей. Кто поопытнее, берут из дома баночку вазелина, которую дома хранят в тайном месте: если отец найдёт, то врать ему бесполезно — он ведь сам был молодой, и вполне может быть, что и теперь у него припрятана где-нибудь своя баночка со смазкой, на всякий случай. Чаще обходятся без смазки — слюной. А чтобы получше раззадорится, основательно делают друг другу миньет: их члены солоноваты и пахнут морем.

Алексей встречается здесь с пареньком лет шестнадцати. Не без корысти со стороны юноши, конечно, хотя в первый раз мальчишка отдался из любопытства к белому человеку. Впрочем, он так и не перестал удивляться не побритому лобку и необрезанному члену. Его это забавляет, он играет крайней плотью как игрушкой. А у самого член совсем не игрушечный, удивительный для такого возраста, так что без смазки никак не обойтись, когда в порядке взаимности он имеет Алексея. Что поделаешь, приходится покряхтеть.

Всё же здешние парни не чета афганским мальчикам. Вот там действительно можно было встретить чудо, от которого крыша съезжала. Забавы с мальчишками в Афганистане называются «бача бази». Это традиция уходящая корнями во времена Александра Македонского, подкреплённая позднее арабским влиянием. Когда Европа умилялась, читая сонеты Петрарки о возвышенной, идеально-неразделённой любви к Лауре, в арабской поэзии царила любовная страсть к прекрасным юношам.

Наставляя Алексея перед первой поездкой в Афганистан, бывалый человек предупредил, что в этой стране нельзя трогать двух вещей — религию

и женщин. Без проблем! К религии Алексей относился как к одежде, которая приличествует обстоятельствам, надевал любую в зависимости от обычаев места и носил с удовольствием, словно в ней и вырос. В отношении с женщинами, был абсолютно согласен с Козьмой Прутковым — шутки с женщинами глупы и неприличны!

Женщины — для детей, мальчики — для удовольствия. Так говорят в Кандагаре, а ещё про этот город говорят, что птицы пролетают над ним только на одном крыле, прикрывая вторым свою заднюю часть. По вечерам зрелые мужи, среди которых можно встретить представителей власти, включая полицейское начальство, местных богатеев, политиков и полевых командиров, собирались в круг, чтобы насладиться танцами специально для этого обученных мальчиков, переодетых в женскую одежду, а разъезжались, забирая с собой на ночь выбранного танцора. Иногда случались ссоры, если на одном мальчике сходилась вожделение разных персон. В среде полевых командиров такая ссора могла легко перерасти в боевую стычку с артиллерией и танками.

Тринадцати-четырнадцатилетние мальчишки Алексея не интересовали, другое дело — парни семнадцати-восемнадцати лет. Его Ахмат танцором никогда не был, но первый опыт общения с женщиной приобрёл лет в двенадцать, что довольно обычно для тех мест. Время, которое они провели вместе — это отдельная планета, свой мир. Такой открытости для чувств и незащитности перед ними Алексей в себе даже не подозревал: увлечения были, но ни в какое сравнение они не шли. Ахмата убили, когда Алексей уехал ненадолго из страны по делам. Никакого предчувствия беды не было. К сожалению, дар предчувствия не срабатывал, когда речь шла о близких. Считали, что это сделали талибы за мужеложство, да ещё и с иностранцем. Алексей быстро и по своему разобрался — на самом деле убил бывший воздыхатель Ахмата, за что и поплатился: смерть ревнивцу выпала долгая, мучительная и пришла лишь, когда тот от боли и ужаса превратился обезумевшее животное. После этой расправы, Алексею ничего другого не оставалось, как срочно покинуть страну.

Какую выволочку ему устроил Андре за разрушенные планы! В таком гневе Алексей не видел его ни до, ни после. Андре как взбесившийся вампир бегал по стенам и потолку, изрыгая проклятия на всех известных ему языках. Тогда он действительно проклял Алексея, и выгнал его из числа Хранителей, поклявшись, что поступит так с каждым, кто не то чтобы заступится, а посмеет заговорить с изгнанником. Совет не был так категоричен: ограничили отстранением от дел на неопределённое время. На самом деле выгнать из Хранителей невозможно — это то же самое, что, например, отру-

бать себе палец после каждой неудачи. Хранители не организация, а организм. Иногда их называют «Братство Хранителей». Это название появилось лет сто назад. Алексей над ним подсмеивался. Правда, прежние названия были ничем не лучше и тоже неизбежно опошлялись молвой до религиозных культов, орденов, масонства. Что поделаешь, всё как-то должно называться. Алексею больше нравилось — люди тайны. Загадочно и со вкусом.

Афганистан — сверх лакомый геополитический кусочек мира. Кто с умом им владеет, тот держит под неусыпным контролем огромный регион. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту. Судьба страны была известна лет на тридцать-сорок вперёд. Ещё до прихода советских войск Хранители наметили, тогда ещё совсем молодых людей, которым предстояло в дальнейшем сыграть свою роль в судьбе страны.

СССР, гражданская война, талибы — цикл закончился с приходом американцев. Именно так это и должно было произойти. Один из политиков, с которым Алексей плотно сотрудничал, удивлялся: «Вы всё знали наперёд, не побоялись объяснить это мне, тогда семнадцатилетнему мальчишке, почему вы ничего не сделали, чтобы предотвратить кошмар, в котором жила страна долгие десятилетия?» Делали, что могли и сделали, раз теперь об этом говорит человек, который стал тем, кем он должен был стать. Кошмар мог быть и страшнее. Историей невозможно управлять, как и океаном, Луной или Солнцем, но к ней можно подготовиться.

— Не трудно догадаться, где тебя искать. — Андре сел рядом с Алексеем на песок и окинул взглядом панораму: — Красотища! Вот только времени на неё не хватает.

Алексей неделю дожидался Андре на базе, она тут невдалеке, но это была не скучная неделя, так что не в обиде.

— Ты же знаешь, сколько сейчас работы. — коротко покончил с оправданием Андре и сразу перешёл к делу: — Я просмотрел твоё сообщение. Ничего удивительного. Я тебя в своё время предупреждал, что цепочка событий к тебе и вернётся.

— Я должен был. — коротко ответил Алексей: — Тебе объяснять?

Отец Никиты был постарше Алексея, но они сошлись, как два разных полюса притянулись к друг другу. Друзей мы выбираем так же как сексуальных партнёров, только не отдаём себе в этом отчёта. Дружба как любовь начинается. Собственно это любовь и есть, только без секса. Всё остальное — знакомство, приятельство, деловое партнёрство или ещё что-то. Друга удавили, поэтому Алексей свернул убийце шею. Остались ещё два человека — Вениаминов и Бабашов, но Андре не даёт их трогать. Конструктор Времени!

Григорий тоже был хранителем. К сожалению, он пренебрегал собственной безопасностью, усугубляя это часто неумеренным употреблением алкоголя. Будь он трезвым, несчастья бы не случилось. Но даже и пьяного, его могло бы привести в чувство обережное кольцо, да он его не носил. Алексей тоже не носит оберег, но для этого есть причина: при его занятиях и крайне рискованном образе жизни, кольцо не давало бы ему покоя.

— Понимаю. Гришу всё любили, не только ты. — согласился Андре: — А как там наш мальчик поживает?

— Мальчик?! — Алексей хмыкнул: — Если хуем не подавится, то ничего с ним и не случиться. Пока.

— Кто бы говорил! — Андре хмыкнул в свою очередь, хотя повод для иронии конечно есть: — Да, отец неисправимый бабник, сын гей. А в остальном как на отца похож, это что-то невероятное. — Андре внимательно смотрел на Алексея: — А теперь правду. Что значит «пока»?

У хранителей не бывает детей. В смешанном случае это обусловлено видовой несовместимостью с людьми. В «чистых» случаях, когда речь идёт только о хранителях, детей тоже не бывает. Это обусловлено несовершенством изначального человеческого генома, как его не совершенствуй и не изменяй. Людям повезло, иначе на планете уже давным-давно существовала бы только одна раса — Хранителей.

Никита не просто исключение, он феномен. Это вроде рождения ребёнка от робота, или человека от связи шимпанзе с медведем. Последний раз такое было уже более двух тысяч лет назад. Тот случай очень широко известен людям, но они его сильно извратили, поэтому лучше считать одно событие за два разных.

В Пророчестве о Никите сказано с опаской, потому что его судьба для Пророчества закрыта. Пока, ни то, что феноменальных, а даже хотя бы каких-нибудь нерядовых способностей у него не проявилось, а обстоятельства жизни Никиты — тривиальней некуда. Интересно, что, в случае чего, напишут в его житии, или, не дай бог, в благой вести?

— Я его убью. — спокойно и уверенно ответил Алексей.

Это было нераскрывшееся предчувствие, оно появилось, когда Алексей очередной раз профилактически наблюдал за Никитой. Раньше такого чувства не было. Можно сказать — нелепость! И забыть. Но все предчувствия Алексея, коль скоро они появлялись, непременно сбывались. Это вам не прогноз погоды, это много точнее. Когда и как это произойдёт?

Не сегодня, не завтра и даже не послезавтра. Предстоит много событий, о которых Алексей пока ничего не знает.

У Андре был такой вид, словно он сейчас подавиться услышанным.

— Что ты от меня хочешь? — Алексей не стал дожидаться комментариев, да и какие тут могут быть комментарии?: — Застрели меня. Или мне самому застрелиться? Или посади его в клетку, как гуся для фуагра. Ты же знаешь, обмануть предчувствие невозможно. Оно исполнится, даже если для этого мне придётся восстать из гроба.

— Час от часу не легче! — наконец выдохнул Андре: — Нет! Ты ошибаешься!

— Тогда и беспокоится нечего. — насмешливо ответил Алексей.

— Не кипятись! Надо подумать, посоветоваться. — Андре тяжело вздохнул и не удержался от упрёка: — С тобой всегда, как голой жопой на вулкане! Пока оставим как есть, а там видно будет. Остальное я знаю.

Остальное — это образцы вакцины с вирусом ВИЧ, которые привёз Алексей и загадочное поведение властей. К сожалению, встреча с Директором нарушила планы, и расследование пришлось свернуть. О происхождении вакцины догадаться просто. Удивляет решительность властей и масштаб происходящего. Алексей даже узнал, где это происходит, но проникнуть на объект не смог. Людей туда завозили вагонами, обратно вывозили вакцину. На территорию Алексей проник: со стороны реки и парка там полуразрушенный слабо охраняемый забор. А вот зайти внутрь не смог. Охрана подвергнута какой-то психической или медикаментозной обработке. Алексей ничего не мог поделаться — они как белые листы, причём, с защитой от записи. Люди без судьбы.

В другое время Алексей занялся бы этим феноменом обязательно, но сейчас не до того. Вокруг огромное количество людей, судьбы которых вот-вот оборвутся. Алексей иногда чувствовал себя собакой, оказавшейся в лавине мощного, перебивающего нюх запаха. Это лавина будущих смертей.

— Сколько уже? — спросил Алексей.

— Миллион. — Андре понимал, о чём вопрос: — Это всё. На большее ресурсов не хватает.

— Пожалуйста, прихвати отсюда одного парнишку в Убежище. — попросил Алексей.

Взгляд Андре означал: горбатого даже могила не исправит! Все Убежища на пределе:

— Как там на Озере?

— Нормально! — Алексей усмехнулся: — Трудно быть живым богом.

Шаманы, которые отнеслись к молодому Алексею неприязненно, уже в мире духов, их сменило новое поколение, для которого Алексей почти бог. Они ждут от него ответственности за свои судьбы, а он мучается от своего несовершенства, полон сомнений, совершает ошибки, говорит глупости и беспокоится о мальчишке, с которым трахается.

Аку ещё держится, хотя выглядит таким старым, таким старым... как говно мамонта. Парнишка, рождённый с судьбой предсказанной Алексеем, вырос в доме у Озера. Для Аку он сын и приемник. Духи тоже подтвердили выбор.

Валера заматерел так, что сомнения берут: а был ли он когда-то стройным, худеньким парнем? Обзавёлся семьёй, хозяйственный, хлопотливый. На нём всё сейчас и держится.

Дом и большая прилегающая к нему территория — это одно из Убежищ. Люди не просто накрыты силовым полем как колпаком, они этим полем пронизаны, ни что не причинит им вреда, организм подстроится под новые условия тонкой среды. Озеро место потаённое, окутанное легендами, далёкое от центров цивилизации, поэтому проблем с обустройством Убежища не было.

Планировали сделать Убежищем крупный промышленный центр Несчастной страны, но ничего из этого не вышло. Сначала таможня привередничала, пришлось заплатить столько, что излучатели по цене стали как из платины сделанные. Потом груз на железной дороге пропал, а когда нашёлся, оборудование оказалось разукomплектованным. На самогонные аппараты утащили, что ли?

Технологию разработали вместе с Братьями по разуму, но сами они не остались, потому что их космический флот не может перемещаться в пространстве темной материи: на их кораблях нет двигателей, они именно перемещаются: сначала ставят знак равенства между точкой «А» и точкой «Б», а потом стирают лишнее. Их челноки, которые часто принимают за НЛО, тоже не имеют привычных двигателей, они искривляют пространство вокруг себя и по курсу движения. Большая база осталась на Луне, вероятно, на некоторое время Совет переберётся туда. Там не будет проблем с энергией и жизнеобеспечением, а что будет на Земле — что будет!

— Чуть не забыл. — вспомнил Андре: — У Клеопатры к тебе какое-то дело. — Алексей сморщился, словно лимон съел. Андре недовольно продолжил: — Пора бы прекратить ваши семейные разборки. Сойдитесь уже, или разойдитесь.

Семейные — это очень сильно сказано. Была влюблённость, но до любви дело не дошло. Была слабая надежда на мирное сосуществование. И в этом не судьба. Клеопатра по-женски не могла смириться с особенностями Алексея. Если обобщить все варианты начала ссор, то выглядит это примерно так.

Клеопатра: — Когда я с тобой, мне кажется, что я сплю со всеми твоими мужиками сразу!

Алексей: — Как тебе повезло! Про твоих мужиков мне это не кажется.

В действительности, Клеопатра — прозвище которым наградил подругу Алексей, и с его лёгкой руки оно превратилось в её имя. А в основу легла цитата из Плутарха «красота этой женщины была не тою, что зовётся несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение её отличалось неотразимою прелестью, и потому её облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу». Точнее не скажешь. Это всё о ней.

В своей уже не столь близкой, как может быть хочется женщине, юности Клеопатру звали Вера. Жизнерадостная девчушка сгорела от простуды в одночасье. По мнению деревенских — не иначе, как сглаз. У бабушки, которая растила Веру, и себе на гроб денег не было, не то что для внучки, но и при деньгах — всё равно гроба не было и сделать его некому. На такой случай запас в деревне предусматривали, но как раз накануне весь израсходовали, а закопать Веру как есть, в последний момент не решились, хотя и могилу уже приготовили: посчитали дурной приметой так хоронить. Надумали отвести в район, чтобы там её власти схоронили за государственный счёт для неимущих, да зимняя погода сразу не выдалась, а когда привезли, пьяный фельдшер принял её за больную и оставил до прихода врача. Это и спасло Веру. То, что индусы называли бы аватару, всегда происходит через смерть прошлой жизни.

Неземная, не человеческая, двойственная природа хранителей чрезмерно сложна для человеческого тела. Воплощение трудный и опасный процесс. Нередко хранителей хоронят как умерших. Воплощение сродни математическому уравнению, в котором для достижения равенства все аргументы должны соответствовать строгим условиям. В силу наследственной изменчивости среди людей появляются приемлемые для хранителей индивидуальные человеческие геномы, пригодные для дальнейшей трансформации за границы вида без неизбежной в другом случае смерти организма. До возраста примерно 20–25 лет кандидаты на воплощение нагуливают свою человеческую суть, не подозревая о дальнейшей судьбе. А где же душа? Там, где ей полагается быть — в воображении. Голая физиология и никакой

мистики! Побег хранителей в темницу человеческих тел — результат поражения в войне с расой галпов. Ничего более подходящего, чем тогда ещё абсолютно дикие существа, ещё даже не люди, под рукой не оказалось.

Чем совершеннее разумная жизнь во Вселенной, тем менее она эмоциональна в человеческом понимании эмоций. Подстраиваясь под род людской, хранителям пришлось сильно упроститься. Теперь им самим иногда кажется, что человеческая эмоциональность стала их нормой тоже. Так ли это на самом деле? Отчасти, так.

Семейные узы между хранителями архиредкое явление, поэтому о романе между Алексеем и Клеопатрой среди своих судачили, о них появились даже анекдоты. Парочку Алексей слышал. Совсем не смешные.

В миру Вера — преуспевающая деловая женщина. Лишь немногим известно, что она активная сторонница Просветлённых. По преданию, ещё до того, как люди произошли от обезьян, или обезьяны произошли от людей — это кому как угодно! — Просветлённые собрались вместе и объединили разрозненную Истину в единое целое, а затем опять разъяли её и унести с собой по частям для лучшей сохранности. Вот и всплывает она с тех пор то там, то сям по кусочкам. Всплывающая истина — как дерьмо! Алексей не поощрял такие байки.

В отличие от прежних веков, в современном мире Просветлённые множатся, как шаманы на Чукотке, где каждый в своём праве объявить себя шаманом; в результате авторитет Просветлённых падает по мере размножения и шаманов, и Просветлённых.

Люди склонные искать учителей, тайно управляющих развитием человечества, приписывают Просветлённым заслугу цивилизационных импульсов, которые питают очаги обновляющей человечество духовности и проявляются в разные эпохи, в разных странах испокон веков. Сами Просветлённые скромно не подтверждают, хотя и не отрицают свою глобальную роль. Изредка они намекают, что существует божественный план объемлющий все аспекты развития человечества во Вселенной и они лишь часть этого плана, о котором знают больше других, потому что встали на Путь, посвятив жизнь служению Истине.

Дотошный исследователь подсчитал, что в мире каждую неделю появляется книга, монография или, на худой конец, статья посвящённая феномену Просветлённых. Но яснее — кто есть кто? — от этого не становится. Всё, сколько-нибудь ценное в истории человечества, уже приписано влиянию Просветлённых: авторы с дотошность контрразведчиков в цепочках исторических связей прослеживают тайную нить связующую всё со всем. Ничего

плохого в этом нет, одна только польза: какая разница, что поле перекопано в поисках спрятанного в земле золота, главное, что перекопано. Так, глядишь, кто-нибудь и засеет чем-нибудь полезным. Сам факт учителя, который отрицает, что он учитель, способен вызвать развивающий эффект — вполне в духе Просветлённых.

Увы, стихия человечества безжалостна к трудам Просветлённых: похоже, что не посеешь, всё равно взойдёт чертополох. Живые учения вырождаются в догмы и ритуалы, в смехотворные обряды и шарлатанство. Кто уже знает, зачем танцуют танцующие дервиши? Танцуют себе да танцуют в клоунских нарядах на потеху туристам. Кто их запустил на сцену истории? Что от ума, а что от глупости — уже не разберёшь. Разномастные гуру торгуют рецептами духовного счастья. Религия отделилась от церкви, бродит сама по себе. Вера отделилась от религии в умах людей верующих, но не религиозных. Как это всё понимать?

Не только управлять человечеством, но даже пытаться изменить его курс обращением к доброму, мудрому, вечному — всё равно, что пытаться сдвинуть небо, кидая в него камни.

— И ещё раз — нет! — отбил Алексей очередной заход Клеопатры: — Не уговаривай!

Клеопатра просила Алексея разместить в Убежище у Озера пятьсот Просветлённых. И где она их насобираала? Убежища организовывались по территориальному принципу: сколько людей проживают на защищённом участке, столько и попадает под защиту. Никаких лотерей, конкурсов и специального отбора для кандидатов в тёмное будущее. Но при этом не возбранялась забота о друзьях, о знакомых: в пределах разумного все предложения учитывались.

— Это неправильно! — не сдавалась Клеопатра: — Пожалуйста, подумай ещё. С транспортом я договорюсь.

— Почему ты решила, что они чем-то лучше других? — Алексей говорил с нескрываемым раздражением: — Ты их будешь потом для породы разводить?

— Они — это как связь времён. — для Клеопатры вопрос казался простым и ясным.

— Ты запуталась. Мы спасаем себя, а не человечество. Смотри правде в глаза! Человечество интересуется нас как вид. Святой, Просветлённый или нобелевский лауреат — это не имеет никакого значения. — Алексей злился, но не на Клеопатру, а на свою, вероятно, возрастную сентиментальность:

иногда он сожалел о безжалостной рациональности по отношению к людям. И Алексея понесло: — По мне, так они и сегодня на хер не нужны. А завтра — и подавно! Пусть в свою Шамболу отправляются! Они её выдумали, вот пусть там и живут. Махатмы недоделанные!

В ответ Клеопатра от всей души залепила Алексею пощёчину. На этой высокой ноте их застал стремительно вошедший в общий зал базы Анде:

— Что, несладкая парочка, опять бранитесь? Сейчас развеселю. Для тебя, Алексей, сверхсрочное задание. Поезжай обратно. Увези Никиту на Озеро и оставайтесь там. Мы ошиблись в сроках!

— Силой увезти? — спросил Алексей, потирая побитую щеку. Он не верил, что уговоры на Никиту действуют.

— Хоть за шкурку, хоть в карман положи, только увези. И ни шагу от него! Хоть спи с ним! — совсем уж неожиданно закончил Андре.

Поймав на себе удивлённо-испуганный взгляд Клеопатры, Андре развёл руками:

— Всё, дорогая! Всё поздно! — и Андре удалился так же стремительно, как и появился.

— Мне кажется... — прервал наметившееся молчание Алексей: — С каждым новым воплощением мы всё больше становимся людьми.

— Особенно ты. — не поверила Клеопатра. Она принадлежала к партии хранителей, которые считали отношение к людям, как к домашним животным, неправильным. Алексей воин. Он во всех воплощениях воин. Им трудно понять друг друга.

С Шамбалой Алексей погорячился. Она действительно существует, но не там и не так, как об этом думают люди. Шамбала — это место с другим измерением. Шамбала — вторая часть двойственной природы хранителей, там они находятся до нового воплощения. А то место в горах, на которое указывают люди — огромный ангар для стоянки и обслуживания челноков, называемых в просторечии «летающими тарелками».

Оказавшись затворником по собственному обещанию, Николай много читал. Библиотека Левашова состояла из двух частей: одна — вероятно, обязательный для интеллигентного человека пыльный склад классики: вряд ли эти книги помнили, а может быть и вообще не знали, тепло человеческих

рук; другая — живая, пёстрая копилка самой разнообразной мудрости впоремешку со специальной научной литературой.

Книги Николай поглощал как машина для скоростного чтения. Особых проблем с памятью у него никогда раньше не было, что-то запоминалось само, что-то приходилось зубрить — всё как обычно. Теперь это выглядело иначе — ему не приходилось запоминать, это слово для него утратило смысл. Он мог взять книгу, сосредоточенно, добросовестно, страницу за страницей, перелистать не читая. Этого было достаточно, чтобы в любое время мысленно к этой книге вернуться и прочитать нужные места. Так он поступал со специальной научной и технической литературой. Если вдруг оказывалось, что книга не достойна серьёзного внимания и хранения, он её выбрасывал из головы.

Фотографической памяти Николай научился у бессловесных шимпанзе и лишь только её усовершенствовал в своей Карте для «шлёма». Увы, язык — враг мозга, как инструмента мысли, в частности, памяти тоже, и главный искажитель реальности. До Киева, как говорится, или куда ещё, язык может довести, но на этом его ценность и заканчивается. Реальный мир не вербален.

Художественную литературу Николай читал, но не считал нужным, за редким исключением, её хранить. Иногда ему нравилось морочить себя чужим вымыслом, следить за приключениями героев, задумываться над писательскими отступлениями. Николая удивляли люди, которые могли горячо спорить о прочитанном. Это занятие он относил к числу абсурдных. У него в голове была своя небольшая полочка любимых книг, вероятно, некоторые из них показались бы какому-нибудь интеллектуалу глупыми и скорее всего глупыми и были, но Николай ничего кроме развлечения от литературы не ждал. На его взгляд, художественные вымыслы никакого отношения к жизни не имеют и этим хороши. А люди, которые ищут в них ответы на свои вопросы к жизни, либо попусту тратят время, либо нуждаются в психиатрической помощи. Чаще всего последнее. Если бы завтра исчезло всё художественное наследие человечества, Николай не посчитал бы это за ущерб. И может быть даже к лучшему, если бы оно исчезло. Вместе с ним исчезло бы огромное количество заблуждений и глупости, транслируемое через искусство из прошлого в будущее. Слепят, нарисуют, напишут новое.

Искусство неубиваемо. Что за него переживать? Оно было, есть и будет всегда. Искусственненавистником Николай не был, его раздражало пустое напряжение ума вокруг искусства, особенно когда оно сплошь и рядом смыкалось с религией. Религия — ловушка для интеллекта. Николай верил в существование высшего разума, но предположение, что высший разум имеет

хоть какое-то отношение к религии, по его мнению, оскорбляло не только высший разум, но и его разум.

Чтение лишь на короткое время отвлекло от мыслей о неумолимо надвигающейся катастрофе. Николай не смог долго сидеть, сложа руки, и наплевал на своё обещание не выходить из дома. Левашову ничего не оставалось как смириться: он отдавал себе отчёт, что на самом деле страх за Николая это фобия, результат событий последнего времени, — пока ещё не психическое расстройство, но близко к тому, поэтому начал пить успокаивающие таблетки, чтобы не отравлять руганью и без того поганую жизнь.

Первое, что потребуется в развалившемся мире — это оружие. Кроме того, Николай не отказался от мысли уничтожить Установку. Он облазил окрестности и нашёл воинскую часть. Жизнь военных протекала с безалаберностью мирного времени. Николай знал, что искать. Солдатам хоть кол на голове теши они всё равно будут делать по своему, если рядом нет офицеров. Например, свинарь, чтобы сократить дорогу к свинарнику, находящемуся на отшибе, через лазейки, очевидно, устроенные задолго до него, проходил к своему рабочему месту по тех. территории мимо бункерного, вкопанного в землю склада артвооружения под носом у часового, которому лень было обходить пост как полагается.

Николай проник на склад легко, как к себе домой. То, что он увидел, его порадовало, но огорчало, что за один раз на себе он не унесёт всё, что хотелось бы забрать, раз уж это тут есть. На второй заход рассчитывать не приходится. Завтра обнаружат сорванные пломбы, удивятся, что не сработала наипримитивнейшая сигнализация и начнётся разбирательство — это ЧП по первому списку. Решение напрашивалось само собой. На территории не в закрытых боксах, как полагается, а под открытым небом ночевали парочка армейских зиллов и ещё какая-то автомобильная мелочь. Единственная помеха — часовой. На войне, так на войне. Помеху пришлось устранить. Часовой умер, не поняв, что с ним произошло: на него обрушилась жуткая мгновенная боль, но крикнуть он не успел, потерял сознание и в себя уже не пришёл. Николай загрузил автомобиль с расчётом на вместимость своей машины, оставленной невдалеке от части. Дежурный офицер спал, оставив на КПП вместо себя сержанта, который последовал примеру своего командира. Хлипкие, лишь с виду грозные, ворота разлетелись створками как крылья бабочки.

Перегрузив в лесу трофеи в левашовский джип, Николай проехал пару километров по шоссе и, не доезжая поста ГАИ, свернул на тайные тропы, которые через час привели его на дачу. Дело сделано. Вымотанный, без сил,

Николай добрался до кровати, быстро уснул. Что-то ему снилось, но он не запомнил что.

Наступил день. Николай занялся слегка запущенным дачным хозяйством. Если бы кто-то задал ему не будничный вопрос — каково это, убивать? Николай не ответил бы: невнятный вопрос. Можно уточнить — что чувствует человек переступивший заповедь «не убий»? Ничего! А должен что-то чувствовать? Ужас своего поступка, муки совести, раскаяние? Если бы эволюция закрепила эти переживания на генетическом уровне, то, вероятно, наступил бы Золотой век — люди перестали бы убивать друг друга. А пока инстинкты не знают заповеди «не убий». Убить врага — норма поведения, иначе не выжить.

Человек существо разумное — это только усугубляет его инстинктивное поведение, а не облагораживает, как многие думают. Разум эволюционное преимущество и лишь в этом смысле дар божий. Первые проблески сознания — это не наскальная живопись, а каннибализм. Наскальные рисунки — это потом. В дальнейшем изощрённость разума привела человека к мысли, что он является венцом творения. Увы, очевидно, это так и есть на самом деле. Венцы творения истребляют друг друга с беспредельной жестокостью, тем и отличаются от животных в первую очередь. Маниакальная кровожадность? Нет. Она присуща некоторым индивидам, но погоды не делает. Всё проще — как только человек, не важно чем он при этом руководствуется, начинает разделять людей на «наших» и «не наших», на «своих» и «чужих», считайте, что его палец на спусковом крючке. В подавляющем большинстве мы все хорошие люди, но бронепоезд наш и стоит он на запасном пути.

А к Николаю вопрос о смертоубийстве запоздал. Быть может, следовало спросить тогда, когда он ходил на задание со снайперами? Ответ был бы тот же. Тем более тот же, ведь речь о военной работе. И теперь Николай чувствовал себя на войне. Гуманисты погибают в первую очередь — это естественный эволюционный отбор.

Задавать себе каверзные вопросы и ответ на них искать — для этого нужна бездна досуга. Сейчас Николая беспокоило только ближайшее будущее. Как уговорить Левашова переехать на дачу? Здесь, подальше от людей, безопаснее. Старик не согласится. Но даже если придётся его связать, то Николай это сделает.

Последнее время Левашов стабильно находился в мизантропическом состоянии. Он потерял интерес к жизни. И на работе и дома, чтобы выглядеть

занятым, он брал стопку писчей бумаги... и рисовал чёртиков, облака, какие-то закорючки.

Было больно наблюдать, как Левашов превращается в ворчливого старика с проблемной психикой. Николай пытался с ним поговорить об этом, а Левашов его высмеял, обозвал глупым яйцом, которое учит умную курицу. Но если Николая не было дома, когда Левашов возвращался из Лаборатории, это означало испорченный молчаливой ссорой вечер, ведь молчать можно по-разному. Пришлось считаться со старческой капризностью. Николай стал предупреждать, когда уходит, насколько уходит и во сколько вернётся. Левашов обычно отвечал, что не стоит так уж подробно всё планировать, но и опаздывать то же. На операцию «оружие» Николай вырвался под прикрытием заботы о даче.

Ближе к вечеру в новостях передали — Серая смерть вернулась! Николай бросил дачную возню и помчался в город. Застав дома Левашова без признаков болезни, он облегчённо вздохнул.

— Доктор! Вы дотянули! Укол и немедленно! — Николай говорил с редкой для него эмоциональностью: — А то ведь я и силу могу употребить!

— Хорошо. — равнодушно ответил Левашов: — Сейчас, я на минутку в кабинет.

Николай достал шприц и готовился взять кровь из своей вены. В кабинете раздался выстрел. Последними словами Левашова, перед тем как он выстрелил себе в рот, были:

— Прости меня, Господи!

Никита сидел в интернет и смотрел геевскую порнуху. На этот счёт он говорил про себя, перефразируя известный театральный восторг: любите ли вы порнографию так, как я люблю её, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость? К своему увлечению Никита относился с профессиональным интересом и собрал много статистического и социологического материала на эту тему.

Как только люди научились запечатлевать окружающий мир, появилось порно. Сейчас это огромная индустрия. Один только Голливуд выпускает продукции для взрослых в 20 раз больше, чем обычной. Сюда следует добавить независимые порностудии, а оценить объём любительского порно невозможно — это целый океан запечатлённой похоти. Почти 90% студентов вузов,

которым это доступно, занимаются сексом через веб камеры, интернет чат, или по телефону. Исследование университетских интернет сетей Америки, показало, что 42% из всех поисков в этих сетях включало детскую и взрослую порнографию. А в целом, главное слово поисковых систем интернет — «секс». Оно вводится чаще, чем прочие слова вместе взятые, слово «порнография/порно» занимает четвёртое место.

В доступных для подобного исследования странах, лишь подтверждается то, что было известно всегда — религия не оплот нравственности, а бастион лицемерия. 50% из всех верующих мужчин и 20% из всех верующих женщин страдают зависимостью от порнографии. Но при этом 70% считают, что ведут борьбу с порнографией в своей повседневной жизни. Святые пастыри не отстают от паствы. По разным оценкам христианских организаций до 53% церковнослужителей посещают интернет сайты сексуального характера. А, например, тайный опрос пасторов евангелической церкви и церковных руководителей показал, что 64% опрошенных страдают сексуальной зависимостью или нездоровыми сексуальными склонностями (в том числе связанными с порнографией, мастурбацией или другими тайными сексуальными действиями).

Начиная с двенадцати-тринадцати лет две трети человечества смотрит порнографию. Оставшаяся треть, в большинстве, не может себе это позволить по техническим причинам, или в связи с обстоятельствами жизни. Борцы с порнографией, флаг им в руки, часто представляют дело так, что на их стороне подавляющая часть общества, а порнографы — кучка извращенцев. Ничтожность результатов своей борьбы они объясняют противодействием порнографической мафии. До кучи к этому утверждению можно добавить, что контроль за рождаемостью делает из мужчин геев, из рыб — транссексуалов, а из женщин — шлюх. Вероятно, эта мафия — всё остальное человечество.

При просмотре очередного любительского шедевра сексуальной раскрепощённости, перед Никитой на мониторе выскочило всплывающее окно со словами: «Мы все умрём! Смерть вернулась!» Не все. Но как быть, если умрут все остальные? От этой мысли Никите стало страшно. Что если действительно «живые позавидуют мёртвым»? Ни тебе фитнеса, клуба и личного парикмахера! Разумеется, он не настолько глуп, чтобы жалеть о ерунде на краю пропасти, но и заглядывать в неё не хотелось.

Никита отдал машину на тех осмотр, и второй день сидел дома. В экстренном выпуске новостей поздно вечером было объявлено, что с ночи завтрашнего дня на период новой волны Серой смерти отменяется движение общественного транспорта, пригородных электричек, а так же приостанавливается

железнодорожное и авиасообщения. Для иногородних граждан будут организованы палаточные городки с горячим питанием. Иностранцы смогут покинуть страну только в течение ближайших суток на самолётах зарубежных авиакомпаний. Автовладельцам рекомендовано воздержаться от поездок.

В один миг огромный многомиллионный город распался на части. Из окна квартиры Никита видел, как люди спешили успеть на последний, может быть последний в их жизни транспорт.

Со всей области в Центр стягивались войска, колонны бронетранспортёров стояли на окраинах в ожидании часа, когда дороги освободятся от общественного транспорта. С личным транспортом приказано не церемонится. Ночью Никита вышел на улицу и смотрел, как войска движутся по городу. Любопытных, как и он, собралось немало. Впечатляющая и тревожная картина. Подвыпившая компания встречала солдат криками «Гип-гип, ура!». Из двора напрямик через тротуар на дорогу выскочил мерседес и тут же был расстрелян по колёсам, машину крутануло и она вылетела обратно на тротуар. Хорошо, что рядом не оказалось людей. А что с водителем? Убили? Атмосфера стала зловещей. Зевак поубавилось, весёлая компания заткнулась.

Вернувшись, домой Никита в растерянности ходил из угла в угол. Что же будет? Надо хотя бы пожрать купить. Ни ему одному эта мысль пришла в голову. Никита офигел, когда увидел в круглосуточном магазине толпу, сметающую с полок всё подряд. Он то же включился в этот процесс, потом долго ждал своей очереди в кассу: у всех тележки полны под завязку. Так убил время. Полдня проспал. Проснулся, умылся, зашёл на кухню сварить кофе и мелком глянул в окно на улицу: там шли люди с лицами исполосованными Серой смертью. Никита бросился обратно в ванну, как будто только что не видел себя в зеркале. Пристально рассмотрел своё отражение и облегчённо вздохнул: следов полосатого уродства ни на лице, ни на теле не было.

Телевидение работало на заставках — только голос за кадром. Повторами передавали адреса сборно-эвакуационных пунктов и накопителей по округам и районам. Эвакуация? Никита ничего не понимал. Интернет то и дело упал в обморочное состояние — недогруженные сайты, как полупроявленные снимки; рывками сеть очухивалась, но доступные ресурсы уже потеряли актуальность, большинство путей веб-паутины исчезли, соцсети зависли. Интернет — это люди, из которых он состоит, сам по себе он становится бесполезен, а людям стало не до интернет. Мобильная связь работала только на получение СМС от Государственного штаба жизнеобеспечения.

Вечером отключили свет. У Никиты в доме не оказалось ни фонарика, ни свечи. Затем в кранах кончилась вода. Никита сидел впотьмах: выходить на улицу — страшно; ждать в бездействии неизвестно чего — мучительно. В соседнем доме вспыхнул пожар, но пожарные уже не придут. Никто не придёт спасать! Эта простая мысль выталкивала Никиту из каменной западни, которая ещё вчера была уютным домашним гнёздышком. Но что делать дальше? Никаких мыслей об этом в голову не приходило.

Никита собрался, как считал неперемнным в подобных обстоятельствах: сложил в хипповый рюкзачок документы, деньги, кредитные карты, флешку с фотоальбомами родных, бабушкину кожаную тетрадь. Вещи уже не влезали в рюкзак, а таскать с собой сумки Никита не привык, поэтому переключившись на баул повместительней, не стал. Умывально-бритвенные принадлежности он всё же впихнул, включая дезодорант, лосьон, шампунь для волос, увлажняющий крем, гигиеническую помаду, набор для ухода за ногтями, массажную расчёску, заодно и смазку для анального секса, лак для волос отложил в сторону. Всё это Никита собирал, чиркая зажигалкой. Её огонёк быстро иссяк. Выходя, автоматически захватил с собой ключи от квартиры и от машины.

Вероятно, нужно идти к людям, а люди, в поисках спасения, склонны скапливаться у очагов власти. Никита рассудил здраво. Именно здравый смысл часто заводит туда, где мы хотели оказаться, но, как потом выясняется, представляли себе всё иначе. Никита уверенно шагал по безлюдной освещённой дороге, по направлению, проторённому ночью войсками. Он ошибочно думал, что поступает правильно. В этом смысле люди мало отличаются от тараканов, которые всегда сбиваются в кучу. Но с Никитой случилось то, что называется «парадокс ошибки»: не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы он пошёл в другую сторону, вслед за философскими размышлениями о странностях «правильного» и «неправильного», то это стало бы последним упоминанием о его судьбе.

Мимо проехала машина полиции, затормозила, развернулась вслед за Никитой, кольцо у него на пальце засвербело. Никита оглянулся по сторонам — дворы зияли темными пастями. Полицейская машина остановилась рядом с Никитой, из неё чуть не на ходу выскочил полицейский. Кольцо вопило, но Никита грешил на опасную тьму, жался к свету и не успел опомниться, как оказался в крепких руках стражей порядка. Они выполняли приказ: собирать всех без признаков Серой смерти, доставлять в отделение для их же безопасности и держать в полной сохранности. Применять силу разрешалось, оружие — нет. Счастливы не понимали своей удачи и полицейской заботы боялись как огня, поэтому норовили улизнуть

от приказа. А заботливые бюрократы не учли, что оружием в руках полицейского может стать любой неочевидный для этого предмет — карандаш, бутылка от шампанского, полиэтиленовый мешок на голову и много другое. Что уж говорить об уставной дубинке! А наручники — профилактическая мера предосторожности.

Голову Никиты крепко прижали к капоту, руки заломили за спину. Он видел только дорожный асфальт в фонарном свете.

Николай проехал мимо полицейских, которые скрутили какого-то парня с чистым лицом. Стоп! Последняя красноречивая деталь чуть не ускользнула от внимания. Николай резко затормозил, остановился и дал задний ход. Полицейские удивлённо смотрели на подъехавший джип. Их машины вышел человек в военной форме, но без головного убора. На разговор он не был настроен: два его точных выстрела избавили полицейских от нелёгкой службы по охране общественного порядка, а заодно и от тягости жизни.

Хватка, удерживавшая Никиту в сексуальной позе, пропала, но он продолжал прижиматься к капоту по инерции тела. Николай освободил парня от наручников, Никита распрямился и со страхом смотрел на незнакомца отмеченного Серой смертью. Хотя кольцо молчало, хотелось побыстрее смыться.

— Это грим. — Николай провёл по лицу пальцем.

Никита понял по-своему. Он решил, что незнакомец хотел загримировать следы Серой смерти, но это не получилось. Размечтался! Такое не спрячешь и не отмоешь. Всё равно скоро тебе конец!

— Быстро в машину! — скомандовал Николай.

Только не это! Из огня да в полымя! Но два полицейских трупа убеждали лучше, чем умели это делать при жизни. Никита подчинился. И они поехали. Куда? Зачем? Это уже безразлично. Все направления одинаково бессмысленны. Кабину освещала только приборная доска, вид незнакомца от этого стал зловещим и Никита боялся на него смотреть.

В первую минуту после самоубийства Левашова, Николай испытал чувство глубокого облегчения. Отмучился старик и его отмучил. А потом чуть не расплакался от саданувшей по сердцу боли. Снова вспомнилась смерть родителей, чуждость мира. Одиночество захватывало душу, как вражеская армия, потому что больше не осталось очага сопротивления противнику.

Надев на изуродованную выстрелом голову целлофановый пакет, Николай завернул тело Левашова в покрывало, вынес из дома и положил в машину. Соседи смотрели с ужасом, выстрела они не поняли, хотя что-то слышали, и вот теперь увидели, что это прозвучали шаги смерти, которая идёт и к ним то же.

На дачу они приехали поздно. Николай так и думал: мы едем на дачу, мы приехали, а похороны мы отложим до утра. Во дворе он развернул покрывало, снял с головы покойника мешок, сел рядом и прощался с доктором. Ни в ад, ни в рай Николай не верил, но искренне, от всего сердца, всей душой желал, чтобы Левашов попал в рай.

Утром Николай похоронил Левашова на холме рядом с дачей. Он обязательно будет сюда приходить. Николай не видел тел родителей, от них остались фрагменты и не факт, что их. Теперь он будет приходить на могилу к Левашову, как будто приходит и к родителям то же.

Спиртного на даче не нашлось, и Николай пошёл в посёлок купить водки на помин души. Магазины оказались разграбленными. Людей вокруг не много и все со следами Серой смерти на теле. Они смотрели на Николая, словно вождели, но не его, а себя прежних, без дьявольских отметин. Какой-то пьяный мужик зашёл в свой дом и вернулся с ружьём. Николай не стал дожидаться приглашения на тот свет и ретировался с быстротой, на какую только был способен. Сзади прогремели пьяные выстрелы сквозь пьяные слезы.

Больше ничего не удерживало Николая от решительных действий. После инцидента в посёлке, он нашёл в комнатах дочерей Левашова косметику, приправил её пеплом и нарисовал себе лицо Серой смерти.

Что делать со случайным мальчишкой, которого он спас? У войны свои планы. Бросить на дороге за ненужностью этот парфюмерный сувенир было жалко: сожрут шакалы парня. Поживём, увидим.

Подъехали к запущенному кусочку леса. Никите это не понравилось. Он хотя и не Красная шапочка, зато незнакомец уж очень похож на Серого волка. Николай сначала хотел оставить парня в машине, но взглянув в его глаза, передумал: в этих глазах черти водятся, про машину тогда можно забыть. Оставить на улице? Только лишне внимание привлекать. Придётся брать с собой. Николай показал пальцем на ляжку хиппового рюкзака Никиты и жестом приказал — сними. Никита снял рюкзак, мол, на, подавись! Конечно, что ещё ждать от такой бандитской рожи! Может, перед смертью хотя бы красиво выглядеть будет, урод.

Николай достал с заднего сидения автомат и спросил Никиту для порядку, зная какой услышит ответ:

— Стрелять умеешь?

Никита отрицательно замотал головой. Военная кафедра в университете была и всё как полагается, но сказать, что он что-то умеет в этом смысле практически — большое преувеличение.

— С автоматом разберусь. — неожиданно для себя ответил Никита.

— Не разберёшься, убьют. — Николай смотрел вопросительно. Никита в ответ неопределённо пожал плечами.

Автомат совершенно сбил Никиту с его мыслью о происходящем: он снова ничего не понимал. Николай что-то искал и на несколько мгновений включил свет в кабине. Серая смерть на его лице нарисована!

Больше Николай вопросов не задавал. Он всё же дал Никите автомат, нагрузил его подсумками и сказал ему, чтобы тот держался за его спиной.

Прошли по лесу, перелезли через полуразвалившийся забор и вышли на территорию небольшого завода. Железнодорожные рельсы вели в здание соединённое на разном уровне галереями, вероятно, с основным корпусом. Железнодорожные вагоны заходили под открытый навес, но никаких разгрузочных механизмов не было. Слева от заезда большие промышленные отъезжающие по торцу здания ворота. В глубине тупика обычна дверь с цифровым замком. Николай положил руку на замок и замок пропел ему какую-то незамысловатую мелодию. Выслушав, Николай набрал код. Дверь открылась.

Основную часть помещения занимал отсек, отгороженный от узкого прохода к лифтам решёткой с несколькими дверями. За решёткой много апатичных людей. Они безвольно или сидели на полу, или бесцельно бродили. Охранники только, что отправили очередную партию узников в лифтах наверх, но лифты опустить не успели. Открылась дверь, которая обычно использовалась сопровождающими, когда прибывала очередная партия биомата — этим словом называли людей за решёткой. Охранники увидели человека в форме. Для них любой человек в форме — старший по званию, они инстинктивно встали по стойке смирно, только что-то было не так. Офицер без головного убора! Вскинуть автоматы охранники не успели — две коротких очереди оборвали их мир без прошлого и будущего. Николай открыл основные ворота, но люди не рвались на свободу, близко стоящие равнодушно оглянулись.

— На выход! — Закричал Николай: — Все на выход! Вниз к реке через забор и в лес. Передайте другим.

Люди стали выходить, но не все услышали, или не обратили внимание. Николай прокричал ещё раз. Открытые ворота манили свежим воздухом и свободой, люди стали как будто просыпаться, слова Николая повторяли — река, забор, лес. Это будило воспоминания и возвращало в реальность. Люди стали выходить быстрее, но всё равно очень медленно. Николай ничего не мог с этим поделать, но знал, что стадный инстинкт сильнее затуманенного сознания и возьмёт своё — люди потянутся за теми, кто выходит.

У мёртвого охранника ожила рация. Значит скоро придёт подкрепление. Николай посмотрел на ошарашенного увиденным Никиту:

— Уходи с ними. Дальше я сам.

Никита отрицательно мотнул головой. Уговаривать некогда. Николай побежал к металлической лестнице, ведущей на галереи, Никита следом. Крутые пролёты дались ему нелегко, Никита чуть не выронил автомат. Наконец они добрались до входа без двери. Галерея метра три шириной и метров десять длинной. На другом конце пока никого не было. Николай сел на пол. Никита удивился, но тоже сел рядом. Николай пихнул его локтём:

— За спину.

Сидящий человек не выглядит опасным и оружие в глаза не бросается. Сразу стрелять не станут, подойдут ближе, чтобы разобраться. Николай опустил голову, так не видно его лица, а значит не видно и его намерений. В проходе появились пять человек: четыре беспамятных и офицер. Это ещё что за фигня напольная?

— Бегом! — скомандовал офицер, пропуская вперёд беспамятных. Когда он понял, что попался на уловку, было поздно.

У беспамятных проблема — они тормозят при виде формы, поэтому и не открыли ответный огонь сразу. Никите стало страшно, когда он услышал топот ног бегущих солдат. Кольцо на пальце вопило. Он зажался как зародыш в чреве матери и дрожал, а стрельба ещё сильнее ударила по нервам.

Мгновение смерти возвращало беспамятным прошлую жизнь: они проживали её заново минута за минутой, час за часом, день за днём, год за годом. Может быть, это колесо крутится вечно и для всех остальных людей? В каком-то смысле мы все беспамятные, а наша жизнь — лишь мгновение смерти.

Раненый офицер отползал назад. Николай подошёл к нему, посмотрел сквозь него, сжал кулаки и с силой разорвал невидимый материал. Офицер жутко закричал: он видел себя разрубленным на две половины, его внутренности

вываливались на пол. Крик сменился подвыванием, голос ослаб. Офицер за-
тих навсегда.

Николай вернулся к выходу, из которого они попали в галерею, Никита
спешил за ним как несмышлёный утёнок за мамой уткой. Сверху было вид-
но, что ещё не все узники вышли. Николай поднимался вверх по лестнице,
Никита полз за ним на карачках, его автомат упал в низ.

На верху зал лифтов. Пол в кабинах так и остался открытым в зияющие
глотки желобов смерти. Николай снял пояс и запустил его в смертельную
утробу. Никита никак не мог прийти в себя. Николай не обращал внимания
на нечаянного помощника, с которым только морока. Где-то рядом раздал-
ся взрыв: казалось, что на них сейчас обрушится заскрежетавшая металлом
крыша, но это рушились галереи. По лестнице спускались медленно, потому
что Никита спотыкался. Частично развалилась стена, к которой крепилась
лестница, и ступеньки ходили ходуном. Никита твердил про себя, что незна-
комец сумасшедший, проклятый сумасшедший.

Крыша основного корпуса рухнула, частично обрушились стены. Николай
протянул Никите его потерянный так и не стрелянный автомат. От главных
ворот к разрушенному корпусу бежали солдаты. Никита взял автомат де-
ревянными руками: вероятно, сейчас нужно приготовиться к последнему
геройскому бою.

— Поторапливайся. — спокойно сказал Николай: — Надо сматываться.

Сядясь в машину, Никита думал, что рай — это когда не стреляют и ничего
не взрывается. Зачем он попёрся за этим сумасшедшим? Не хотелось даже
спрашивать, что всё это было? Чтобы спасти одних людей, они убили других.
У каждого спасения своя цена, даже у спасения души.

— Может, тебя где-нибудь высадить? — вдруг спросил Николай.

Хуже этого вопроса только — пошёл вон! Или в столб врезаться. Никита
не хотел высаживаться!

— Ясно. Ты извозом подрабатываешь. — Никита начал язвительно, но за-
кончил правдой: — Одному ещё страшнее!

Ехали переулками-закоулками по дальним спальным районам. Люди жгли
костры и неспешно грабили магазины. Брали съестное, спиртное и год-
ное для кормления огня. Запасаться не имело смысла. Вокруг уже полно
мёртвых тел вперемешку с мертвецки пьяными. У костров те, кто смирился
со своей участью. Многие ушли на эвакуационные пункты. Почему эвакуа-
ция и куда? Не время задумываться. Семьи уходили в надежде, что может

быть, дети спасутся. Или за ними кто-нибудь присмотрит, после смерти родителей.

Божьи ангелы сбились с ног, принимая толпы людских душ не небе. У врат в Царствие небесное творилось чёрт знает что! Сотворить мир проще, чем разобраться с его последствиями.

Иногда попадались пустынные улицы, словно всё как всегда в такое позднее время. Николай старался не выезжать на главные дороги. Когда этого было не избежать, медленно подкрадывался, один раз даже остановился во дворе и вышел посмотреть, что их может ждать впереди. В другой раз у Никиты на пальце нестерпимо засвербело кольцо, и он скомандовал:

— Стой!

Николай на удивление послушался и резко затормозил, не доехав до перекрёстка. Наперекор осмысленному движению кавалькада безумных гонщиков мчалась не перегонки со смертью. Одна машина зацепила другую, но убийственное столпотворение не остановило тех, кому повезло его избежать. Сейчас это самое дорогое везение в жизни, потому что, вероятно, последнее. Столкнувшиеся автомобили скорёживались со звуком консервных банок падающих с высоты на асфальт.

В одном из переулков в открытое настежь окно звучал рояль: пьяный пианист ударял по клавишам как придётся. Звуки, удивляясь неожиданно свободе от гармонии, беспорядочно совокуплялись, их нагромождение было чудовищным и страстным. Рояль трепетал, изменяя вечности под напором пианиста насильника.

Наконец куда-то приехали. Опять кого-то спасать? Очевидно, незнакомец супер-пупер герой, а Никита вроде Робина при Бетмане. Что сулит новая серия? Никита решил её пропустить. Он ещё не забыл, как взбирался на окаянную лестницу, и не хочет вспоминать, как с неё спускался без подстраховочного парашюта. Это неправильный Батман: он не бросится в огонь за своим Робинем, он его даже не замечает. С ним того и гляди схлопочешь шальную пулю в мирное время.

— Сиди в машине. — Николай не собирался брать с собой Никиту, даже если бы тот стал его умолять: — Вот. — Николай взял с заднего сидения плед: — Прикройся и прикинься шлангом.

Спорить Никита не стал, хотя про шланг — это даже слегка обидно. Нет, Бетман бы так не сказал!

Чёрный вход, как и в бытность тут Николая, открыт. Значит, старого дворника ещё не уволили за халатность, или новый тоже пришёл к здравому выво-

ду — ноги не казённые, чтобы всякий раз в охранку ходить. Хоть какое-то постоянство случайностей в неслучайном мире!

В здании словно и не ночное время. Похоже, что все готовятся к переезду: коробки, ящики, суета, у грузового лифта очередь. План Николая на это не был рассчитан, но оказалось, что бурное административное кипение только к лучшему. Никто ни на кого не обращал внимания: кто станет шараться здесь без дела в безумное время?

До заветной двери Николай добрался беспрепятственно. В этой части здания было поспокойнее. Рассчитывать на неизменность кода не приходилось — в этом случае логика дворника не работала. Николаю два раза пришлось прослушивать сложную мелодию кодового замка, который открывался либо личной карточкой, либо замысловатой непригодной к запоминанию комбинацией цифр, знаков и пауз.

В лаборатории кто-то был. Это плохо. Кому-то не повезло. Видимо и здесь готовились к переезду: повсюду упакованные ящики, коробки. В первую очередь нужно разобраться с хозяевами. Только бы не женщина! Женщин Николай ещё не убивал и поэтому не знал, трудно ли будет это ему сделать? Оказалось, что старый знакомый, жаль, что не Мамонтов. Увидев Николая, он потерял дар речи, потому что увидел покойника, можно даже сказать, легендарного покойника! На поговорить о былом не было ни времени, ни желания: в любом случае, разговор с человеком, которого ты сейчас убьёшь, ни к чему.

Покончив с помехой, Николай нашёл то, за чем пришёл. Шлём был упакован в квадратный кейс. Мелкие причиндалы к нему — ещё один чемоданчик. Не мешало бы ещё кое-то прихватить. Николай разыскал просторную приборную сумку и нагрузил её. Теперь он был похож на навьюченного носильщика. Николай достал из подсумка взрывное устройство, выставил время и вышел из лаборатории. Ровно перед опасно многолюдным для него в навьюченном виде участком пути, сработала бомба. Взрывная волна дрожью прокатилась по зданию. Свет погас. В последовавшей панике Николай, не скрываясь, остался незамеченным.

Взрыв в здании не удивил Никиту. Как же без этого? А может, незнакомец террорист? Зачем тогда людей спасать? Увидев Николая нагруженного вещами, Никита подумал, что это было ограбление. Можно сказать и так.

На обратном пути неизвестно куда обратно, им пришлось часто прятаться от военных машин и бронетранспортёров. Мост, через который Николай хотел проехать, военные заблокировали. Пришлось доночевывать в машине на каком-то пустыре.

Выпили чаю из термоса.

— Николай. — назвал себя Николай, вспомнив, что ещё не познакомились.

Вероятно, один теракт — это не повод для знакомства, приличные нынче люди знакомятся только после второго, решил Никита:

— Никита.

Возвращение Серой смерти не застало руководство Несчастной страны врасплох.

Президент и всё его жизнеобеспечение на лифтах современных технологий перенесли глубоко под землю в Город-организм. Давным-давно он был задуман как высоко комфортное бомбоубежище для руководителей страны. Теперь это современное техническое чудо. По продуманности, функциональности и удобству равных ему нет и на поверхности. А всё потому, что в этом Городе нет ничего случайного, в том числе и случайных людей, начиная от дворника и заканчивая высокодолжностными обитателями.

Автономность Города необыкновенна. Даже если завтра планета Земля разлетится на куски, то в одном из кусков, который не даст и трещинки от катаклизма, останется Город и будет функционировать, как ни в чём не бывало. К сожалению, в таком прискорбном случае люди вряд ли выживут и то лишь по тому, что их убьёт осознание факта — земли больше нет, и они летят в своей скорлупке неведомо куда и зачем.

Одна из проблем, которую пришлось решать строителям Города — экологичность. Это на земном просторе можно гадить, как угодно и где угодно. Под землёй даже с обычным говном нужно разделаться так, чтобы оно могло быть употреблено в дальнейшую пользу без малейшего вреда для подземного жизненного пространства. Затраты на решение огромного комплекса экологических задач и ресурсы, которые для этого потребовались, в том числе новые материалы, новые технологии и их реализация на месте, причинили в совокупности такой вред и ущерб на поверхности земли, что оправдать это можно только сакральностью Города. Его автономное функционирование по гарантии — тысяча лет.

В Городе созданы все условия для работы и жизни Президента и Правительства, а так же тех, кто к этому причастен, в том смысле, что тех, без кого нельзя обойтись. А если кто, как говорится, не родится свыше, то и пенять не на кого. Не оставлено без внимания высшее духовенство, но, к сожалению, только

одной конфессии. Этот недостаток собирались устранить в будущем, да всё как-то руки не дошли.

Не стоит думать, что Город какое-то военизированное поселение, хотя его охрана поставлена на высшем уровне. Здесь живут люди семьями с детьми, есть кинотеатры и клубы, зелёные зоны отдыха. Здесь собраны в электронном виде все знания мира. Найти тут досуг себе по душе не трудно, если только этот досуг не связан с пьянством и развратом. Проституции, гомосексуализму, наркомании и прочему подобному в сакральном Городе места нет! А бог есть — в сердце. На всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых. И на земле, и под землёй.

Суеверные люди могут подумать, что Президент находится в том месте, где по их разумению должен находиться ад. На это можно ответить, что работа Президента, поистине адова работа. А глупые люди думают, что где Президент, там и рай. Таким хорошо везде, где их нет. Правильные граждане понимают, что безопасность Президента — это безопасность Государства.

Опыт Эпидемии показал Власти, чего и кого ей следует бояться, поэтому в Центр стягивались войска. Абсолютно не доверяя полиции, которую к тому же, вероятно, растерзают в первую очередь, Президент возложил поддержание правопорядка на военных. Полиция — на подхвате.

Воинские соединения образовали кордон по периметру Бульвара цветов. Жителей внутри оцепления собрали в нескольких специально подготовленных для этого местах: так проще будет убирать трупы. Строптивым помогли почувствовать себя добровольцами. Государевых людей, строго по специальным спискам, перевели на казарменное положение.

Критическим моментом стало появление признаков Серой смерти у всех без исключения — привитых и не привитых, в том числе и у Президента, и у Директора то же. Это был шок! Казалось, что всё бессмысленно, всё кончено. Нужно встать, уйти и ждать своего часа. Но Директор вспомнил слова Левашова, что первичные признаки могут появиться. Главным аргументом это не стало. То, что сказал Алексей об их предстоящей встрече и долгой жизни Директора — пожалуй, это сыграло решающую роль: натолкнуло на простое решение — язык без костей. В войска, на Флот, по всем закрытым государственным каналам связи была направлена категорическая директива: «Панику не допускать! Появление первичных признаков неизбежно. Всем, кто привит, ничего не угрожает. Паникёров расстреливать. Президент». Если Директор не прав, то упрекнуть его можно будет лишь в Царствии небесном.

Директива возымела действие. Президент отчитал Директора за превышение полномочий, но в душе был ему благодарен. Даже если это ложь, то святая. Президенту хотелось в неё верить. Сам бы он не решился на такую директиву.

В церквях, в мечетях и на прилегающих к ним территориях — столпотворение. Людей там решили не трогать, оставили как есть. В конце концов, не силком собирали, а то же много трупов в одном месте, всё же лучше, чем по всему городу.

Директор сделал правильно и своевременно запустил директиву. Уже через несколько часов стало ясно, у людей которые умрут, следы Серой смерти становятся всё отчётливей и страшнее, у привитых никаких изменений не наблюдается. Это была победа!

Сразу отпала необходимость в списках: отличить «своих» теперь стало просто. Такой пропуск в будущее не подделаешь! Но в суматохе отделять «чёрненьких» от «беленьких» — это значит привлекать лишнее внимание, вызывать лишние вопросы и возбуждать толпу. Они всё равно выживут, потом их и соберут. А вот «чистеньких» Директор приказал вылавливать, для их же безопасности. Такие в толпу не полезут, но и дома не усидят без электричества и воды. Пусть их полиция и собирает как цветы на поляне, это ей поручить можно.

Думцы, защищаясь своим статусом, избежали спецнакопителей. Прорвавшись в Думу, они пытались связаться с премьером, с министрами, но правительство, словно сквозь землю провалилось! Многие депутаты приехали с семьями, думая, что так оградят своих близких от опасностей смутного времени. Обслуживающего персонала в здании не оказалось. Вскоре исчезла охрана. Собрались в зале заседаний, но обсудить своё положение не успели — пропало электричество. Самые непонятливые горячились, требовали призвать Президента к ответу за попрание Конституции. Женщины в темноте плакали.

К вечеру люди и за оцеплением, и внутри, стали умирать. Скрыть правду о привитых и «остальных» не удалось. Слух об этом распространялся по живой цепочке. Ночью толпы людей извне ринулись к оцеплению, требуя прививку. Директор настаивал отдать приказ войскам стрелять на поражение, иначе начнётся штурм и полный хаос. Белый как полотно Президент, даже следы Серой смерти стали слабо видны, молчал. Министр обороны и начальник Генштаба в сотый раз повторяли, что приказ стрелять по безоружным больным людям — это преступление и позор для армии.

Президент упёрся взглядом в Директора:

— У тебя наверняка есть ещё вакцина! — Директор утвердительно кивнул, немного вакцины осталось. Президент принял решение: — Вакцинация! Преимущество детям и женщинам, мужчинам до тридцати.

Гуманно и по государственному — не всем подряд. Только как это в таком кошмаре реализовать? Шприц-пистолетов мало. Выручили одноразовые шприцы: редкий случай, когда их одноразовость была поправа с пользой. Чтобы «укольников» не разорвала толпа, их сопровождали автоматчики, которым было приказано стрелять в случае самообороны.

Организовать очередь не удавалось. «Укольщики» просто шли по живому коридору, и почти наугад кому повезёт, делали прививку, но в первую очередь женщинам и детям. Лица, глаза, лица, глаза... В глазах нечеловеческая мольба. Продирающий до мозга шёпот: «Господи, помоги, Господи, помоги...» Матери подталкивающие детей, молодые мужчины, тянущие руку... «Укольщики» плакали.

Отходили метров на двадцать, не дальше, солдаты не давали коридору сомкнуться. Толпа терпела. Возвращались обратно. Коридоры смыкались. «Укольщики» выходили снова во вновь образовавшиеся коридоры. Дозу вакцины делили на два укола. В одном из коридоров произошла давка, солдаты открыли огонь, но «укольщик» спасти не удалось: толпа проглотила его как чудовищная глотка. Через громкоговорители передали, что в случае повторения инцидента вакцинация будет прекращена. Охрану «укольников» усилили и дальше чем на десять метров не отходили. В толпе начались драки за место в коридоре.

Директору доложили о диверсии на Установке. Он сначала не понял — это в голове не укладывалось! Кто мог взорвать Установку?! Напряжение последних дней вырвалось в мат, в угрозу расстрелять виновных. Директор чуть себе кулаки о свой стол не отбил. Надежды на пополнение вакцины больше не было, и заменить её для видимости нечем.

Успокоившись, Директор думал о том, что расстрел толпы неизбежен: запустить людей в периметр — значит потерять контроль над событиями. Офицер связи с полицией доложил, что собрали уже около трёхсот человек «чистеньких». Очень кстати! За этим решением Директор к Президенту не пошёл — бестолку, только время терять, а его то, как раз, сейчас и нет.

Вакцина закончилась не сразу везде по периметру, но закончилась. Толпа ждала. Пока ещё ждала. Глаза толпы, уже не глаза, молящие о помощи, это глаза ненависти. Полицейские стали привозить людей с мешками на голове: иногда это были целлофановые пакеты, иногда наволочки из разграбленных магазинов или просто повязки на глазах.

Полицейский выводил «слепого» за оцепление, снимал с него мешок, освещал фонариком лицо и толкал в толпу. Первых несчастных толпа забирала медленно: сначала нерешительно ощупывала. Обычно женщины начинали кусать: они впивались в шею как вампиры. За ними бросались остальные. «Слепой» орал до срыва глотки, но недолго, потому что рот удобно разрывать. Ломали, выкручивали и пытались выдернуть руки, разрывали живот и мазали себя внутренностями, уносили трофеи, царапали себя и прикладывались к окровавленному асфальту. Спину ломали, прыгая на позвоночнике. До крови ранились о поломанные ребра. Ноги и мышцы плохо поддавались растерзанию, поэтому их обсасывали, предварительно разодрав кожу. Появились ножи, их передавали по эстафете. С ножами дело пошло быстрее и увереннее.

Так скормили всех, включая женщин, а толпа всё прибывала, и прибывала, потому что слух о лекарстве распространялся всё шире, и шире. А если бы среди «чистеньких» были дети? Как же много людей в этом городе! Директор ещё раз объяснил Президенту, что обезумевшая толпа ринется, прежде всего, к зданиям властных структур. Восстановить потом утраченное не удастся. То, что сохраним, тем и будем пользоваться. Президент отдал приказ.

Для солдат оцепления эта ночь стала войной. На примере «слепых» они увидели, что их ждёт, если они дадут слабину. Толпу расстреливали безжалостно и к утру рассеяли.

По всему городу на улицах догорали костры. Часто вокруг них сидели семьями, в обнимку, семьями умирали. К обеду большая часть населения города и Несчастной страны была уже мертва, а к вечеру умерли остальные. Прививки помогли не всем, но многим: интенсивность отметин Серой смерти спала. Спаслись и те, кто добыл себе спасение дьявольским способом. Вечное им проклятие! Остальным неведомо, какой ценой они остались живы. Государство позаботилось.

Неофициальные предварительные итоги по Несчастной стране выглядели непонятно как: то ли радоваться, то ли ужасаться? В крупных городах расстрелы толп населения начались ещё до приказа Президента. Управленческую инфраструктуру кое-как удалось сохранить, но хватит ли выживших для её обслуживания? Прочие города и веси вряд ли уже можно считать населёнными пунктами. Промышленное производство встало и в основном навсегда. Людские ресурсы ничтожны, но они всё же есть, чего нельзя сказать о соседних дружественных республиках. Тем, кто в них выжил, не остаётся ничего другого как снова влиться в прежнюю семью народов, но о национальной идентификации говорить не приходится — теперь уж как Старший брат скажет, если принять захочет в свои ряды.

Информация с космических спутников не оставляет сомнений: Иран таки напоследок бомбанул Израиль, а у Израиля было, чем ответить. Радиоактивные облака обрабатывают территорию Юго-восточной Азии.

В США подозрительная активность средств связи. Судя по радиоперехватам, тон там задают преступные кланы. Китай затаился: скупой зашифрованный радиообмен на воинских частотах — больше ничего не известно. Европу можно сбросить со счетов. Одиночные радиостанции развлекают сами себя и эфир религиозными песнопениями, пацифистской чепухой и рок-музыкой.

Никита проснулся от того, что во сне никак не мог перелезть через какой-то дрянной забор и очень из-за этого злился. Николая в машине не было. Уже день, только птички не поют. Организм требовал срочного облегчения.

Недалеко от машины на плешивой траве сидел Николай — в миру, но не от мира. Он о чём-то думал. Никита, справив свои дела, подошёл к Николаю, который его заметил, но даже позы не изменил, продолжая быть где-то в мыслях.

При свете дня Николай выглядел не зловеще. Хорошо выглядел! Даже с нарисованным Серым ужасом на лице. Никита вынужден это признать. Интересно, он натурал или би? Ни гей — точно! Никита об этом подумал не из-за сексуальной озабоченности, а по привычке видеть в любом парне возможный или невозможный сексуальный объект. А разве с людьми, выбирающими противоположный пол, не происходит явно, или неявно то же самое? Никакие катаклизмы ничего с этим поделать не могут!

— В термосе чай, в пакете бутерброд. — сказал Николай, не прерывая своё ментальное отсутствие.

Выбирались с пустыря осторожно. Живых людей уже не встречали, только мёртвые тела повсюду. Никита не спрашивал, куда они едут. А если бы и спросил? Ах, извините, нам не по пути, я выйду! Впереди на дороге труп. Николай лишь слегка притормозил. Никиту передёрнуло.

Мост, по которому они не смогли проехать ночью, так и был перекрыт военными. Николай прикинул в уме, во что по времени и бензину станет объезд: придётся поколесить, да что поделаешь. Другой мост, только в обратную от нужной сторону, был свободен. Николай остановил машину на середине моста и вышел. Отсюда хороший вид на город: захотелось попрощаться. Никита так глобально не думал, вышел размять ноги.

День солнечный с лёгкими барашками облаков на небе. Воздух прозрачный до самых мелких деталей открывающейся панорамы горделивого и прекрасного города, в котором жили разные люди, а теперь будут жить не люди. Николай определил своё отношение к новому порядку вещей. Надо дать им имя... Недалеко от моста жизнерадостно блистали свежей позолотой купола церкви. Кресты!

Когда на земле человеку дают имя, на небе божьи ангелы играют на флейте. Когда народ получает имя — Архангелы трубят в трубы.

Внизу по реке проплывала баржа наполненная трупами.

Военные по всей области собирали выживших: среди них — мэры городов с семьями, маленькие начальники, иногда простые люди, непонятно как затесавшиеся в счастливыцы, а так же наивные «чистенькие». Последних, вероятно, ничего хорошего не ждёт. Рассказы солдат из оцепления разлетелись по войскам, удержать разговоры о жуткой ночи было невозможно, да офицеры и не пытались, они то же не понимали что происходит. На одном из промежуточных сборных пунктов офицер отпустил «чистеньких» со словами: «Бегите от нас как от чумы! И своим передайте.»

Военное начальство не знало, как расценить происшествие: не врагов ведь ловят, а гражданских спасают. Всё же отнесли к разряду ЧП, провели работу с личным составом, офицеру объявили выговор. Директор оценил случившееся, как тревожный симптом. Армия без врага — пол армии. Кто знает, какие сюрпризы впереди? А если ещё и армия начнёт сюрпризничать, то и вовсе беда. Вчера они были защитниками родины от внешних врагов. А сегодня? Идеологию в один присест не переменишь, но менять её нужно. Сейчас только армия скрепляет остатки Несчастной страны.

Директор передал заботу о «чистеньких» в компетенцию полиции, а в войска ушло информационное письмо, в котором говорилось, что некая «террористическая организация «Новый порядок», состоящая из людей не подверженных Серой смерти, в критический момент совершила теракт, уничтожив Установку по производству вакцины. На совести террористов сотни тысяч неспасённых жизней». И далее в таком духе. На правде патриотически людей не воспитаешь.

В дальнейшем «чистеньких» называли «терами», «оргами», «энпэшниками», «новыми», «новпорами», пока не появилось — бесы. Страшная ночь стала в памяти «Слепой ночью». С неё начался отсчёт нового времени, новой истории.

Зеркала надолго стали нежелательной частью интерьера. Лишь необходимость приводить себя в порядок вынуждала смотреть на своё отталкивающее отражение. И женщины, и мужчины одинаково не хотели видеть себя отмеченными Серой смертью. Надеялись, что со временем это пройдёт, что лица и тела снова станут привычными, без серовато-бурых полосами наростов. Но ничего не менялось в их облике, надежда пропала. У каждого человека был свой неповторимый узор, как линии на руке, как отпечатки пальцев. Новорождённые в новом мире сочетали в себе родительские черты, в том числе и узор. Когда они подрастут, и будут смотреть старое кино, прежние люди будут казаться им уродливыми. А их родители, которые примут свой облик как неизбежность, ещё долго будут тосковать о себе прежних. Со временем женщины, с помощью косметических ухищрений, научатся придавать своему узору то манящую пикантность, то сдержанную многозначительность, то строгий деловой стиль. Мужчины станут подчёркивать свою мужественность глубокими темными тонами, балагуры и ловеласы будут пользоваться светлыми тенями. Так появится язык узоров говорящий о социальном статусе человека, о его характере, о его привычках, а во флиртующих ситуациях и о его намерениях.

Из-за всеобщего бардака перед Слепой ночью несколько тысяч «чистеньких» избежали своей участи спасителей нации и государства. Директор, верно, рассудил, что нет худа без добра и уже не опасаясь общественного мнения, которое если и было, то безмолвствовало, находясь в ужасном и полнейшем неведении, назвал вещи своими именами, правда, в своей же государственной манере. Тайные узники стали официальными узниками, как причастные к террористической организации «Новый порядок». Вспышка загадочной болезни незадолго до Слепой ночи, напугавшая Несчастную страну и весь мир, таким образом, получила очевидное объяснение. Роль террористов в распространении Серой смерти ещё предстоит выяснить. Количество скрытых до злосчастной поры врагов изумляло и пугало одновременно. Президенту пришлось проглотить вздорную мотивацию, потому что назвать вещи действительно своими именами он ещё не был готов, и неизвестно решится ли на это когда-нибудь. Так на счастье Несчастной страны у неё снова появился могучий и коварный враг.

«Я начинаю эти записи не, потому что боюсь забыть. Я боюсь, что об этом некому будет написать. Для кого я пишу? Не знаю. Но чувствую, что должен написать.

Сколько людей осталось на планете Земля? Не известно. Сотни тысяч, миллион, десять миллионов... Не известно. Очевидно, что счёт уже не идёт на миллиарды. Нас осталось мало».

Дальше шли каракули, вероятно, — графическое воплощение напряжённой работы мысли.

Николай усмехнулся и положил блокнот на стол. Утро набирало силу, Не произошло ничего такого, от чего солнце не должно было подняться.

Никита сладко спал и походил на милого подростка, который мил пока спит, но проснувшись, становится невыносим. Сколько ему? Говорит, что двадцать четыре, а ведёт себя иногда еле на пятнадцать. Разница в возрасте у них с Николаем небольшая, всего шесть лет, но часто это похоже на отношения молодого отца с капризным сыном.

Они долго выбирали место без тошнотворного трупного запаха. Разлагающиеся тела повсюду. Убирать их некому. Никита зажимал нос и обрызгивался дезодорантом, который захватил из дома: вот поистине непременная вещь в катастрофическом багаже!

— Брось. Ты ещё больше раздражаешь обонятельные рецепторы. — попытался объяснить Николай: — От этого только хуже. Притерпись.

— А ты всё знаешь! — огрызнулся Никита.

Но даже если и притерпеться, то ощущение запаха лишь слабеет, он стоит везде и пропитывает всё — одежду, тело, мысли, душу; отбивает аппетит и вгоняет в депрессию, больше, чем вид мёртвых тел. В полумраке трупы шевелятся. Это крысы. Их полчища. Запах бесхозной мертвечины возбуждает их как наркотик. Свежая, лакомая мёртвая плоть в необозримом количестве! Это настоящий крысиный пир. Мухи бояться темноты и урывают своё днём, без устали откладывая личинки, любят трупы постарше, пожиже...

Отказался спать в машине Никита. Это была не истерика, но истерикой всё бы закончилось. Он заявил, что не может спать в машине, потому что это не сон, а чёрте что, потому что Николай храпит, потому что... Какая разница почему! Николай не стал спорить. В их распоряжении был весь город, весь мёртвый город, в который они заехали по дороге в неизвестность.

Ночь они провели в несильно разграбленном магазине, так что нашлось, что постелить на пол. В машине было бы удобней.

Присев на импровизированную кровать, Николай осторожно положил руку на плечо спящего ангела во плоти и вполголоса произнёс:

— Подъем.

Никита не реагировал.

— Подъем! — это уже был командирский металл.

Никита смахнул с плеча досаждающую руку, и буркнул: — Отстань.

— Вставай, писатель. А то брошу тебя тут, и читать некому будет.

Издательское «писатель» подействовало как пощёчина. Никита резко сел, но до конца не проснулся:

— Тебя учили, не копаться в чужих вещах?

Проснувшийся ангел превратился в фурию. Никита смотрел зло и непонимающе. Почему он здесь? Кто этот парень? Что происходит? Но сладостное неведение исчезло стремительно. Никита обхватил голову руками:

— Блядь, лучше бы я во сне сдох!

— Глупости. — для порядка сказал Николай, хотя и сам был недалёк от подобных мыслей.

— И даже без утренней эрекции... — попробовал пошутить Никита, но получилось не смешно. Он с тоской смотрел на своего спасителя. Почему они не встретились в обычной жизни? Полусонные глупости промелькнули в голове и растворились в жуткой, разящей трупной воню, реальности. Подошла и утренняя эрекция.

— Бросит он меня! Размечтался! — буркнул Никита.

Ледяное спокойствие Николая иногда выводило Никиту из себя, хотя в теории должно успокаивать окружающих в нервной обстановке. Наверное, мало окружающих — один Никита. А может быть Николай равнодушен ко всему? Нет, на равнодушие не похоже. Ещё у него, странная манера разговаривать: без знаков препинания и не понятно то ли вопрос, то ли утверждение? А когда слушает, не понятно — слышит ли? На самом деле всё слышит, всё видит, всё замечает, даже когда погружается в свои мысли. Брутальная скала, а не человек!

Кажется, наконец-то они добрались до спокойного места и можно попробовать привести себя в порядок. По дорогам шныряли полицейские и военные машины, несколько дней пришлось прятаться, ночевать в лесу.

Зашли в продуктовый магазин, чтобы умыться водой из бутылок. Результат Николая расхохотал Никиту: остатки страшной боевой раскраски под Серую смерть превратились в клоунскую маску. Никита знал, что в таких случаях надо делать и привёл Николая в косметический отдел универсама. Косметику с его лица снимал неторопливо и тщательно.

— Долго ещё ты меня будешь оглаживать. — поинтересовался Николай, процедурное ухаживание за его лицом, как ему показалось, бесосновательно затягивалось.

С косметическим отделом Никита расстался с лёгким сожалением. Наперёд нужно позаботится о смене одежды. Его ждало разочарование: сплошь китайские подделки, аляповатые тона, пошлость и безвкусица. Безнадёжно побродив среди вещного неликвидпошиба, Никита вернулся к Николаю, с которым разминулся в отделе мужского белья. Ба! Было на что посмотреть. Николай стоял без трусов и пытался извлечь из магазинных плавок фигну от воровства.

— Прекрати тарашиться! — Николай не стал изображать стыдливость: — Посмотри на кассе съёмник, пожалуйста.

Съёмник, так съёмник, чего не сделаешь для такого друга! Никита принёс съёмник и продолжил нагло тарашиться, пока Николай одевался.

— Магазин — говно! — пожаловался Никита.

Возражать Николай не стал, он взял Никиту за рукав и как непослушного ребёнка повёл по торговым рядам, что-то выбирал, на глазок, прикидывая размер, и складывал в общую большую сумку:

— Ничего, сегодня в гей-клуб не сходишь, придётся дома посидеть.

— Коль... Пожалуйста. — Никита не хотел ссориться, потому что ссорится с Николаем то же самое, что ссорится с каменным истуканом: — Я же съёмник принёс? — Никита уже подобрал ключик к железному дровосеку: — Я ведь не отказываюсь, но давай где-нибудь ещё посмотрим?

Поездили, нашли маленький и почти приличный магазинчик. Теперь выбирал Никита и для Николая то же. Тот равнодушно наблюдал, иногда скептически ухмылялся. Нагрузившись, вернулись к машине. В аптеке через дорогу слышался шум. Кольцо Никиты молчало. Николай снял с предохранителя пистолет.

За прилавком на месте продавцов устроилась колоритная тройца: два мужичка и бабеч неопределённо наркотического возраста. Мужички словили кайф и улетели. Николай проверил пульс. Они улетели навсегда.

— Это мы ещё до больнички не добрались. — пояснила бабеч.

Грустно так встретить людей.

— Эй, ребята! Вы куда? — сипло вопрошала бабеч, вслед уходящим незнакомцам: — Вы такие классные...

В небольшом скверике, безнадежно засранном собаками из соседних домов, на скамейку опустилась птица Гамаюн и смотрела вслед отъехавшей машине.

(Продолжение следует...)

